

I.

Тристанъ.

Поэтическая легенда о любви Тристана и Изольды принадлежит къ числу наиболѣ любимыхъ и популярныхъ въ средне-вѣковой поэзіи западной Европы ¹⁾. Популярность эта объясняется своеобразнымъ содержаніемъ кельтской сказки, легшей въ ея основу ²⁾ и, болѣе того, поэтическими качествами ея древнихъ англофранцузскихъ и французскихъ стихотворныхъ обработокъ. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о нихъ крайне отрывочны и лишь отчасти восполняются позднѣйшими переработками утраченныхъ или фрагментарно-сохраненныхъ подлинниковъ ³⁾. Такъ англонорманскіе поэмы Béroul (ок. 1150) и Thomas

¹⁾ Сл. Sudre, Les allusions à la légende de Tristan dans la littérature du moyen âge, въ Romania № 60, стр. 534 слѣд.

²⁾ О кельтскихъ мотивахъ въ романахъ Круглаго Стола сл. G. Paris, Les romans en vers du cycle de la Table ronde (extrait du t. XXX de l'Histoire littéraire de la France), въ введеніи и passim. Это не исключаетъ со стороны кельтскихъ сказочниковъ знакомства съ зажими сюжетами (сл. стр. 192) и даже съ классической мифологіей (сл. стр. 140). По этому поводу позволю себѣ вопросъ: Bédier (La mort de Tristan et d'Iseut, въ Romania № 60, стр. 485), сближая рассказъ о смерти Тристана съ сходнымъ мотивомъ въ легендѣ о Тезеѣ, оговаривается: «les poètes bretons ignoraient Hésiode, Sophocle et tout le cycle gréco-romain», и они и Гезіодъ, «glanaient dans le même fonds de légendes qui avaient amusé, en des temps quasi préhistoriques, les esprits des hommes». G. Paris замѣчаетъ по этому поводу (l. c. стр. 485, прим. 2), что это сближеніе двухъ легендъ, давно предложенное имъ съ каеэды, «me paraît s'appuyer sur divers rapprochements frappants, dont quelques-uns seulement sont indiqués ci-dessus». Интересно было-бы узнать, объясняетъ-ли онъ это сходство доисторическимъ преданіемъ или классическими воспоминаніями кельтскихъ сказочниковъ? Замѣтимъ кстати, что Sarrazin (Germanische Sagen-motive im Tristan-Roman, въ Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte, I, стр. 262 и слѣд.) попытался недавно, хотя и не совсѣмъ удачно, указать на германскіе сказочные мотивы въ романѣ о Тристанѣ, кельтскую основу котораго совершенно отрицаетъ Golther, Die Sage von Tristan und Isolde. Studie über ihre Entstehung und Entwicklung im Mittelalter (München, 1887), стр. 10, 100, 107.

³⁾ Сл. общее обзорѣніе вопроса у G. Paris, Les romans, стр. 19—22.

(ок. 1170) ¹⁾ сохранились лишь въ отрывкахъ, а Тристанъ Chrestien de Troies (ок. 1150 г.) ²⁾ вовсе не дошелъ до насъ. Къ тексту, сходному съ Bérout'евскимъ, восходитъ поэма Eilhart'a von Oberg (ок. 1195 г.) ³⁾, и подобнымъ же текстомъ пользовался отчасти редакторъ той версиі старофранцузскаго прозаическаго романа, которая легла въ основу его старопечатныхъ изданій. Томасу слѣдовалъ въ своей неоконченной поэмѣ Готфридъ Страсбургскій (ок. 1203 г.), авторы староанглійскаго Sir Tristram и нижненѣмецкаго Tristrant'a, сохранившагося въ отрывкѣ ⁴⁾, и существуетъ норвежскій прозаическій переводъ поэмы, недавно изданный Kölbing'омъ. Что до утраченнаго оригинала Chrestien de Troies, то о немъ мы можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, если оправдается мнѣніе G. Paris'a: что французскій прозаическій романъ о Тристанѣ восходитъ къ какой-нибудь передѣлкѣ поэмы Chrestien'a ⁵⁾.

Первоисточникъ познанскаго Тристана относится, очевидно, къ группѣ французскихъ прозаическихъ романовъ, приблизительную генеалогію которыхъ пытался установить Бракельманъ ⁶⁾.

Онъ распредѣляетъ ихъ на три группы:

1) Романъ Luce de Gast съ продолженіемъ Robert'a de Borron. Сюда относятся рукописи Bibliothèque Nationale №№ 756, 757 fol. 1—99; № 1434.

2) Редакція Élie de Borron: Bibl. Nat. №№ 750, 12599, 757 (fol. 89—263), 760, 755 и 104.

¹⁾ Новое изданіе послѣдняго готовитъ Vetter. Сл. его: La légende de Tristan. Marburg i. H. 1882 и Böttiger, Der Tristan des Thomas. Göttingen 1883.— Въ одномъ изъ слѣдующихъ №№ Studj di filologia romanza имѣетъ появиться статья Novati: Un nuovo e un vecchio frammento del Tristano di Tommaso.

²⁾ G. Paris, Les romans, стр. 14.

³⁾ Сл. Ernest Muret, Eilhart d'Oberg et sa source française въ Romania № 62—64, стр. 288 и слѣд.

⁴⁾ Сл. Lambel въ Germania XXVI, стр. 356; Titz, Zs. f. deutsches Alterthum XXV, стр. 248 слѣд.; Böttiger l. c. стр. 5.

⁵⁾ G. Paris, Note sur les romans relatifs à Tristan, Romania № 60, стр. 602.

⁶⁾ Сл. его статью въ Zeitschrift für deutsche Philologie, 1886 г., № 1, стр. 85 и сл., съ примѣчаніями Suchier.

3) Дальнейшая обработка предыдущей редакціи: Bibl. Nat. №№ 334, 102, 776, 100.

Это вульгата; къ ней близко примыкаетъ

4) Bibl. Nat. № 103, источникъ старопечатнаго романа, первое изданіе котораго явилось въ Руанѣ въ 1489 году; послѣдующія отличаются отъ него лишь опечатками.

G. Paris ¹⁾ заподозриваетъ состоятельность этого распредѣленія, несомнѣнно подлежащаго провѣркѣ, ибо критической работы надъ рукописями прозаическаго романа пока не сдѣлано. Въ одномъ оба изслѣдователя сходятся: въ обособленіи рукописи № 103, какъ источника старопечатнаго романа. И въ самомъ дѣлѣ: во всѣхъ другихъ прозаическихъ текстахъ рассказывается, въ отличіи отъ древняго преданія, что Тристанъ убитъ былъ королемъ Маркомъ; редакторъ № 103 (а за нимъ и старопечатный романъ) измѣнилъ этотъ эпизодъ согласно съ какой-нибудь древней поэмой о Тристанѣ, типа Béroul'евой, ибо въ рассказѣ о кончинѣ своего героя онъ близко сходится съ Eilhart'омъ ²⁾.

Изъ италіанскихъ переводовъ французскаго прозаическаго Тристана я могъ пользоваться только изданіемъ Polidori, La Tavola Rotonda, которое имѣлъ въ виду и Брюкнеръ. Текстъ Полидори, представляемый еще и другою рукописью, имъ не упомянутою: Laurenziano, Plut. LXIII, с. 10, значительно отклоняется отъ французскаго старопечатнаго романа; ближе къ нему, по письменному сообщенію мнѣ Райны (отъ 23-го ноября 1886 г.), Cod. Riccard. 2543, извлеченія изъ котораго даны были въ Manuale Nannucci; къ сожалѣнію, рукопись эта не полна и на половину испорчена до неразборчивости. Близкимъ къ французскому оригиналу является и cod. Palatino-Panciaticiano E. B. 5. 1. 23, f. 150 — 269, которымъ отвѣчаютъ стр. 348 — 90 Polidori, послѣ чего, за большимъ пропускомъ, соотвѣтствіе восстанавливается, начиная съ стр. 488 Polidori; разказъ кончается

¹⁾ Note sur les romans l. с. стр. 600; Golther l. с. стр. 116 и прим. 1.

²⁾ См. объ этомъ подробно въ указанной выше статьѣ Bédier.

смертью Тристана и Изольды, отъѣздомъ Segramor'a въ Camellotto и эпилогомъ Hélié de Borron (Polidori, стр. LXVII). Изъ діалектическихъ обработокъ укажу на венеціанскій текстъ, описанный Муссафіей¹⁾. Такъ называемый Ланцелотъ Палатинской рукописи Е. 5. 4. 47, по сообщенію Райны, не что иное, какъ Тристанъ, съ внѣшнею сѣверно-италіянскою діалектическою окраской, тогда какъ самый текстъ основанъ на тосканскихъ версіяхъ. Такимъ же полу-діалектическимъ (болонскимъ?) оттѣнкомъ языка отличается и cod. Riccard. 1729, представляющій какъ бы краткій пересказъ италіанской версіи романа, болѣе близкой къ французскому оригиналу.

Съ какой изъ упомянутыхъ выше редакцій французскаго романа переведенъ текстъ Полидори — отвѣтить не могу²⁾, потому что единственнымъ пока ихъ показателемъ является, для незнакомыхъ съ рукописями, старопечатное изданіе, на столько отличающееся отъ текста Полидори, на сколько оно сходно, въ извѣстной мѣрѣ, съ нашимъ. Старопечатнымъ французскимъ романомъ, кратко пересказаннымъ графомъ де-Трессаномъ³⁾, я пользовался по слѣдующему изданію: *Les grandes proesses du tres vaillant, noble et excellent cheualier Tristan, filz du noble roy Meliadus de Lionnoys et cheualier de la Table Ronde. Nouuellement imprimé à Paris l'an mil cinq cents XXXIII*⁴⁾; нѣкоторыя извлеченія изъ изданій 1489 и 1520 годовъ были доставлены мнѣ Р. О. Ланге. Сличеніе съ нашимъ Тристаномъ показываетъ, что, во первыхъ, предполагаемый италіанскій оригиналъ

¹⁾ Mussafia, Ueber eine altfranzösische Hs. der königlichen Universitätsbibliothek zu Pavia (Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch. Philol. hist. Cl. LXIV B., Heft III, Jahrg. 1870, März).

²⁾ G. Paris въ прим. къ статьѣ Bédier (l. c. стр. 496, прим. 1) также не знаетъ источника текста Полидори.

³⁾ *Oeuvres choisies du comte de Tressan*, t. VII (1788).

⁴⁾ Я пользовался экземпляромъ императорской Вѣнской библіотеки, обязательно доставленнымъ мнѣ И. В. Ягичемъ. Древнѣйшее изданіе романа озаглавлено такъ: *Histoire du tres vaillant noble et excellent chevalier Tristan, fils du roi Meliadus de Leonnois, imprimé a Rouen en l'ostel Iehan le Bourgeois le dernier jour de Septembre mil CCCIIIIX et IX.*

его сербскаго подлинника отличался отъ текста Polidori; что, вовторыхъ, до извѣстнаго предѣла, приблизительно на три четверти всего разказа, нашъ Тристанъ отвѣчаетъ, въ общемъ, распорядку и содержанію, какъ текста Полидори, такъ, и въ большей мѣрѣ, старопечатному французскому, но что въ концѣ русская повѣсть значительно отличается отъ того и другого, представляя новыя подробности, измѣняя обычную катастрофу и производя впечатлѣніе чего-то скомканнаго, сокращеннаго въ торопяхъ или по незнанію. Едва ли подобное изложеніе принадлежало искомому италіанскому роману; выборъ остается между сербскимъ переводчикомъ-пересказчикомъ и его бѣлорусскимъ собратомъ. Послѣдній могъ сократить и измѣнить въ указанномъ смыслѣ сербскій подлинникъ, но могъ и сохранить измѣненія, уже совершившіяся въ послѣднемъ. Еслибы второе предположеніе оказалось болѣе вѣроятнымъ, какимъ оно представляется и мнѣ, то въ искомомъ сербскомъ текстѣ мы должны были бы признать не только переводъ, но и элементъ самостоятельной передѣлки, обнаруживающейся; между прочимъ, въ особой роли, какая дается Тристану. Во французскомъ романѣ, какъ и у Полидори, главнымъ героемъ разказа является Тристанъ, Ланцелотъ выступаетъ во второй роли и лишь за ними другіе рыцари и противники Круглаго Стола. Сербская книга также общается говорить о «Трысчане, ѿ Анцалоте», но первый сознательно господствуетъ надъ всѣмъ дѣйствіемъ, Анцалотъ является у него болѣе «въ товарищахъ», и согласно съ этимъ отсутствуютъ многіе эпизоды о послѣднемъ, посвященные ему въ текстѣ Полидори.

Кстати: откуда имя Анцалотъ или Унцалотъ — въ сравненіи съ Lancelot, Lancialotto, Lanzelet? Едва-ли въ основѣ лежитъ французская форма: Ancelot (въ Ogier de Danemarche у Fr. Michel, Tristan, I, стр. V); скорѣе предположить, что сербскій переводчикъ принялъ начальное *l* имени за членъ (*l'Ancialotto*), который и удалилъ въ переводѣ, подобно тому какъ сдѣлалъ это при передачѣ другого имени: Lasancis (= *lo Sancis*),

Lasansisse (въ *Cantare dei Cantari* ed. P. Rajna въ *Zs. f. romanische Philologie* II, стр. 434)—Самсизъ? На оборотъ: *Agius*, *Argius* французскаго текста передано: Ленвизъ (= *l'Anguis*?), ит. *Languis*. Примѣры подобныхъ недоразумѣній не рѣдки: въ итальянскомъ эпосѣ *Astolfo*—англичанинъ, во французскомъ онъ изъ *Langres*; авторъ *Entrée en Espagne* называетъ его въ началѣ правильно: *de Lengres* или *Lengrois*, затѣмъ: *de Lengle*, *Lenglois* и наконецъ *l'Englois*, *Englois*¹⁾. Такимъ же образомъ объясняются въ другомъ случаѣ: *Labigant* = *Vassano*²⁾.

Одна фонетическая особенность нашего текста даетъ поводъ для нѣкоторыхъ соображеній относительно мѣстности, гдѣ составлена была сербская передѣлка Тристана и, прибавимъ, переводъ Бовы, или по крайней мѣрѣ относительно той группы памятниковъ, къ которымъ могли бы быть отнесены и оригиналы познанскихъ повѣстей. Въ старосербской Александриіи и въ болгарской и хорватской Троянской притчѣ лат. *s* въ окончаніяхъ собственныхъ именъ на — *us*, — *es*, — *is*, — *as* передается черезъ *ж* и *ш*³⁾; такъ и въ Тристанѣ: Кандіэшъ = *Gandaries*, Пелишъ = *Felis*, Сегурадежъ = *Segurades*, Самсизъ = *Lasancis*, но и Ленвизъ = *Languis* и т. п. Какъ въ троянской притчѣ лат. *s* между гласными переходитъ въ *ж* (*Брижеида* = *Briseis*, *Ежеона* = *Hesione*), такъ и въ Тристанѣ (*Ижота* = *Isotta*) и Бовѣ (*Дружнаена* = *Drusiana*), тогда какъ Полимнещеръ (*Polymestor*) Троянской притчи отвѣчаетъ Ящору (*Astorre*) и Трыщану (*Tristano*) нашего романа⁴⁾. Еще одна особенность Александриіи и Троянской притчи: смѣна въ именахъ собственныхъ *f* въ *n*⁵⁾, также извѣстна нашимъ текстамъ: для

¹⁾ Gaspary, *Geschichte der italienischen Literatur* I, стр. 118—119.

²⁾ Pio Rajna, *Un'iscrizione nepesina del 1131*, стр. 50—1.

³⁾ См. мое изслѣдованіе: *Изъ исторіи романа и повѣсти*, вып. I, стр. 442—443.

⁴⁾ Объ этомъ звуковомъ переходѣ сл. замѣтки Schuchardt'a, *Slawo-deutsches und Slawo-italienisches* (Gratz, 1885) и отчетъ Ягича въ *Archiv f. slav. Philologie* VIII, стр. 318—319.

⁵⁾ Сл. *Изъ исторіи романа и повѣсти*, вып. I, стр. 321.

Бовы отмѣтимъ: Лукаперъ = Iusafarro, для Тристана: Пелишъ = Felis, Перемонтъ = Ferafonte.

Окончу вопросомъ по поводу двухъ собственныхъ именъ: извѣстный Кеух романовъ Круглаго Стола названъ то Кенишъ («опека Кенишова»; сл. у Polidori Chieso и Chienso), то Геушъ или даже Кажынъ; Женевра — то Жениброй, то — Веливерой! Предположить ли, что пересказчикъ сербской повѣсти оставилъ въ этой двойственности слѣды двухъ рецензій романа, которымъ онъ слѣдовалъ, или онъ былъ начитанъ и слышанъ въ литературѣ, которою интересовался, и одно изъ двухъ именъ подсказано воспоминаніемъ? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Въ слѣдующемъ далѣе анализѣ нашего Тристана я сближаю его съ старопечатнымъ французскимъ романомъ и текстомъ Поллори¹⁾.

1. «Былъ король именемъ Клевдасъ»; у него гоститъ его другъ, король Аполлонъ, въ жену котораго влюбился сынъ Клевдаса. Не будучи въ состояніи добиться ея взаимности, онъ подстерегаетъ Аполлона на пути домой, убиваетъ его и велитъ бросить въ рѣку, а его жену съ сыномъ приказываетъ запереть въ высокую камору. Сюда онъ снова является къ ней съ предложеніемъ любви, но она выбрасывается изъ окна. Между тѣмъ вѣрный хортъ Аполлона вытащилъ его тѣло изъ воды, схоронилъ его въ вырытой имъ ямѣ и самъ сѣлъ сторожить на могилѣ. Видитъ это выѣхавшій на охоту король Клевдасъ, признаетъ хорта Аполлонова, велитъ выкопать умершаго и предается печали, а затѣмъ кличетъ кличъ, что одаритъ богатыми дарами того, кто укажетъ ему убійцу его друга, а кто знаетъ да не донесетъ, будетъ «коломъ каранъ». Одна дѣвка обѣщаетъ все разказать, если король исполнитъ то, о чемъ она его попроситъ. Узнавъ въ чемъ дѣло, Клевдасъ послалъ за сыномъ Аполлона, котораго велитъ воспитывать у себя, а своего сына сжечь на кострѣ.

¹⁾ Параграфы, на которые далѣе разбито изложеніе, имѣютъ цѣлью облегчить сравненіе внѣшнимъ обособленіемъ эпизодовъ. Начало Тристана въ рукописи пострадало отъ сырости, и нѣкоторыя слова не могли быть прочтены.

Тутъ выступила дѣвка съ своею просьбой, которую Клевдасъ обѣщаль исполнить: она просить у него — его сына; она будетъ имѣть его, но — мертваго, отвѣчаетъ король. Разказъ переходитъ къ сыну Аполлона, Кандиэшу, который воспитывается у Клевдаса; текстъ здѣсь полонъ пропусковъ: («Кандиэшъ») былъ добрый витезъ и великое доброты и за его.... былъ государемъ корновалскимъ и елишносскимъ и вси ѡба... А король Клевдасъ далъ за него дочку свою именемъ.... и у великой милости и ласцѣ. И сплодили дѣти.... (стар)шого поставили королемъ корновалскимъ, а молод(шого елишносскимъ), а иные шли по свѣту рыцѣрскимъ ѡбычаемъ.... а и такъ са были по сторонахъ расплодили, ижъ не..... такіи повиноватыи албо кривныи... далъ королевство корновалское у руки королю Пелишу, ѡнъ.... емъ Марка, што са вродилъ марта мѣсяца, а другогоъ былъ близко смерти, ѡнъ коруновалъ сына своего.... на королевство корновальское, король Марко далъ сестру.... за короля Мелигадуша, который былъ велми... у Елишносе».

Слѣдующія извлеченія изъ старопечатнаго французскаго романа¹⁾ укажутъ на степень его близости къ оригиналу русскаго перевода, а вмѣстѣ помогутъ восполнить нѣкоторые пробѣлы послѣдняго.

Король Clovis (Клевдасъ) пригласилъ Аполлона присутствовать при его вѣнчаніи. Еще до поѣздки къ Хлодвигу Аполлонъ, по совѣту и желанію жены своей Глоріанды, сжегъ на кострѣ прелюбодѣйку, бѣжавшую съ любовникомъ, но пойманную и приведенную на судъ ко двору. Хлодвигъ, по совѣту Аполлона, вводитъ у себя такой же законъ, и этотъ законъ продержался во Франціи 200 лѣтъ, пока не вторгся изъ Германіи завоеватель Forles (Froles?) и не уничтожилъ его; Forles въ послѣдствіи былъ убитъ Артуромъ, который отдалъ Францію Ланселоту (I, f. XVIII — XIX). — За этимъ введеніемъ, котораго нѣтъ въ нашемъ текстѣ, идетъ разказъ общій обоимъ, съ нѣкоторыми отли-

¹⁾ По изданію 1533 г.

чїями, а иногда и дословнымъ сходствомъ. Сынъ Хлодвига (Chil-deric) влюбился въ жену Аполлона и, получивъ отъ нея отказъ (f. XIX — Vous estes fol et sachez se plus en parlez ie vous feray honte), подстерегаетъ ея мужа на обратномъ пути въ лѣсу и убиваетъ его, а его жену, сына и хорта велитъ отвести въ одинъ замокъ. Въ русскомъ текстѣ смертельно раненый король говоритъ женѣ (пропуски въ текстѣ): «[го]ре так са стало и тала шкрутная смерть. [Королеваа был]а велми смутна и жалостлива. И рекла.... тоє зло стало са». Французскій текстъ излагаетъ подробности: «Si dist (Apollon): Dame, encores dis ie vray quant ie dis que ie avoyes amene mon ennemy de vous¹⁾, car se ie [ne] vous eusse amenee, encor ne me fust ce mal advenu. Lors fut la royne dolente de ceste adventure» (f. XIX). Когда позднѣе сынъ Хлодвига явился къ ней въ башню, qui bien cuida faire sa voulente de la dame, она говоритъ ему: «Vassal, pourquoy me avez vous honnie qui mon seigneur avez naure a mort, lequel par deça vous estoit venu faire si grant honeur.... et encores me cuidez vous plus honnir. Ce ne sera iamaïs» (f. XIX) = «о лихихъ злыхъ человеке, мой господарь прышо[лѣ]... для [т]воея доброе славы, а ты его о смерть прыправиль и хотѣл[б]ы еси еще мене посоромотити, але то не може быти». Королева убилась, выбросившись изъ окна, а сынъ Хлодвига восклицаетъ: Наа las, que feray ie? I'ay faict mourir la plus preude femme du monde («а самъ.... м уморылъ такую королевую з сего свѣта такъ чудную.... шпатрѣнностью»). Онъ велитъ осмотрѣть раны Аполлона, заключеннаго имъ въ темницу; врачи признали ихъ смертельными; мерт-

¹⁾ Намекъ на подробность, не имѣвшую мѣста въ русскомъ текстѣ ни, вѣроятно, въ его подлинникѣ: однажды за столомъ, на вопросъ Хлодвига, кого онъ привезъ съ собою, Аполлонъ отвѣчалъ: злого врага (жену), скомо-роха-забавника, jongleur (сына) и вѣрнаго друга (хорта); or n'y fault que mon serf (осель) l. c. f. XVIII — XIX. Отвѣтъ этотъ понравился Хлодвигу; когда позднѣе онъ видитъ Аполлонова хорта, ему приходятъ на память слова покойнаго: que c'estoit (то-есть, хортъ) son amy, et sa femme que c'estoit son ennemy (f. XIX). Подобныя отождествленія были популярны въ литературѣ новеллъ. См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 88 слѣд. и прим.

ваго онъ приказываетъ бросить (f. XIX) «en l'eau de Loire». Слѣдуетъ извѣстный эпизодъ о хортѣ; онъ не даромъ воетъ, король самъ хочетъ дознаться «pourquoy ce estoit, car Apollo l'aymoit moult et luy auoit dit que c'estoit son amy et sa femme que c'estoit son ennemy. Lors fut dessus Apollo, et quant le roy le vit et il fut dessevely, si le congneut, lors dist qu'il estoit honny quant si preudhomme estoit mort en sa terre et en son conduit. Lors le fist le roy porter au chasteau ou il deuoit gesir et illec fut mis en terre. Puis fist crier le roy que qui scauroit a dire certaines nouuelles de la mort Appolo, qu'il luy donneroit ce qu'il luy demanderoit. Lors sault une damoyselle auant quant elle ouyt la promesse du roy et dist: Se tu me tiens verité de ta promesse, ie te diray verite de la mort de Appolo; et le roy l'en assure. Et elle luy compte tout ainsi l'achoisson de sa mort si comme vous ay dit deuant et que encor est son filz en la tour ou il fut mis en prison et le nourrit une Damoyselle. Et quant le Roy entend cecy, fust dolent et dist: Mon filz m'a honny, mais ie le honniray. Lors envoa querre l'enfant et le fist nourrir et garder tant que il fut puis roy de Cornouaille et de Leonnoys. Lors apres fist venir son filz deuant luy et luy dist: Vous me avez honny qui au conduit de moy avez occis le plus preudhomme que ie eusse, et ie vous honniray. Lors commence la damoyselle a plourer et le roy commanda que on en face ung grant feu pour l'ardoir. Et lors fut faict comme il eust commande, si y fut le filz du roy mene, et commanda que il fust gette dedans, car ia n'en seroit espargne. Et la damoyselle vient avant et dist: Sire, donnez moy mon don. Ie vous demande votre filz. Et vous l'aurez, dist le roy, mais il fera penitence de son mesfaict. Lors commande que il soit gette au feu, et l'en luy gette. Et quant il le vit en l'ardeur du feu, si dist: Damoyselle, or le prenez, car autrement ne vous sera delivre de par moy. Ainsi destruire fist Clovis son filz ne oncques ne le voulut espargner.

Mais a tant ce taist du leurier et de l'enfant nomme Candace («Але тѣмъ ѡставмо и вернимо сѧ къ ѡному Аполонову дитати,

которому има было Кандиешть»). Когда онъ выросъ, Хлодвигъ отдалъ за него свою дочь Cresille; у нихъ 13 сыновей; старшій, Crises, наслѣдовалъ отцу въ Cornouaille, младшему братья уступили Leonnois, а сами (f. XX) *s'en allerent pourchasser en estrange terre.* — Последнему эпизоду нашего отдѣла, особливо пострадавшему отъ пропусковъ, отвѣчаетъ въ романѣ слѣдующее мѣсто: «*Tant allerent les roys de Cornouaille de hoir en hoir que il en y eust ung appellé Felix qui tant hait gentilz hommes que il en fut mehaigne dedans la grant esglise de Norchoult. Le roy Felix eut deux filz et quatre filles; l'ung des filz fut appelle Marc pource qu'il fut ne au mardy au moys de mars. Le roy Felix fist couronner son filz Marc a roy, quant il gisoit luy et sa femme du mal de la mort, du royaulme de Cornouaille, et puis si fist tant que le roy de Leonnoys print une de ses filles qui estoit appellee Ysabel, et le roy estoit appelle Melyadus.*»

Всему этому отдѣлу въ изданіи Полидори отвѣчаютъ приблизительно стр. 8—10 перваго тома, но такъ, что при самомъ бѣгломъ сравненіи отличія редакціи бросаются въ глаза. Первымъ королемъ Корновалѣ изъ рода Соломона (*e di suo lignaggio di Bratanza*) былъ Codo (вар. *Codonas, Condenas, Condones*), у него сынъ Anzilere и дочь Trasfilas. Случилось однажды, что Anzilere безъ всякой причины предательски убилъ Аполлона, перваго короля Lionis'a, изъ Александрова рода. Codo велитъ отрубить ему голову и воспитываетъ восьмилѣтняго сына Аполлона, Gandaries'a, ставитъ его рыцаремъ, выдаетъ за него дочь, а по смерти оставляетъ ему свое царство. У Gandaries'a 12 сыновей; старшій, Zersides (вар. *Cresides*), становится позднѣе королемъ корнуальскимъ, второй, Baralis, властителемъ Lionis'a; остальные братья пускаются въ рыцарскія приключенія по далекимъ странамъ. По смерти Zersides царство переходитъ къ его брату Baralis, у котораго два сына, Feriando и Felissi; по смерти Baralis и Feriando ихъ царства соединяются въ рукахъ Felissi, который умираетъ съ горя вслѣдствіе пораженія, нанесеннаго ему ирландскимъ королемъ Dilianfer. У Felissi три сына: Ме-

ліадусъ (король Lionis'a), Маркъ корнуальскій (такъ названный потому, что родился въ первый вторникъ мѣсяца марта) и Перна. — Лишь позже (стр. 31 — 32) говорится, что послѣ войны между Артуромъ и Меліадусомъ и по случаю празднованія мира между ними, первый предлагаетъ второму женить его на Eliabella, дочери царя Andreto и царицы Felice, сестры Артура.

2. У Елиобелы и Меліадуса долго нѣтъ дѣтей; наконецъ королева забеременила. Въ дальнѣйшемъ изложеніи есть нѣкоторыя пробѣлы: король ѣдетъ на охоту съ многими рыцарями, «и приехалъ къ одной воде, при которой умеръ (кто)?...» Туда же является одна дѣвица, давно любившая его, и увлекаетъ предложеніемъ повести его въ такое чудное мѣсто, какого онъ давно не видалъ. Король согласенъ, и оба пускаются въ путь. «И она ехала дорогою... омъ ехала... а потомъ ночь была в... [ви]дели велики... вшы... чили многие велики весело прынали коня подъ королемъ и зброю. А то былъ городъ оное дѣвки; она его повела въ одну великую хорошую комнату, и коли былъ король у ложницы, пренемило съ королемъ сэрце и мысль и не была ему на умѣ его королевая а ни оное королевство его, ни слуги, только она дѣвка, которая его увела до тог[о] города ижъ былъ дивно зачарованъ. — Видевшы то королевы витези, ижъ не было короля колко денъ, и ехали его искати и не могли его наити а ни о немъ вѣдомости мѣти. И она королевая взявши зъ собою одну дѣвку и сама поехала искати короля Меліадуса, абы то могла о немъ какую вѣдомость мѣти. И вѣхали у великое добровы и много блудили, ищучы по всехъ сторонахъ короля, и поткали Мерлина пророка, и Мерлинъ поздравилъ королевую. И она ему на то рекла почесчене и рекла: Добрыи человѣче, если будешъ слышалъ албо маешъ какую вѣдомость о моемъ пану королю Меліадусу, которыхъ згибъ безъ вѣсти, для бога повѣдай ми, если живъ есть. Мерлинъ рекъ: Господи, правду тебѣ повѣдамъ, ижъ естъ живъ, здоровъ и вельми веселъ такъ, ижъ николи передъ тымъ такъ веселъ не бывалъ; але ты вже его своими очима не можешъ видети. И то рекшы згинулъ отъ нее, и она была вельми жалосна и почала тужити и

плакати, кленучы день роженя своего и годину тую, въ которую са родила; и хто бы тое видалъ, не был бы так твердого сэръца, штобы на нее смотречы не плакал, и королевои размножыла са жалост и не могла далей ехати и зсѣла ис коня». — Сл. соотвѣтствующій эпизодъ французскаго романа: долгая неплодность королевы; Меліадусъ на охотѣ, встрѣча съ дѣвушкой, которая его любила и настигаетъ его (l. c. f. XX) «deuant une fontaine ou le roy estoit illecques descendu pour ung cheualier qu'il auoit illecques trouue occis. Si le salua et luy dist: Roy, moult ay ouy parler de toy en grant bien, mais se tu estoies si hardy comme on dit et tu me osoyes suiuir, ie te monstreroy encores ennuit une des plus belles adventures que tu vis oncques». Король соглашается и ѣдетъ съ дѣвушкой (l. c.) «tant qu'ilz vindrent en une roche qui estoit a la damoyselle. Ceulx de leans firent grant ioye et la damoyselle prend le roy et le mena en sa chambre qui moult estoit belle, et si tost comme il y fut entre, il ne luy souvint de riens nulle fors que de la damoyselle qui le avoit leans amene qui devant luy estoit, et en telle maniere demoura le iour avec la damoyselle. Ceulx de son hostel le queroyent par tout, mais oncques n'en sceurent scavoit aucune certainete et cuiderent que aulcuns l'eussent occis par trahyson. Quant la royne Ysabel vit que son seigneur ne revenoit pas, si print une de ses damoyselles et dist que elle mesmes le yroit querir si cele[e]ment que nul ne le scauroit. Lors monterent elle et sa damoyselle et s'en alla querant parmy le bois le roy Melyadus son seigneur. Ainsi que elle le alloit querant, si encontra Merlins. Cuidant que ce fut ung forestier si luy dist: Dy hau, forestier, me scaurois tu a dire nulles nouvelles du roy Melyadus mon seigneur qui perdu est en ceste forest? — Dame, dist Merlins, on ne peult recouurer ce qui est perdu, mais cestuy sera encores recouure; et sachez que il est sain et haite et ayse, mays iamais ne le verrez. Et quant il eut ce dit, il se esuanouit si que la royne ne sceut que il fust deuenу, et lors commence a faire son deuil de ce que Merlins luy avoit dit si grant que le mal de son ventre luy en print

et que elle ne peut avant aller, si le dist a sa damoyselle, que le mal de son ventre luy est prins. Et la damoyselle en commence a plourer de pitié; et lors commence la royne a crier a haulte voix et a reclaimer Dieu et sa mere».

Королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, надъ которымъ жалобно причитають: «прышла есми жалосна на сее мѣсто и в жалости есми тебѣ породила», говоритъ она, «а ты са в жалости родилъ, и нехая тобѣ будет има Жалост» (сл. l. c. triste vins icy, triste acouche et en tristeur ie t'ay eu, et la premiere feste que ie t'ay faicte a este en tristesse, et pour toy me mourray triste. Et quant par tristeur es venu en terre, tu auras nom Tristan). Королева умираеть, дѣвушка остается съ ребенкомъ, когда являются два витязя, родственники Меліадуса. Увидѣвъ, что королева скончалась, они хотятъ сгубить и ребенка, чтобы завладѣть Еліоносомъ, но дѣвушка умолила ихъ пощадить дитя подъ условіемъ—отнести его въ другую землю, такъ что о немъ и вѣсти не будетъ. — Рыцари возвращаются назадъ съ тѣломъ королевы; но она была беременна, куда же дѣвалось дитя? спрашиваютъ горожане, и Мерлинъ является, чтобъ обличить злоумышленниковъ и объявить всѣмъ, что черезъ три дня они увидятъ Меліадуса. Воспитаніе его сына онъ хочетъ поручить Говорнару (Gouvernail) изъ королевства «гулешкаго» (далѣе: изъ Галиуша: de Gaule), который сопровождаетъ его до рѣки Брыкини (la fontaine Bargaigue)¹⁾, гдѣ на столбѣ (perron de marbre) надпись съ именами трехъ наибольшихъ рыцарей, имѣющихъ здѣсь сѣхаться: Галаада (Galaad), Онцалота и Трыщана. Далѣе Мерлинъ ѣдетъ къ дѣвкѣ, воспитывавшей Тристана, и къ той, которая волшебствомъ держала у себя Меліадуса; первой велютъ отнести мальчика въ Эліонось, вторую заставляютъ силой выдать плѣнника²⁾. Возвращенію Меліадуса всѣ рады; когда

¹⁾ Подробности нашего текста, что (беременная) женщина, отвѣдавъ воды изъ нея, не сносила бы ребенка, французскій романъ не знаетъ.

²⁾ Во французскомъ текстѣ послѣдовательность другая: Мерлинъ направляетъ людей Меліадуса къ дѣвушкѣ, державшей его у себя; она освобож

принесли Тристана, Мерлинъ велитъ беречь дитя, говорить, на вопросъ короля о его долѣ, что онъ будетъ изъ «трехъ рыцаревъ наибольшихъ рыцерь», (f. XXI ung des trois meilleurs cheualiers du monde), и совѣтуетъ поручить его Говорнару. Затѣмъ онъ удаляется, не склоняясь на просьбы короля — остаться. Узнавъ отъ дѣвушки, что его сынъ уже крещенъ и ему дано имя, Мелиадусъ отдаетъ его въ науку и опеку Говорнару.

Для того, чтобы встрѣтить у Полидори разказъ, соотвѣтствующій сообщенному, надо перенестись отъ стр. 11 къ 39 — 48. Я укажу на главныя отличія въ содержаніи: о долгой бездѣтности Элиабелы нѣтъ рѣчи; Мелиадусъ охотится въ великой пустынѣ di Medilontas (вар. Meliandes), гдѣ у fontana del Dragone встрѣчаетъ дѣвушку, la Savia Donzella, увлекающую его въ Torre dello Incantamento. — Элиабелла идетъ искать его съ дѣвушкой; встрѣча съ Мерлиномъ и рожденіе Тристана (имя ему Tantri = tant triste, но еслибъ поставить tri передъ tano, получилось бы болѣе красивое имя, говоритъ авторъ: Tritan). — Мерлинъ не самъ идетъ за Мелиадусомъ, а посылаетъ вооруженную силу къ дѣвушкѣ, державшей его въ плѣну; вмѣстѣ съ Governale lo Pensoso онъ идетъ въ великую пустыню, гдѣ у fontana de Lionne (вар. del Lione) столбъ съ именами трехъ рыцарей (Galeotto = Galaad). Слѣдуетъ аллегорическое толкованіе столба (petrone di Merlino), заимствованное авторомъ изъ книги, на которую онъ часто ссылается, какъ на свой источникъ¹⁾. — Мерлинъ и Говерналь встрѣчаютъ дѣвушку съ Тристаномъ въ пустынѣ и вмѣстѣ возвращаются въ городъ, куда уже прибыли Мелиадусъ. — Дѣвушка награждена, рыцарямъ-предателямъ отрубили головы.

3. «То ѿставмо и поведеймо ѿ короли Марку короновалскомъ» (I. c. f. XXI: Mais atant laisse le compte a parler de Tristan et

даетъ его; Мерлинъ ѣдетъ съ Говерналемъ къ дѣвушкѣ, у которой воспитывался Тристанъ.

¹⁾ Она принадлежала мессеру «Viero di Guascogna, dello lignaggio di Carlo Magno di Francia; e il detto libro si è al presente di messer Garo o vero Gaddo de' Lanfranchi di Pisa».

du roy Meliadus son pere et parle du roy Marc comment il occist son frere sur la fontaine au Lyon). У короля Марка былъ младшій братъ Перла (f. XXI Perneheu), добрый рыцарь. Послы изъ «Орьлендэи» приходятъ требовать у Марка дани за семь лѣтъ. Онъ смутился; Перла совѣтуетъ дани не давать, «але штоими са мечомъ на поли, занюж если умрешъ шт меча, почесно умрешъ». (f. XXI se vous mourez, ce sera vostre honneur, se vous vivez, ce vous sera gloire et louenge toute vostre vie). Маркъ ссылается на то, что дань давали и прежде; Перла говоритъ: «ак которое перво глупе чынили, такъ и ты хочешъ» (ib. se vostre lignaige folloya, voulez vous pour ce faire follie et le maintenir?). Король съ этимъ не согласенъ, выслушиваетъ попрекъ брата и, зная его за добраго рыцаря, начинаетъ бояться его ¹⁾. На охотѣ, когда Перла нагнулся пить къ рѣкѣ (l. c. fontaine au Lyon; о питьѣ нѣтъ рѣчи), Маркъ убиваетъ его. «Тогожь часу Мерлин дал знати Анъцолоту доброму рыцэру; потомъ Анъцолотъ уда-рылъ короля ув-очы: Ты-сь зрадне вбилъ добраго рыцэра брата своего» (l. c. ia ne eust este sceu se ne fust ung escript que Merlin fist en une roche que Gaheriet trouua depuis et le monstra a Lancelot. Ces deux sceurent ceste adventure et puis le reprocha Lancelot du Lac au roy Marc).

Сл. Polidori стр. 10—11: Amorotto (вар. Amoroldo) ирландскій требуетъ обычной дани (которую Felis обѣщался платить Derianfer'у — Dilianfer'у); братъ Марка названъ Perna; онъ убитъ на охотѣ nel deserto di Liantes, fontana del Leone. О Мерлинѣ и Ланцелотѣ нѣтъ рѣчи.

4. Мелиадусъ женится во второй разъ на королевѣ «з Малое земли» (франц. романъ, l. c.: la fille au roy Houel de Nantes de la Petite Bretagne), когда Тристану было семь лѣтъ. Мачеха ненавидитъ его, ибо боится, что онъ «подъ ее сыномъ ѡзметъ панство», и пытается отравить его (и не могла инымъ, только трутизною = l. c. mais elle ne veoit pas comment, se ce n'estoyt par

¹⁾ Франц. текстъ здѣсь гораздо подробнѣе; вѣроятны сокращенія со стороны переводчика.

venin). Приготовивъ ядовитый напитокъ въ серебряной Фляшѣ (l. c. *vaissel d'argent*), она ставитъ его въ головахъ «в ложи»; не зная о томъ, нянька ея собственнаго ребенка напоила его тѣмъ питьемъ, отчего дитя тотчасъ же умерло. Нянька принялась горько плакать, ее всѣ обвиняютъ, вмѣстѣ съ другими и королева. Она говоритъ: не я его уморила, а тотъ, кто поставилъ здѣсь этотъ ядъ. Спрошенная королемъ, она отвѣчаетъ также, и король вѣритъ этому и велитъ ее отпустить, а Говорнаръ говоритъ ему, что та «трутизна» приготовлена была либо ему самому (Меліадусу), либо Тристану. Король тайнѣ совѣщается со своими (l. c. *ung sien privé*), кто бы могъ то учинить, а королева мыслила про себя: «только есми сына вморила, а чого есми хотѣла, того не вчинила». Говорнаръ велитъ Тристану не общаться съ мачехой, которая строить новыя козни. Однажды, когда Тристанъ пришелъ къ отцу въ ложницу, король велѣлъ дать себѣ пить; Тристанъ «отворилъ одну олмарею, где стояли добрые питья, и нашолъ одинъ кубокъ чистое трутизны и взявъшы принесъ королю, а королева пришла в тот час и вбачила в короля кубок в руцѣ и закликала: Пане, для Бога не пи того пита» — Почему? — «Не добро то тобѣ пити» (f. XXII *Le boire n'est pas bon pour vous*). Къ чему же ты хранишь такой напитокъ? спрашиваетъ король и гнѣвно задумался. Видитъ это Тристанъ, палъ на колѣна, проситъ у отца «одного дару». Получивъ обѣщаніе, онъ молитъ отпустить гнѣвъ мачехѣ, ибо не подобаетъ «абы моя пани згинула коли ей могу живот заховати». — «Хто тобѣ сее радил?» спрашиваетъ его король; Тристанъ отвѣчаетъ: «Богъ вѣ, ни с кимъ са есми не радил, але правда и подобность моя на то ма вела, иж ми са то неподобало абы моя пани згинула коли ей могу живот заховати» (f. XXII: *Or me dy qui le te conseilla demander? Sire, dist l'enfant, fors que raison et aussi droicture qui mene mon cueur, et ce que ie ne doys pas laisser perir ma dame quant ie la puis bien sauluer*). Тогда король велитъ женѣ выпить тотъ кубокъ; она отказывается и подъ угрозой смерти говоритъ, что тотъ ядъ она при-

готовила Тристану. Ее уводятъ въ темницу, а Меліадусъ собираетъ совѣтъ по ея дѣлу; судьи приговариваютъ ее къ смерти, хотя сами плачутъ, но король рѣшаетъ, какъ просилъ Тристанъ: «Будь такъ какъ ты хочешь, нехай будетъ тобою вызволена... И королева осталась вдов-покой при короли, але король не мѣлъ на нее ласки, лечъ только ненавидѣлъ со всего сѣрца». Однажды, когда Меліадусъ съ сыномъ и Говорнаромъ были на охотѣ, явились два рыцаря, спрашиваютъ: Кто здѣсь король? Имъ отвѣчаютъ: Здѣсь король съ сыномъ. Говорнаръ спохватился: Нѣтъ здѣсь сына, его оставили дома. Тогда тѣ рыцари приступили къ Меліадусу и говорятъ: «Ты намъ не чинилъ ничего злого, але некто иный с твоего двора мыслитъ насъ погубити, и теперъ мыслимо збыти того если узможемъ». Они убиваютъ короля и сами убиты. «А они обагда были плема князю из Нороту, которые были наибольшое плема отъ Корновали. То имъ была одна ворожбитка поведила: вамъ погинути отъ короля Меліадуса двора. А въ томъ имъ была рада отъ короля Марка корновальскаго, ижъ онъ бои сѣ Трыщана, если приидетъ къ лѣтомъ, абы его с панства не выгналъ, какъ была она ворожбитка рекла, икожъ и потомъ, коли Трыщанъ пришолъ къ лѣтомъ, пришолъ изъ своею дружиною и вбилъ князя изъ Норота своею рукою и сказалъ городъ ихъ, ижъ тамъ камень на камени не зосталъ». — Сбивчивость русскаго текста объясняется сравненіемъ съ французскимъ; рыцари говорятъ королю: (l. c.) *Roy Melyadus, nous te voulons grant mal et si ne l'as pas desservy, mais toy ou homme de ton lignaige le desservira, car nous serons honnis et avillez par toy ou par homme de ton lignaige et toute Cornouaille en tremblera de paour, et pour le destourner si nous en prendrons a toy*. Они «estoyent hoirs de Morhoult et leur avoit dit une damoyselle qu'ilz devoient estre honny par le roy Melyadus, si s'en cuydoient par ce destourner, et sanz faille ilz y estoient venuz par le conseil du roy Marc, qui ne doubtaît homme du monde autant comme il fesoit Tristan. Si advint tout ainsi comme la devineresse luy avoit dit» и т. д.

Тѣло короля отвозять въ городъ, Тристанъ и горожане оплакивають его, а Марко «почал много мыслити ѿ томъ. И пришлоу к нему ѿдинъ хлопец, который болшеи вѣдал нижи иные люди по Мерлину (ib. ung naun qui estoit deuin et scavoit des choses advenir et avoit este longtemps avecques Merlin qui moult lui avoit aprins) и все што маєт быти». Онъ говоритъ ему объ опасности, которая ожидаетъ его отъ Тристана, когда онъ придетъ въ силу¹⁾, а Говорнаръ, видя, что мачеха продолжаетъ ненавидѣть Тристана «иж бы са ей таа земля ѿстала», убѣждаетъ его уѣхать во Францію, къ королю Перемонту (l. c. En Gaule au roy Pharamon), гдѣ онъ научится рыцарству; когда ты вернешься въ Елионость, «нихто ти не будетъ смѣти рѣчы, штобы тобѣ невдачно» (l. c. ia ne trouuerez vous nul si hardy qu'il le vous ose contredire). Перемонту, который принимаетъ ихъ милостиво, они себя не называютъ. «Трыщанъ почаль рости и лѣнѣшати и в малыхъ днехъ иж са ему дивовати почали, игралъ в шахы и в варцабы (f. XXIII: ieu des eschetz et des tables) лепшеи надъ иныхъ, и всакое его доброты не было ровни, а нихто такъ строине не мог на кони седѣти якъ онъ». Въ него влюбляется дочь короля (во франц. романѣ: Belinde), долго томится, раздумывая о томъ, какъ дать ему знать о своей любви, и наконецъ открывается въ ней Говорнару: пусть приведетъ его къ ней, иначе «прыправлю его къ великой легкости». Говорнаръ смущенъ: что скажетъ король, если Тристанъ поддастся? Тѣмъ не менѣе онъ обѣщаетъ исполнить порученіе. — Французскій романъ рассказываетъ здѣсь (f. XXIII) эпизодъ (= Polidori, стр. 55), неизвѣстный нашему тексту: о посѣщеніи короля Фарамона Morhoult'омъ (въ нашемъ текстѣ: Амуратъ) прландскимъ; юродивый (fol) предсказываетъ ему смерть отъ руки Тристана, чему тотъ смѣется; позже, во время поединка съ Morhoult, Тристанъ напоминаетъ ему о предсказаніи. — Говорнаръ говоритъ Тристану объ увлеченіи дѣвушки; тотъ на отрѣзъ отказываетъ, не желая

¹⁾ Въ франц. текстѣ рѣчь карлика подробнѣе.

оскорбить принявшаго его къ себѣ отца («Если ма милует збыточною милостью, то того не вчиню, нехай збыток пры ней»; сл. l. c. se elle me ayme de bon amour, elle a droit, car aussi l'aime ie de tout mon cueur a son preu et a son honneur, et s'elle m'aime par folie, garde, car ia ne sera acomplie par moy). Когда Говорнаръ сообщаетъ объ этомъ отвѣтъ, она сильно опечалилась. (Такъ ли са Трыщан со всимъ ѡт мене ѡтнесл? = l. c. m'a il refusée). Однажды, когда Тристанъ шелъ мимо ея ложницы, она выбѣжала, обхватила его руками и принялась его дѣловать; онъ, боясь, чтобы кто-нибудь того не примѣтилъ, оттолкнулъ ее отъ себя. Увидѣвъ «иж того мѣти не может чого хотѣла», она принимается голосить и сбѣжавшемуся люду говорить, что Тристанъ хотѣлъ ее изнасиловать (зквалътовати = l. c. honnir). Король веритъ обвиненію и велитъ посадить Тристана въ темницу. Говорнаръ опечаленъ; когда онъ идетъ къ Фарамону, встрѣчающіеся срамятъ его: «Такъ ли еси вывчил Трыщана? (l. c. qu'il auoit mal enseigné Tristan). Королю онъ говоритъ наединѣ о любви его дочери и ея порученіи; но король ему не довѣряетъ и хочетъ самъ испытать дочь. Пославъ за нею онъ сообщаетъ ей, что хочетъ отомстить за нанесенное ей оскорбленіе. Она отвѣчаетъ: «Государу, справедливе ест, нехай каждый ѡзметъ по своимъ дѣлам. И рекъ король: Дочко, если ты въсхочеш, ты будешъ ему жона, а если не въсхочеш, ѡнъ будетъ мертвъ. И панна почала гледѣти самъ и там, и позналъ король иж не естъ панна непрытатель Трыщану» (f. XXIII: Sire, il est droit que chascun compare sa folie. Et le roy dist: Fille, ia de telle mort ne le scaurez iuger, qu'il ne meure, sur vous en sera le iugement. Et celle pense, se le iugement estoit sur elle, que il n'auoit garde comment que elle en fust blasmee apres. Le roy voit bien et apperceoyt qu'elle ne hayt pas Tristan tant comme on cuide). Тогда онъ велитъ привести Тристана и Миленца, двоюроднаго брата («дадковича») дочери (l. c. Meliant son cousin), обвиненнаго въ смертоубійствѣ, и говорить дѣвушкамъ: пусть выбираетъ, кому изъ нихъ умереть, одному онъ проститъ. Та не знаетъ, что ска-

зять, боится попросить за Тристана, просить за Миленца, потомъ за Тристана, когда король замахнулся на него мечемъ. Король настаиваетъ на ея первомъ рѣшеніи, а она говоритъ: пусть лучше ее убьютъ, чѣмъ его; затѣмъ просить у отца мечъ, чтобы самой отмстить Тристану, но когда мечъ у нея въ рукахъ, она объявляетъ отцу: отпусти Тристана, или я сама себя убью. Она сознается, что любитъ его, а король говоритъ ему: «Ты вжѣ правъ» (l. c. *delivre*). Когда Тристанъ разсказалъ Говорнару, какъ онъ освободился отъ взведеннаго на него обвиненія, тотъ совѣтуетъ ему бить челомъ королю, чтобы отпустилъ его: какъ бы панна «чого злого не вчынила» (l. c. *mal pous en pourrait bien venir*); они поѣдутъ въ Еліонось къ дядѣ Марку; ты такъ возмужалъ, что коли захочешь таиться, тебя не узнаютъ; будешь служить, а когда настанетъ время, самъ король опояшетъ тебя мечемъ (l. c. *vous fera chevalier*). Тристанъ идетъ откланяться Перемонту¹⁾; когда королевна узнала, что Тристанъ уѣзжаетъ, «она была збытне смутна и послала ему иноходника и выжала однимъ пахолкомъ», котораго Тристанъ обѣщаетъ, по его просьбѣ, поставить рыцаремъ, когда самъ будетъ таковымъ. Еще разъ посылаетъ королевна къ Тристану: просить прислать ей его мечъ, чтобы она могла поцѣловать его. Получивъ мечъ, она проколола себя на мѣстѣ. Во французскомъ романѣ (f. XXIII) Тристанъ уже уѣхалъ, когда дѣвушка посылаетъ въ догоню за нимъ своего *escuier*, съ любовнымъ письмомъ, въ которомъ съ нимъ прощалась, такъ какъ рѣшила заколоться мечемъ, которымъ раньше ея отецъ хотѣлъ снести ему голову. Вмѣстѣ съ письмомъ она шлетъ ему своего *brachet*, «*ung des meilleurs brachets du monde*» (l. c.); объ иноходникѣ нѣтъ рѣчи. Самоубійство происходитъ до отправленія посланнаго за письмомъ; послѣдній остается при Тристанѣ. «*Et sachez qu'il fut puis cheualier de grant proesse, compaignon de la table ronde, mais puis l'occist Tristan en la queste du saint Graal par meschanceté,*

¹⁾ Въ франц. текстѣ (l. c. f. XXIII) сцена съ королемъ подробнѣе, и Тристанъ открываетъ ему, кто онъ такой.

ainsi-comme il s'en alloit après Palamedes le cheualier sarrazin» (l. c.). Тоже говорить о немъ нашъ текстъ, но въ другомъ мѣстѣ по поводу перваго турнира въ Ирландіи: «И на завтреи Трыщанъ юнака поставилъ рыцѣромъ, и былъ храбръ и великое доброты и былъ товаришъ ѿ Округлого стола великое доброты; и заса с прыгоды забилъ его Трыщанъ своею рукою не знаючи иж ѿн стоилъ за Паламидежомъ, который велми миловалъ пудную Ижоту. А тому рыцѣру было има Бербешъ». Французскій романъ (f. XXIX) повторяетъ при этомъ случаѣ то же извѣстіе, въ нѣсколько иной формѣ, называя на этотъ разъ и рыцаря: *Hebes le renommé*.

Обращаемся къ тексту Полидори, l. c. стр. 48—63. О томъ, что подробности о второмъ бракѣ Меліадуса здѣсь другія, сказано было выше.

Неудачныя ковы мачехи рассказаны въ обратномъ порядкѣ: сначала король хочетъ пить изъ кубка, въ которомъ приготовленъ былъ ядъ (лишнее: ядъ испытанъ на собакѣ), а затѣмъ уже говорится объ отравленіи сына мачехи. Смерть Меліадуса передается коротко, безъ подробностей: на охотѣ его убиваютъ враждебные ему рыцари; ихъ двѣнадцать; впослѣдствіи Тристанъ отмстилъ имъ, какъ вы о томъ услышите. Отъѣздъ Тристана къ *re Fieramonte* (вар. *Feramonte*, *Ferramonte*) in *Gaules*; онъ оставляетъ по себѣ правителемъ вѣрнаго челоуѣка, друга отца, *messer Palmoano* (вар. *Palmiano*, *Palmino*), которому поручаетъ пецись о мачехѣ. У *Fieramonte* (его столица *Parigi*) дочь красавица *Bellices* (вторая умерла), которая ввѣряетъ *Governale*ю свою любовь къ Тристану. Слѣдуетъ, какъ и во франц. романѣ, приѣздъ Аморольда Ирландскаго и предсказаніе одного «*folle della corte, lo quale era appellato Rocchetto*». Эпизодъ съ *Bellices* представляетъ такія отличія: Тристанъ фехтуетъ съ другими рыцарями въ большой залѣ дворца; *Bellices* любитъся имъ и поджидаетъ его въ проходѣ между двумя покоями. Когда Тристанъ ей не внимаеъ, она кричитъ въ тоскѣ: Помоги, помоги мнѣ, дорогой, прекрасный повелитель! — разумѣя — Бога Любви. Когда

на ея крикъ сбѣжались, она говоритъ: Поглядите на этого негодного молодца, не желающаго оказать мнѣ чести и поклоненія (cortesia) и заставляющаго меня страдать до смерти. Въ сценѣ суда племянникъ короля названъ Brano или Abrano; король предлагаетъ Тристану руку дочери, онъ отказывается за юностью: ему еще надо поучиться рыцарскому дѣлу. Въ разсказѣ о смерти Bellices есть особенности, соединяющія отличія русскаго и французскаго текстовъ: она посылаетъ Тристану съ конюшимъ своего коня, выжлока (bracchetta) и письмо, и причитая о Тристанѣ, бросается на мечъ въ присутствіи посланнаго, дабы онъ могъ быть свидѣтелемъ ея смерти. Изъ письма, которое читаетъ Тристанъ, онъ узнаетъ, что мечъ былъ тотъ самый, которымъ король хотѣлъ отрубить ему голову. О просьбѣ конюшаго поставить его рыцаремъ ничего не говорится.

5. Тристанъ и Говорнаръ являются къ королю Марку, который не признаетъ племянника и нѣкоторое время спустя ставитъ его рыцаремъ. Во французскомъ романѣ, который вообще излагаетъ подробнѣе, это обстоятельство разсказано послѣ прибытія посольства отъ Morhoulт, но раньше, чѣмъ оно принято въ аудіенціи Маркомъ: узнавъ отъ одного стараго рыцаря о цѣли посольства, Тристанъ проситъ опоясать его мечемъ, чтобы ему можно было биться съ Morhoulт. — Въ это время явились изъ «Орьлендэи» четыре рыцаря отъ Амурата (Morhoulт) съ требованіемъ запущенной дани, иначе они грозятъ бѣдою: «не останется тутъ падъ земли штобы не скажона» (f. XXV: il ne te donnera plein pied et toute Cornouaille en sera destruite¹⁾). Марко утрапшень, а Тристанъ выступилъ впередъ и велитъ сказать Амурату, что обычаю предковъ они слѣдовать не будутъ, «а если вашъ панъ король арлендѣиский хотѣлъ бы ее мѣти (то-есть, дань),

¹⁾ Нашъ текстъ сократилъ въ одно двойное упоминаніе Morhoulт во французскомъ романѣ. Здѣсь послѣдовательность такая: пріѣздъ Morhoulт (съ нимъ его товарищъ Gaheriet); требованіе дани и сѣтованіе корнуальцевъ; Тристанъ узнаетъ о томъ и хочетъ биться съ Morhoulт; его ставятъ рыцаремъ; f. XXV: «ainsi comme ilz faisoient la feste Tristan, vecy venir quatre chevaliers sages et bien parlans de par le Morhoulт».

нехай приидет а ѡзметъ через мѣчъ на поли, (l. c. ie suis tout prest de me combattre a luy corps a corps), а инакъ ее не может мѣти, а ѣ готовъ ѡтнати ее моею рукою. Рекъли послы королю Марку: Если то ты мовиш? (l. c. Et se pour vous que se cheualier a parlé)? И король рекъ: Коли онъ хочеть взати тую битву за корновальскую свободу, говору и ѣ». Когда послы Амурата замѣчаютъ, что онъ будетъ биться лишь съ человѣкомъ «великаго роду» (l. c. de aussi hault lignaige), Тристанъ объявляетъ, кто онъ. Узнавъ объ этомъ, «хто ест, котории тую битву взаль» (l. c. qui la bataille a emprinse) и услышавъ похвалы новоставленному рыцарю, Амуратъ глумится: «онъ будетъ каати са, новии рыцър новую смерть хочетъ взати (f. XXVI: «il fut hier cheualier nouveau et demain luy convient essayer nouvelle mort»). Онъ снова посылаетъ къ Марку узнать о мѣстѣ, назначенномъ для поединка; вмѣстѣ съ другими идетъ Гарнотъ. «И рекъ Гарнотъ: Иѣ вамъ вѣчно дружбу (то-есть, буду вашимъ товарищемъ), ижъ того рыцѣра увижу кого такъ фалать (l. c. et Gaheriet dit qu'il yra aues eulx, si verra celluy Tristan); Маркъ назначаетъ островъ Самсонъ (l'isle Saint Sanson, l. c.)¹⁾, противники поѣдутъ каждый въ своемъ суднѣ, «и кождый будетъ собѣ морнаръ» (l. c. ayt chascun son batel et son marinier pour luy gouuerner). Гарнотъ доноситъ объ этомъ Амурату, котораго пытается отговорить отъ битвы съ Тристаномъ: коли ты падешъ, «то великая шкода ув-Орленъдѣи будетъ, а коли са ему што станетъ, великая шкода всему свѣту будетъ», но Амуратъ не хочеть ничего слышать и готовится къ бою. Марко и Тристанъ съ рыцарями и всѣ корновальцы идутъ въ церковь; на другой день, снарядившись къ бою, Тристанъ идетъ «у гостплицу» (l. c. au palais; въ оригиналѣ стояло, вѣроятно, hostel, albergo), гдѣ Марко выходитъ къ нему на встрѣчу и упрекаетъ, зачѣмъ онъ таился отъ него? Коли бы онъ зналъ, кто онъ, не далъ бы ему

¹⁾ Такъ и въ Erec et Enide Chrestien'a de Troies:

La ou Tristanz le fier Morhout
En l'isle Saint Samson veinqui.

биться, «хота бы са вса Корноваль пороботала» (l. c. en servage). Узнавъ, что Амуратъ уже переправился на островъ, Тристанъ вооружается, беретъ съ собою «доброего фреза» (фарижа, l. c. cheval) и переправляется на лодкѣ, которую, приставъ, отпихиваетъ отъ берега. Амурату онъ объясняетъ этотъ поступокъ: «одному з нас проч пойти твоеи лодьи, а другому тут ѡстати». Амуратъ уговариваетъ его покинуть битву, Тристанъ не согласенъ. Битва идетъ сначала на коняхъ («древа поламали» = glayues l. c.), затѣмъ пѣшая; Амуратъ начинаетъ страшиться; Тристанъ раненъ «у стегно кроткем ядовитымъ» (l. c. du fer du glayue Morhoulte qui envenime estoit), а противнику разрубилъ голову до мозга, «и ѡстал ему вломокъ меча в голове». Дружина перевозитъ смертельно раненаго на тот берегъ, а корновальны кличутъ врагамъ: «Златъ вам дорога, ѡто вамъ данъ!» (l. c. allez vous en sans retournei, malle tempeste vous puisse tous noyer). Тристанъ жалуется на нестерпимую боль въ стегнѣ; никакія мази и лѣкаря не помогали, его страданія вызываютъ общее горе: «О Трыщане почестныи и добрыи рыцѣру, цуднага молодости, кол дорого купилъ еси свободу коръновальскую! (l. c. bien nous a faict par sa misericorde grant grace, par la proesse de Tristan est huy Cornouaille deliuree de servage). Мы ѡставуемъ весели, а ты вмираеш ѡкрутною-смертью! (l. c. dont les preudhommes en sont moult dolens et dient: Ha, ha Tristan, comment vous auez cher achapte la franchise de Cornouaille! Vous mourrez a douleur de ce nous sommes a ayse). Одна женщина совѣтуетъ Тристану поискать излѣченія въ другой странѣ. «Рекъ Трыщан: Я не могу на кони седѣти а ни на носилицахъ нести са» (f. XXVII ie ne pourroys cheuaucher ne ie ne pourroye souffrir a estre porte en litiere). Онъ проситъ дядю: «наради ми доброе судно и поставъ што ми так потреба в немъ, стравы и питъа и ѡдно легкое ведро, которое бы могъ ѡдин чоловікъ долов спустати, и покрыи ми его добрымъ сукномъ дла дождчу и дла вѣтру: хочу са пустити по морю, кгда ми фортуна принесетъ, ачеи ми са гдѣ лѣкар наидетъ к тои ране, ѡт которое умираю.... А коли

будет судно готово, вложи ма в него и дай ми мою арѣфу, а другую лютню, а на часъ собѣ гуду, абы ми туги и болести легъчало» (l. c. *Pourvoyez moy d'ung petit vaisseau a ung petit vaisseau a ung petit voille bien fait que ie puisse tout par moy monter et avaller quant ie voudray, et sera par dessus couuert de soye pour le chault et pour la pluye et la me ferez mettre mes viandes dedans dont ie me pourray soustenir une piece de temps et si ferez mettre ma harpe, ma robbe et tous mes instrumens dont ie me deduyrai aucune ffois*). Маркъ отпускаетъ его со слезами; черезъ два дня (l. c. *quinze iours ou plus*) «Фортуна» пригнала его «в Орлендѣю под ѿдин городъ» (l. c.: *le chateau de Hessedoc*), гдѣ царствовалъ король Ленвизъ, женатый на сестрѣ Амурата, искусной лѣкаркѣ. — Франц. романъ не называетъ здѣсь короля по имени, но далѣе ему имя *Argius f. XXIX* (то же въ *Le nouveau Tristan* 1586 г.), что отвѣчаетъ близко нашему Ленвизъ-Anguis (l'Anguis?) Когда Тристанъ «былъ на краи мора перед замком, онъ с того былъ велми весел и взял арѣфу и настроилъ и почалъ играти што нацудней могъ». (l. c. *si doucement, que nul ne l'ouyt qui volentiers ne l'escoutast*). Слышитъ это Ленвизъ, подозвалъ королеву и оба идутъ къ берегу; когда Тристанъ узналъ отъ нихъ, что онъ въ Ирландіи, устранился, называетъ себя рыцаремъ «изъ Элиноса города а ѿт земли ѿбѣфитое», (l. c.: *de Leonnoys pres de la cite d'Albime*), ищущимъ излѣченія отъ раны. Царь ободряетъ его: у него есть дочь, которая знаетъ въ ранахъ толкъ лучше всѣхъ лѣкарей, она будетъ ходить за нимъ «для бога и для дворности» (l. c. *pour dieu et par pitié*). Тристана переносятъ въ одну комору, а Ленвизъ посылаетъ къ нему свою дочь Ижоту; ея зелья сначала не помогаютъ («Болшеи десяти днѣи панна прыкладала зѣлье» = l. c.: *En celle chambre fut Tristant dix iours entiers. La damoyselle prenoit garde chascun iour de luy*), пока она не догадалась, что рана ядовитая и не употребила соотвѣтствующихъ средствъ. Тогда выздоровленіе пошло быстро, и Тристанъ спѣшить уѣхать, пока его не узнали, когда явились три рыцаря ѿт ѿкруглаго

стола короля Артиуша, именемъ Гарнотъ, Кажынъ и Бэндемагул» (франц. романъ: *Gaheriet, Keu, Baudemaguc*), на турниръ, который выкликала одна панна: «которые бы рыцар болшь мужовал в томъ турнаю, тотъ ее поиметь, а если бы ее не хотѣлъ понати, и она ему масть дати дар такъ много, што колко десать рыцаровъ маютъ¹⁾. Рыцари видять Тристана у Ленвиза, но его не признаеть даже Гарнотъ (l. c. *Gaheriet*), приходившій съ послами Амурата: такъ онъ измѣнился отъ болѣзни. На вопросъ Гарнота, онъ называетъ себя просто гостемъ (l. c. *estranger home*) и сопровождаетъ Ленвиза на турниръ, хотя отказывается отъ оружія и коня: онъ еще слишкомъ слабъ²⁾. На пути они встрѣтили Гаваона (l. c. *Gauvain*), племянника Артура; за нимъ ѣздитъ,нося его щитъ и сулицу (l. c. *glayue*), тотъ самый юнакъ (l. c. *escuyer*), который привелъ Тристану иноходца и выжлока отъ дочки Перемонта. Онъ узналъ Тристана, который просить его не открывать его имени, готовъ исполнить обѣщаніе — поставить его рыцаремъ³⁾ и узнаеть отъ него, что тотъ, за кѣмъ онъ ѣздитъ, Гаваонъ, о чемъ и сообщаетъ Ленвизу. Вечеромъ встрѣтился имъ рыцаръ съ чернымъ щитомъ и двумя мечами; Гаваонъ объясняетъ Ленвизу, что носить два меча имѣетъ право лишь тотъ, кто отважится биться съ двумя рыцарями; что еслибъ его побѣдилъ рыцаръ не «з Лондреша», то онъ обязанъ былъ бы отбросить одинъ мечъ, и — ходить цѣлый годъ безъ оружія

¹⁾ f. XXVII: *Ils estoient venus en Yrlande pource que la dame de Glandos qui se vouloit marier, avoyt fait crier le tournoyement, si y estoient ia venus les barons de (f. XXVIII) maint pays, et auoit este crié en plusieurs royaumes par si que qui mieulx le feroit, auoit la dame en mariage s'il vouloit, et conviendroit que le roy d'Irlande qui tout ce avoit fait crier pour ce que la dame estoit sa cousine germaine, qu'il donnast au mieulx faisant cheualier le fief de dix cheualiers pour estre a celluy tournoyement.*

²⁾ Онъ прибавляетъ: «а коли ты въскочешъ ехати, помогу за вашу ласку, а понесимо оружье, иж чловѣкъ не вѣдает, што са ему гдѣ пригодитъ» = f. XXVIII: *non pourtant se vous y voulez aller, ie vous feray volentiers compagnie et par adventure que lors porteray armes et par adventure que non feray.*

³⁾ Объ этомъ обѣщаніи во французскомъ текстѣ раньше не говорилось. Теперь коняшій просить у Тристана «ung don»...: *Sire, vous me ferez demain cheualier.*

«за соромы», еслибы былъ побить рыцаремъ изъ «Лондреша», гдѣ «наибольшыя рыцеры»¹⁾. На другой день, поставивъ рыцаремъ юнака Перемонта (сл. выше стр. 153), Тристанъ ѣдетъ къ мѣсту турнира «на одномъ болоте подъ замкомъ» (f. XXVIII: Chateau des Landes). Приѣхали туда король «Ланишъ изъ Локви», «Артиушъ зъ Лондреша» и король надъ Ста рыцарями, служившій «принципу Галишту». Послѣднихъ двухъ нѣтъ во французскомъ романѣ, а первый названъ: Aguysaulx d'Escosse, и далѣе являющийся въ нашемъ текстѣ подъ именемъ короля Сто(т)скаго. На турнирѣ сторону послѣдняго держатъ рыцари Круглаго стола: Гарнотъ, Иванъ, сынъ короля Урызна, Гавашъ, Геешъ, король Бэндемагул, Дондиель, Согремор, Гвирешъ (франц. романъ: Messire Gauvain, messire Yvain et le filz du roy Brien, Keux le seneschal, Gaheriet, Garaches, Baudemagus, Dodineau le Sauvage, Sagremor le Desreé, Guires le petit, Girflet le filz do (sic), f. XXVIII), но рыцарь съ чернымъ щитомъ, который оказывается Паламидежемъ (Palamedes le sarrazin, f. XXIX), отбиваетъ у нихъ побѣду. Видя себя побѣжденнымъ, король надъ Сту рыцарями, любившій всѣмъ сердцемъ «красную Ижоту» (Iseult la belle, f. XXVIII), опечаленъ, хочетъ поправиться на другомъ турнирѣ, которому назначаетъ быть черезъ десять дней. А «Паламидежъ поехалъ ув-Орлендѣю»²⁾, говоречы тотъ турнаи почтене Ижотино, а Трыщанъ завжды мѣлъ на сэрцы и мыслилъ какъ в томъ другомъ турнаи мѣлъ бы са з нимъ росправити... и вступилъ въ храбростъ противъ Паламидежа (en orgueil et en bobant, f. XXIV) и гледѣлъ на него злыми очыма, иж са ему видело, што онъ чинитъ великий соромъ рыцаремъ...; и такъ са ему видело, иж

1) l. c. s'il trouvoit ung meilleur cheualier que luy qui a oultrance le mist qui ne fust pas du royaume de Logres, que en feroit il? Il n'en porteroit que une en signifiante de sa honte.

2) Во французскомъ текстѣ l. c. говорится, что когда Паламедъ возвращался съ турнира, король Шотландскій ѣдетъ за нимъ слѣдомъ, спрашиваетъ—будетъ ли онъ на слѣдующемъ турнирѣ. Далѣе Паламедъ встрѣчается съ королемъ Ирландскимъ, который и приглашаетъ его къ себѣ («ув-Орлендѣю»). Въ русскомъ текстѣ этотъ эпизодъ спутанъ.

он хочет мѣти Ижоту и она его милуетъ со всего сѣрца, и почали са з нимъ непрязнати и немиловати межы собою Трыщанъ и Паламидежъ». Ижота ни о чемъ не догадывается, догадалась ея прислужница Брагиня (французскій романъ: *Brangien*, f. XXIX), спрашиваетъ госпожу: кого бы изъ двухъ она предпочла, еслибъ они ее любили? Та отвѣчаетъ, что Паламидежа, ибо онъ большій рыцарь; а «коли бы нашъ такъ рыцѣр (то-есть, Тристанъ) былъ добръ и такого врожена, гакъ по немъ бачымъ (f. XXIX: *de sa proesse gentil homme*), онъ бы былъ наибольшыи и наицуднейшыи рыцѣр». Слова эти слышали Паламидежъ и Тристанъ, сидѣвшіе въ одной коморѣ; Тристанъ вышелъ гулять («на едно болото» = XXIX *en ung gré*) и почалъ мыслити, ижъ его милостъ къ Ижоте нудила. Рекъ самъ къ собѣ: Я не могу прыити на досконалостъ красное Ижоты (l. c.: *qu'il ne peult avoir l'amour d'Iseult*), если не сборою пыхи (l. c.: *s'il n'abat l'orgueil de Pallamedes*) Паламидежовы, а того не могу вчинити безъ доброго коня и безъ доброй зброи». Тѣмъ не менѣе онъ отказывается отъ предложенія Ленвиза поѣхать на второй турниръ и остается дома печальный. На вопросъ Брагини онъ говоритъ, что тужитъ потому, что за неимѣніемъ коня и зброи не можетъ ѣхать на турниръ. Почему же не отправился ты съ королемъ? — Чтобы меня не познали. Тогда Брагиня даетъ ему добраго коня и зброю безъ знаменья (f. XXIX: *armes et couvertures toutes blanches*) и своихъ двухъ братьевъ, чтобы ему служили (l. c. *Permis et Mathanael*). Брагиню онъ проситъ никому ничего не говорить объ этомъ дѣлѣ. На турнирѣ появленіе Паламидежа вызываетъ общія ожиданія; онъ бьется, и поле остается за нимъ; всѣ кричатъ: «с чорнымъ щытомъ и з двема мечы другии разъ добыл турнаа». (l. c.: *tout vainquera le chevalier a l'escu noir, tout vainquera celluy aux deux espees*). Когда Тристанъ распозналъ его, поѣхалъ на него и вызываетъ на бой: дважды¹⁾ свергаетъ его съ коня, гонитъ, дѣлая ему «сорокъ» и для того, чтобы онъ не смѣлъ показываться на глаза

¹⁾ Между первымъ и вторымъ боемъ съ Паламедомъ французскій романъ помѣщаетъ бой Тристана съ рыцарями Круглаго стола.

Ижотѣ. Паламидежъ узнаеть его, не зная его имени, по вызову: «Рыцѣру, верни са, да видимъ, который з насъ годнейшыи доброты рыцѣрское, и который з насъ годнейшыи миловати красную Ижоту».

Сваливъ Паламидежа, Тристанъ ѣдетъ, и слѣдуетъ эпизодъ о его встрѣчѣ съ дѣвушкой, посломъ короля Артиуша, ѣхавшею искать рыцаря, что «взал Болачу стражу» (*La douloureuse garde*, f. XXX); она видитъ далѣе опечаленнаго Паламидежа, который говоритъ ей о своемъ пораженіи, и встрѣчаетъ Гаваона, также искавшаго побѣдителя Болячей стражи; «а то былъ Анъцолот з Локвей» (f. XXX: *du Lac*). Вмѣстѣ съ Гаваономъ она ѣдетъ далѣе въ Лондрешъ (l. c. *Logres*).

Между тѣмъ Тристанъ вернулся домой ночью и на вопросъ Брагини, кто побѣдилъ на турнирѣ, говоритъ только, что Паламидежъ чести не добылъ, а «та есми доконал свое вмышление какъ есми хотѣл». Когда онъ всталъ на другое утро, «было ему видене затекло и посинело отъ многихъ вдаровъ». Всѣ говорятъ о бѣломъ рыцарѣ, побѣдителѣ турнира, а Тристанъ «отъ томъ стыдил са, бо не рад бы штобъ его познали» (f. XXX: у Тристана опухло лицо, и о немъ говорятъ, *qu'il auoit este en feste. Et quant il ouyt que on disoit telles parolles, si en auoit grant honte*). Говорятъ о бѣломъ рыцарѣ и король и Гарнотъ и Бандэмагул пан и Уванъ (послѣдняго имени нѣтъ во французскомъ романѣ); предполагають, что то былъ Ланцелотъ, но Брагиня догадывается, что то былъ рыцарь, котораго она вооружила. Она открываетъ это Ленвизу, показываешь ему сбрую и щитъ, которые признаны за бывшіе на побѣдителѣ. Король идетъ къ Тристану, журить его (та мамъ на та жалъ = XXXI *de vous ie me plains a vous*), зачѣмъ онъ отъ него тайлся, просить сказать свое имя. Тристанъ сознается, что онъ былъ на турнирѣ, но имени своего не говоритъ, и король даруетъ ему свою пріязнь. «По том (Ainsi, l. XXXI) Трыщаново рыцѣрство было значно ув-Орленъдѣи, и былъ велми честованъ отъ короля и отъ всехъ добрыхъ людей, и не было панны и панее во всемъ королевомъ дворѣ, которага бы

не была рада миловати его от всего сэрца, если бы он хотѣлъ. Внимали, што Ижота милуетъ его потам, але она мѣла цютливое сэрце», (l. c.: fors seulement Yseult, celle n'y entend pas).

Французскій текстъ пересказываетъ здѣсь (f. XXXI — XXXII) вкратцѣ эпизодъ о боѣ Тристана со змѣемъ, извѣстный изъ другихъ рецензій романа¹⁾; русскій текстъ его не знаетъ.

Однажды, когда Тристанъ мылся въ ваннѣ, а Ижота и иныя дѣвушки ему прислуживали, «одинъ человекъ, на имя Кушынъ (во французскомъ романѣ безъ имени: *ung varlet parent a la rogne*, f. XXXII; не стояло ли въ итальянскомъ оригиналѣ *cugino*, что могло быть принято за имя собственное = Кужинъ?), подойдя къ постели Тристана, залюбовался его мечемъ и, взявъ его, понесъ показать королевѣ. Та замѣтила въ немъ щербину (*l'osche* l. c.), вынула изъ скрыни (l. c. *escrin*) обломокъ меча, который она извлекла изъ головы брата своего Амурата, и догадалась, что рыцарь, скрывающій свое имя, есть Тристанъ. Съ мечемъ въ рукѣ она спѣшитъ въ комнату, гдѣ онъ мылся, замахнулась, хочетъ убить его, обвиняетъ его въ убійствѣ брата. «Трыщан скрылъ са у кады» (l. c. *et Tristan ne se remue ne ne fist semblant de raour*); одинъ пахолокъ (*escuier*, l. c.) останавливаетъ королеву, «а Ижота покинувши соромъ, бо ее милость Трыщанова тиснула, и защытила его рукою велми милосердно»²⁾. Король, прибѣжавшій на крикъ, говоритъ женѣ: «Тихо, (l. c. *Taisez vous*), пани, дай тую помсту на мене, ъ хочу вчынити пакъ ест право годно, а тобѣ будет не жаль». Тристанъ защищается, что онъ не предательски убилъ Амурата; «Ты еси мертвъ» (l. c. *vous estes mort*), говоритъ ему король, велитъ ему одѣться и прійти къ нему во дворецъ. Всѣ жалбуютъ Тристана: «Богъ вѣ,

¹⁾ См. фрагментъ Bérout'я у Fr. Michel, *Tristan* I, стр. 26; ib. II, стр. 109. — Eilhart von Oberg, ed. Lichtenstein, въ *Quellen und Forschungen* Heft XIX, стр. 4: *Altes Gedicht, Bruchstück III—IV*, стр. 90 (см. Muret, l. c., стр. 306—307); *Tristan und Isolde* въ *Bibl. d. litterarischen Vereins*, Bd. 152, стр. 26—40; Kölling, *Die nordische Tristansage*, стр. 35—42; Sarrazin, l. c., стр. 263—4; Golther, l. c., стр. 15.

²⁾ Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

на свѣте нѣтъ такого рыцѣра, и великий бы грѣх абы за того его забити, который са вже не може вернути» (l. c.: *ce soit trop grand dommaige se si bel cheualier et si bon comme il est recepoit mort pour chose qui ne peult estre rescouvrée*). Королева поддерживаетъ обвиненіе, но король рѣшаетъ отпустить Тристана потому вопервыхъ, что «прынал есми тебе у мой дом немоцного и бѣдного, дал есми тобѣ здорове; другое: Ты еси таковъ рыцѣр, ы тобѣ ровни не знаю на свѣте¹⁾); третее: Не зрадне еси убилъ моего шурына Амурата, убил еси его рыцѣрскимъ обычаемъ. Только пусть скорѣе удаляется изъ его земли. Самъ король снаряжаетъ его, Брагиня даетъ ему въ услуженіе своихъ двухъ братьевъ, тайкомъ отъ королевы, гнѣвавшейся на Тристана²⁾), «а Ижота и иные дѣвѣвки говорили: Лепей то ест, што Трыщан прост ѿт смерти за ѿного, который са не мает вернути»³⁾). Тристанъ возвращается въ Корноваль.

У Polidori, стр. 64—90, рассказъ, въ сущности, тотъ же, но есть отличія въ подробностяхъ и нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ и, какъ вообще въ этомъ текстѣ, стиль болѣе многословный. Посвященіе Тристана въ рыцари дядей сходно съ французскимъ романомъ; нѣтъ Гарнота = Gaheriet во второмъ посольствѣ Аморольда, такъ глумящагося надъ Тристаномъ: *Sed egli è novello cavaliere, io novellamente lo farò morire* (сл. русск. и франц. тексты). Онъ посылаетъ въ даръ Тристану свой мечъ, рассчитывая, что онъ будетъ ему не подъ силу и обременить его въ поединкѣ; Тристанъ отдаривается мечемъ отца и выхлокомъ Ферамонтовой дочери, а поединку назначаетъ быть на *isola Senza Avventura*. Какъ во французскомъ романѣ, онъ намекаетъ противнику, что видѣлъ его при дворѣ Ферамонта. Раненаго въ голову Аморольда онъ самъ кладетъ въ ладью и отталкиваетъ ее

¹⁾ l. c.: *ie vous laisseray viure pour deux raisons: l'une est pour la bonté de cheualerie qui est en vous, l'autre si est pource que vous avez loge en mon hostel* и т. д.

²⁾ l. c.: *Brangienne luy bailla ses deux frères qui le servirent si coyement que nul ne s'en aperceurent.*

³⁾ Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

отъ берега, чтобы его люди могли его принять; уже изъ ладьи ранить его Аморольдъ стрѣлою въ правое бедро. Страдая отъ раны, Тристанъ удаляется въ *palagio di Riano*, на берегъ моря, куда беретъ свою арфу и *altri störmienti da diletto*. Онъ нѣсколько разъ готовъ бросится въ море, такъ сильны боли. Снаряженіе корабля другое, но есть арфа, и Тристану сопутствуетъ Говерналь. Пристаютъ они къ замку *Languis'a*, близко отъ города *Londres*; на игру и вопли Тристана выходитъ король съ четырьмя конюшими и находитъ Тристана почти умирающимъ на одрѣ. *Isotta la Bionda* тотчасъ же признаетъ рану отравленною; когда черезъ 30 дней больной почти выздоровѣлъ, она велитъ ему скакнуть, дабы испытать, зажила ли рана. Тристанъ скачетъ на 22 фута, и рана раскрылась; тогда Изотта снова принимается за лѣчение; Тристанъ скачетъ на 30 футовъ и оказывается здоровымъ. *Lo re di Scozia* объявляетъ турниръ противъ *lo re di Cento cavalieri*; Тристанъ является зрителемъ, *Galvano* (Гаваонъ русск. т.) только упомянуть, а о конюшемъ *Bellices*, дочери *Feramonte*, сказано лишь то, что Тристанъ поставилъ его рыцаремъ и назвалъ его *Amadore del trarportamento*. Благодаря появленію *Palamides lo pagano*, сторона короля Ста рыцарей побѣдила; на ней находились и двѣнадцать странствующихъ рыцарей (именъ нѣтъ). Изотта прислуживаетъ за столомъ Лангвиса, Паламидесъ и Тристанъ засматриваются на нее; отсюда ихъ вражда. На второй турниръ *Languis* беретъ съ собою Изотту, а *Brandina* снаряжаетъ Тристана (*armadure... con insegne bianche*), который становится на сторону короля Ста витязей, остается побѣдителемъ и сражаетъ Паламидеса. Эпизода о дѣвущкѣ, искавшей Анцелота, нѣтъ. Вернувшись, Тристанъ спрашиваетъ Лангвиса о турнирѣ, а самъ онъ такъ изцарапанъ, что это побуждаетъ короля обратиться къ нему съ вопросомъ: не бы ли тамъ и онъ. Боя съ змѣемъ нѣтъ. Мечъ Тристана приноситъ королевѣ неназванный *scudiere*; на ея крикъ явился король; онъ не прочь былъ бы осудить Тристана на смерть, чтобы удовлетворить королеву, но всѣ этимъ возмущены, сѣтуетъ и

Изотта, которой Аморольдъ, умирая, говорилъ, что Тристанъ бился съ нимъ въ честномъ бою. Она проситъ у отца дара: освобожденія Тристана, и тотъ отпускаетъ его по тремъ причинамъ: первая и вторая сходны съ русскимъ текстомъ, третья — ради моей дочери Изотты. Ея нѣжнѣе разставаніе съ Тристаномъ, ибо «они любили другъ друга вѣрной любовью». На обратномъ пути въ Корнуаль буря заноситъ Тристана въ Leonis, гдѣ онъ мститъ убійцамъ отца.

6. Тристанъ возвращается въ Корноваль, гдѣ встрѣченъ радостно: «такъ какъ бы имъ прышол отецъ» (f. XXXII: *comme se dieu fust illec descendu*); онъ рассказываетъ о своихъ похожденияхъ, о красотѣ Ижоты, но только не о побѣдѣ надъ Паламидежомъ (*mais il ne luy compta pas comment il auoit vaincu l'assemblée et comme Yseult la Bloye la plus belle damoyselle du monde et qui plus scauoit de chirurgie l'auoit guarý, l. c.*). Была тогда въ Корновали одна красавица, «яко цвѣтъ и рожа», жена одного рыцаря изъ Лондреша (*Logres, l. c.*), Сегурадежа (*Segurades, f. XXXIII*), за которой безуспѣшно ухаживалъ Маркъ. При его дворѣ она видитъ Тристана, и оба влюбляются другъ въ друга; «Трыщанъ забылъ Ижоту» (*l. c.: il ne souuient plus a Tristan de Yseult*). Прощаясь съ Тристаномъ, она открывается ему въ любви (онъ отвѣчаетъ ей: «Велика ласка, пани» = *l. c. grant mercy*), и вернувшись «до господы» (*l. c. manoir*), посылаетъ къ нему хлопца (*l. c. paup*), чтобъ онъ явился къ ней въ сумеркахъ (*l. c.: quant il sera anuyté*), но вооруженный, ибо человекъ не знаетъ, что съ нимъ можетъ приключиться. Король видѣлъ, какъ Тристанъ говорилъ съ хлопцемъ (далѣе хлопецъ магушъ), у котораго выпытываетъ подъ страхомъ смерти тайну порученія¹⁾. «Дивно ми твоеи паней», говоритъ онъ, «такъ са такъ борздо розмиловала Трыщана (f. XXXIII: *il me tourne a*

¹⁾ Магушъ говоритъ Марку: «пане, я того не могу поведати, впусти ми, але дамъ ти знати иж тот твои сестренець ни студено, а ни тепло» = *l. c.: n'en soyez iamais desirant, car ce n'appartient pas a vous, ne ce n'est chose ou vous doyez auoir dommage.*

grant vieulté que la dame se est habandonnée à Tristan), который еще детина, а я знаю лучшего рыцера ниже Трыстана, а панъ ест великий пакъ а самъ, который хотѣлъ велики милovati ее, она са ѡтмовила ѡт него (l. c. l'escondit). Рекъ магуш: Господару, не вѣдасте-ль вы того, што часто са прыгожает межы мужыков и невѣст? Другии ѡбереть собѣ меншую и пушую, а могла бы ему быт два крот лѣпша; такъ же и невѣста не всхочет доброго рыцера або великаго пана ¹⁾. И рек король: Я сам ее досыт (l. c. plusieurs foys) искал, а она са ѡтмовила ѡт мене, и для ее глупости хочу ее уморити и домъ ее погубити). Зная короля за «наизрадливого человека (l. c. moult felon), магушъ входитъ въ его планы ²⁾: Маркъ выѣдетъ вооруженный съ однимъ пахолкомъ (l. c. tout seul, но далѣе является escuier) и «буду ждати пры студни (l. c. au gué de l'Espine) куды вамъ ехати»; онъ сразитъ Тристана, и тогда магушъ поведетъ его, вмѣсто Тристана, къ красавицѣ. Магушъ совѣтуетъ ему не биться съ племянникомъ, но Маркъ настаиваетъ: неужели думаешь ты, что онъ сильнѣе меня? — Слѣдуетъ ночная встрѣча Тристана съ королемъ, котораго онъ сбрасываетъ съ коня и ѣдетъ далѣе, не признавъ его; а король того и боится, чтобъ его не узнали. — Далѣе въ русскомъ текстѣ опущены слѣдующія подробности французскаго: приѣздъ Марка домой; врачу, который лѣчитъ его рану, онъ не велитъ сказывать, что рана получена въ бою; Тристанъ въ объятіяхъ жены Сегурадежа, котораго въ то время не было дома; вернувшись и узнавъ о посѣщеніи Тристана по крови отъ ранъ, оставленной имъ на постелѣ, онъ нагоняетъ его и ранитъ въ бою, но и самъ раненъ и падаетъ съ коня. На другой день Маркъ спрашиваетъ Тристана

¹⁾ l. c.: «pour ce ne devez vous pas blasmer ma dame, quant vous voyez maintenant que ma dame ayme ung pource cheualier qui n'est si beau ne si vaillant comme est ce sire, et ung riche roy qui ayme bien une pource dame qui n'est si vaillant comme sa femme. Amours ne choisist pas».

²⁾ «А лепен бы панси загинути ниже тое вчынити: потомъ бы Трыстанъ мыслитъ королю што злого вчынити» = l. c.: que sa dame fust sauvée et si pourroit bien estre que a Tristan en seroit de mieulx.

о его здоровьи; тотъ отвѣчаетъ, что раненъ и намѣренъ отмстить за это. Онъ разумѣлъ Сегурадеса, а Маркъ принимаетъ это на свой собственный счетъ (ff. XXXIII—XXXIII).—Русскій текстъ продолжаетъ: при дворѣ Марка праздникъ; когда онъ сидѣлъ за столомъ «у великомъ палацу» съ панами и паннами, явился рыцарь Блерыжъ, родственникъ короля Бана изъ Банокъ (i'au à nom Bliomberis du parenté au roy Ban de Benoic, f. XXXIII), и просить у Марка дара, въ которомъ тотъ и не отказывается. Тогда онъ подходитъ къ женѣ Сегурадежа «поставилъ передъ собою» (на коня; сл. l. c.: la mist sur le col de son destrier) и увозить ее. Сегурадежъ гонится за нимъ, бьется, но сбить на землю¹⁾.

Въ это время проѣзжали два «еждчальные рыцеры», которые позднѣе названы Дондиэлемъ (фр. ром. Dodineaux le sauuage l. c.) и Согреморомъ (Sagremors, le desrée l. c.). Маркъ былъ бы очень радъ довѣдаться отъ нихъ вѣстей объ Артіушѣ и рыцарѣ, добывшемъ Болячую стражу. Аудретъ (Andret, l. c.), другой племянникъ короля, завидовавшій Тристану, вызывается поѣхать за ними и привести ихъ. Пока онъ ѣдетъ, является ко двору дѣвушка, ни съ кѣмъ не здороваётся и только смотритъ на всѣхъ; рыцари смѣются надъ ея глупостью (l. c. en fut tenue pour folle et nice): «што са тебе ѿ насъ видѣть?» (l. c. que vous semble il de nous?), спрашиваетъ ее Марко, а она начинаетъ срамить Тристана. «Трыщане, злыи и худии рыцэру и страшливыи (couard, f. XXXV) пушעי всихъ, што носии зброю, а не бачышъ свое негодности (l. c. mauvaistie), и дивлю са якъ смеешъ ѿбцовати з людми добрыми (l. c. preudhommes)... и коли бы та ѿни знали такого костю (l. c.: congnoissoient aussi bien ta mauuaistie), ѿни бы са тобою соромели, бо ѿни тобою зганбени (l. c. empirez). А то тобѣ говору перед королемъ Маркомъ и перед добрыми людми, а ѿни нехаи знают твою негодност, а рекла ти есми на што-м была прышла». Тристанъ

¹⁾ Французскій текстъ объясняетъ, почему Тристанъ не отправился въ погоню за Bliomberis, f. XXXIII: pour la doubte de son oncle.

пораженъ (сталъ такъ забытъ са = l. c. esbahu) эти неожиданными рѣчами и, вернувшись «до господы» (l. c. hostel) и вооружившись, вмѣстѣ съ Говорнаромъ ѣдетъ за удалившеюся дѣвушкой, встрѣчаетъ Аудрета, возвращавшагося изъ неудачной поѣздки: онъ былъ сбитъ Согреморомъ («добылъ меча и вдарылъ его плазомъ по голове» — *grant coup du plat de l'espée*, l. c.), и Тристанъ мститъ за него, сбивъ и Согремора, и его товарища, и ѣдетъ далѣе. У одного «хлопца» (f. XXXV: *escuyer*) онъ спрашиваетъ, не видалъ ли онъ той дѣвушки; тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ и ее, и одного рыцаря съ панной (Блерыжа съ женой Сегурадежа). Переночевавъ у одной «вдовицы земанки» (f. XXXVI: *une dame*) сынъ которой призналъ въ Тристанѣ побѣдителя турнира въ Ирланди, онъ продолжаетъ свою погоню за Блерыжемъ, съ которымъ бьется. Узнавъ имя противника, Блерыжъ говоритъ: «я са тобѣ даю, мѣи тую битву за добытую» (l. c.: *ie me rendz outré de ceste bataille et vous donne l'honneur*). Рѣшили: предоставить самой паннѣ выбрать, съ кѣмъ изъ нихъ она захочетъ пойти. Упрекнувъ Тристана, что онъ допустилъ ее увезти другому рыцарю, она идетъ за Блерыжемъ, а Тристанъ возвращается домой¹⁾.

У Polidori, стр. 90—95, красавица, которою увлекается Маркъ, названа: *la donzella ebreà dell'Aigua della Spina*; ея мужъ *Lambergus*; сходенъ съ французскимъ романомъ эпизодъ о Тристанѣ у жены послѣдняго и т. д., опущенный въ нашемъ текстѣ. — Маркъ велитъ разбить шатры на морскомъ берегу, на утѣху баронамъ и дамамъ; вмѣстѣ съ другими являются Тристанъ и *la donzella dell'Aigua della Spina*. — Тристанъ задумался при видѣ трехъ капель крови отъ убитой птицы на снѣгу: таковъ цвѣтъ лица Изотты, говоритъ онъ дядѣ. — Вмѣсто Блерыжа названъ *Bruno*; Тристанъ отправляется за нимъ въ погоню по просьбѣ Марка; послѣ боя красавица, хотя и негодуетъ на Тристана, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ за нимъ. — Какъ

¹⁾ См. параллели къ этому эпизоду у Gaston Paris, *Les romans* и т. д., l. c. стр. 60—65.

видно, недостаетъ эпизода объ Аудретѣ, Сагреморѣ и Dodineaux, и дѣвушкѣ, позорившей Тристана.

7. Разсказъ Аудрета о храбрости Тристана наводитъ на Марка страхъ, еще болѣе разсказъ самого Тристана о своихъ прежнихъ подвигахъ, на который вызвалъ его дядя. Всѣ дивуются, говорятъ: «Теперь Корновал не бои са докуль Трыщанъ здоровъ пры насъ!»; король вторитъ этому, а втайнѣ смущенъ и начинаетъ помышлять, какъ бы ему уморить Тристана. И вотъ онъ надумался: однажды, когда нѣкоторые дворяне пристали къ нему съ просьбой, чтобъ онъ женился, что тогда и вся «Корновала большеи была бы важона ѡт ѡколичныхъ сусѣдъ», онъ обратился къ Тристану со словами: Одинъ ты можешъ меня оженить, и никто другой (f. XXXVI: quant il vous plaira ie l'auray). Тристанъ клянется, что исполнить это, «хота ми на то горло втратити» (l. c. mieulx ayme a mourir) и, простирая руку къ сосѣдней церкви (l. c. chapelle), добавилъ: «Такъ ми бог помози и его моц, и хочу вчинити мою моц» (f. XXXVI: et iura se dieu luy ayst et les saintz — f. XXXVII: qu'i[l] en fera son pouoir). Тогда Маркъ объявляетъ, что его женой можетъ быть лишь «королевна орлендѣискаа краснаа Ижота» (f. XXXII: Yseult la bloye, fille du roys Argius d'Irlande), и проситъ Тристана снарядиться въ путь. «Трыщан рад бы са былъ ѡтмовилъ ѡт тое дороги» (l. c.: se retraits volentiers de ceste chose), но связанъ обѣщаніемъ, выбралъ «сорок панатъ молодыхъ» (l. c. quarante cheualiers) въ спутники; они также неохотно ѣдутъ въ непріятельскую землю, а Говорнаръ говоритъ Тристану: «Можешъ познати гакъ тебе твои дадко ненавидитъ, а то ѡнъ вмыслилъ большеи для твоеи смерти, нижъ для Ижоты. Рекъ Трыщан: Мистре, не бои са, хота ѡнъ мыслитъ зло, а коли я ему вгожу в томъ и в другомъ, муситъ ми добро мыслити и чинити (l. c.: Or puez vous veoir comment vostre oncle vous ayme. Ceste chose a il pourpensée pour vostre mort, non pas pour la damoyselle auoir. Beau maistre, dist Tristan, or ne vous esmavez, se mon oncle me hayt, ie feray tant, se Dieu playst, que par ma bonté il me

vouldra grant bien). На пути моремъ «была межы ними игра и куншты какъ то межы рыцеры и молодыми людьми¹⁾, а коли упоменули куды идут, тогда не вмѣли што речы, але Трыщан ихъ тѣшыль и клалъ то у смѣхъ, и они са тѣшыли и дуфали у Трыщаново рыцѣрство и говорыли: Мы съ Трыщаномъ не примемъ лиха». Буря, длившаяся сутки, принесла ихъ къ мѣсту, «которое звано Домолотъ» (f. XXXVII: en la grant Bretaine a une lieue de Kamalot), столичное мѣсто Артиуша короля, который въ то время былъ въ «Карьдуелл» (l. c. Cardueil en Galles²⁾). Они вышли на берегъ, разбили шатры, вынесли щиты и сброю; проѣзжаютъ два рыцаря, «которые были знали са на дорозе не знаючи оудинъ другого» (l. c.: qui s'entreestoient acompaignez ne ilz ne se congnoissoient point encores), Марганоръ (l. c. Marganon) и Ящоръ, братъ Анчалота (l. c.: Hector des Mares filz du roy Ban de Benoit de bas et frere à Lancelot du Lac). Ящоръ былъ поставленъ рыцаремъ «якобы чотыри недѣли» (l. c.: pas plus d'ung mo), а уже «поехалъ фортуны искати» (l. c. aduementures) и былъ «штъ добрыхъ кольцовъ» (l. c. iousteur). Они говорятъ: «То сут еждчалые рыцѣры (l. c. aduementureux), стоятъ в холоде, а щиты поклали абычаемъ лонъдрешскимъ (выше l. c.: la coustume de la grant Bretaine), которые кольвек едутъ мимо абы са з ними коштовали. И хто бы ихъ минулъ не покусившы са, то бы ему соромъ». Они изготовляются къ бою; одинъ рыцарь Тристана, ѣздившій по землѣ Артиуша, зналъ этотъ обычай, о чемъ и предупреждаетъ Тристана, который въ слѣдующихъ за тѣмъ поединкахъ сбиваетъ обоихъ противниковъ. Узнавъ, что онъ сбитъ рыцаремъ изъ Корновалъ, Ящоръ такъ опечаленъ, что бросаетъ оружіе и коня и удаляется пѣшій. — На другое утро судно пристаеъ къ берегу, на немъ король Ленвизъ; довѣдавшись, что дружина, стоявшая тамъ, изъ Корновалъ и что съ нею Тристанъ, онъ велитъ сказать ему свое имя: онъ будетъ радъ увидѣться со

¹⁾ Нѣтъ во французскомъ текстѣ.

²⁾ На вопросъ Тристана «морнары» (mariniers) отвѣчаютъ: «Мы есмоу великой земли» (l. c.: en la grant Bretaine).

мною. Они встрѣчаются радостно; король говоритъ, что рассчитываетъ на помощь Тристана, тотъ отвѣчаетъ, что сдѣлаетъ все возможное, «одно бы без моее ганбы» (f. XXXVIII: *se grant honte ne m'en deuoit venir*). Ленвизъ благодарить («Велика ласка» = *Grant mercy*, l. c.) и принимается рассказывать: на одинъ изъ турнировъ, бывшихъ по отъѣздѣ Тристана, явились четыре рыцаря, родственники («уроженные а кровные» = l. c. *du parenté*) «Бана баноцкаго» (l. c.: *du roy Ban de Benoic*). Ленвизъ попросилъ ихъ остановиться у него, но одинъ изъ нихъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ, а Бланоръ (l. c. *Blaanor*), его товарищъ, заподозрилъ въ убійствѣ хозяина и обвинилъ передъ королемъ Артіушемъ, который и вызвалъ его на судъ и бой съ обвинителемъ, чтобы «отвести са неправде» (l. c.: *mon deffendre de la trayson*). Ленвизъ проситъ Тристана постоять за него; Тристанъ готовъ; «уже-жъ буду мѣти Ижоту, по што есми прышолъ», говоритъ онъ про себя, а Ленвиза побуждаетъ обѣщать ему при всѣхъ исполнить то, о чемъ онъ его попроситъ, а его имени не открывать. — Ирландцы весело сходятся съ корноваланами; «и пры томъ весельи прыехала у шатеръ одна дѣвка носечы одинъ щитъ хорошии, а былъ безъ иного белега, не такъ, какъ иные щиты (l. c.: *ung escu d'autre maniere que nul escu qui fust pieça veu*): на немъ была написана одна пани, и одинъ рыцарь цаловалъ панию, а щитъ былъ росщепленъ по середине, и не могли его никакъ стиснути, а онъ щитъ росщепленъ былъ межы усты витезовыми и пани» (l. s.: *il y auoit pourtrait un cheualier et une damoyselle qui s'entrebaisoient, se sembloit l'escu tout desioinct de la pointe de dessoubz jusques dessus a la boucle en hault et ioignoit la ou la bouche de la dame ioignoit a la bouche du cheualier*). Узнавъ имя Тристана и по его желанію, дѣвушка объясняетъ эмблему щита: «У сей земли одинъ витезь такъ великии, ижъ надъ него ни близко ни далеко нѣтъ, а милуетъ одну панию велми высоко у сей земли, такъ ю впрѣиме милуетъ, лепѣи нижли самъ себе, а пани его также, але еще са не познали телесне, одно са цаловали (l. s.: *mais encore n'a eu de la dame que*

ung seul baiser). Из оное милости, тот щыт учыненъ ест, такъ его видиш, и не может са жадным обычаем зъступити, докул са они злучать и будут мѣти свою мысль и добрую волю; тогда са тот щытъ зъступитъ». Она говоритъ Тристану, что Артіушъ уѣхалъ въ Кардуэль (l. c. Cardueil), «а оставил корола Кардоса (f. XXXIX: le roy Karados briefz bras) и корола из Сгоцеи (l. c. le roy d'Escosse) смотрети тоє битвы, котораяа мает быти королю орлендѣискому з Бланором». Она сама отправляется въ Кардуэль, «бо там надевала са знаити кого искала; а таа дѣвка была одное паней з Локве (l. c. la dame du Lac), котораяа была великаа зеленица, чаровница большеи нижи иные вѣдьмы (l. c.: scauoit de charmes et de enchantemens a merueilles), а того была навчыла са от Мерлина пророка (l. c. deuin), которыйи много знал о приидучых речах (l. c.: les choses a aduenir), але са в томъ не вмѣлъ мудро заховати, абы его не вморыла таа, которую миловалъ зо всего сердца, и звѣрылъ са ей всего, а она его вморыла руками его животъ (l. c.: le mist a mort par les enchantemens mesmes qu'il luy auoit apprins), затворыла у гробе подъ землею, зачаровавши такъ, иж онъ не был собою волен (l. c.: que oncques ne se peut mouuoir). А от того велико са зло стало, што такаа мудрост пала перед оную жену. И таа пани з Локве, о которой вамъ поведамъ, ведала вси рѣчы (l. c. affaires), которые были межы королевую Веливерою (l. c. Genievre) и Анцалотом, она хотела ведати ихъ справу (l. c.: et pource que elle vouloit que la royne cogneust que elle scavaît bien de son estre, luy enuoyoit elle cest escu), для того послала королевю тую дѣвку и щыт и поручыла ей такие рѣчы, абы королевая знала, што тот щыт, и гледѣла на него и дѣвку тѣ-ж задержала в себе, паки са злучить з Онцалотомъ, хочечы видети, чы ступит са тогда щытъ вмѣстѣ. То оставмо. А Онцалот в тот часъ былъ в принципа Галиста, которыйи велми миловал Анцалота, волѣлъ бы вмерети, нижи бы не мѣти его въ товаришестве. А если бы Анцалот вмер, онъ и вси рыцѣры силно бы его жаловали, бо не было так силное руки и так високаго сердца». Сл.

Французскій романъ, I. с.: Ланцелотъ былъ «en royaume de Soreloy avec Galehaut, le seigneur des Loingtains Ysles, lequel auma tant Lancelot qu'il en mourut en la fin. Dont ce fut grant dommage de sa mort, car c'estoit le plus vaillant prince du monde et le plus eurenx de terre conquerre, car celluy Galehaut estoit filz a la belle Geande des Loingtains Ysles».

Узнавъ о приѣздѣ Бланора, Тристанъ идетъ къ королю, и они хотятъ поспѣшить къ бою, когда снова является та дѣвица, вся въ слезахъ: оказывается, что у нея отнялъ щитъ рыцарь Бреусъ (I. с. Brehus), за которымъ Тристанъ отправляется въ погоню и отнимаетъ добычу¹⁾. Слѣдуетъ снаряженіе къ поединку; Тристанъ и Ленвизъ отправляются въ Дамалотъ (I. с. Kamalot); племя Бана обвиняетъ Ленвиза передъ двумя королями (оставленными Артуромъ въ качествѣ судей), Бланоръ кладетъ «рукавицу» (I. с. son gaige) въ знакъ вызова, Тристанъ беретъ ее (I. с.: lors tend le pan de son haubert). Ленвизъ ободряетъ Тристана, Блерижъ (I. с. Bliomberis) напоминаетъ Бланору честь ихъ рода. Оба противника изумляются силѣ и храбрости другъ друга; среди битвы они отдыхаютъ; Бланоръ начинаетъ страшиться Тристана, желаетъ знать его имя, «нехай быхъ зналъ ѡт чьеи руки умру, або кого добываю». Узнавъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, онъ повеселѣлъ: «И есми слышал ѡ тобѣ великую славу по свѣту, а если ма добудешъ, мои близкие не будутъ мѣти сорама, але коли пак дастъ богъ тебѣ добуду, великое чести добуду». Бой начинается снова, уже Бланоръ не въ состояніи «меча подынести»; когда ударъ Тристана повалилъ его на землю, онъ молитъ отрубить ему голову: «нехай моему сорому будетъ конецъ. Трыщанъ то видѣлъ, ижъ ѡнъ ѡтъ великого сердца не хочетъ подати са и волить умерети, нижъ мовити: Побить есми; а коли его пушу а не дастъ ми мечъ, моя битва мало помочна, а ни добыта;

¹⁾ Бреусъ называетъ себя: «рекъ Трыщанъ: Чы по милости есть Бреусъ? ѡнъ рекъ: Такъ ма люди зовутъ». Ст. I. с.: На, fait Tristan, Brehus sans pitié. Во французскомъ текстѣ Тристанъ отсылаетъ побѣжденнаго Бреуса къ Gauvain.

а коли его убью, то зле учыню: убилъ такова витезя. И пошол до королевъ и рекъ: Панове, мы есмо са так били, якъ вы сами видели, але ѿдин з насъ не хочет дати меча и мовити не хоче: Побит есми, и волить умерети, нижли мовити то своимъ языкомъ. А што-бы тому за ганба, што ему на тот час fortuna не послужыла? А если са вамъ видит, уложите миръ межы нами, а нехай король арлендэйский будет волен ѿт потвары»¹⁾. Королямъ за благоразсудилось «иж бы перестала битва, а Бланор не вмеръ, коли есть на то Трыщанова доброта и милосердые» (f. XL, но въ другомъ мѣстѣ: *la courtoisie et la debonnaireté*); Тристану велятъ «розобрати са» (l. c.: *or puez oster voz armes*), а Ленвиза освобождаютъ «ѿт поклепу Бланорова». Тристанъ вложилъ мечъ «у пошвы» (l. c. *fourreau*), вскочилъ на коня, словно не былъ раненъ. Ленвизъ ѣдетъ за нимъ, напередъ объявивъ имя своего защитника. «А было первей слышано Трыщанова рыцѣрство у лондрешскомъ королевствѣ у крала Артиушовомъ дворѣ. И коли поведали королю Артиушу якъ Трыщан ѿпустилъ смерть Бланору збившы его, а ѿнъ не хотелъ ему дати мечъ, рекъ король: То есть наибольшаа рыцѣрская штука (l. c. *une des plus grandes franchises*), чого есми-нигдѣ не виделъ, и весь свѣтъ ѿ томъ эго хочуть пофалити, и не може быти, абы не прышолъ к великой славе, коли ѿнъ в тыхъ лѣтахъ, будучы молодъ, а умѣлъ показати такую доброту».

Polidori, стр. 96—111: Храбрость Тристана наводитъ на Марка страхъ: собравъ своихъ бароновъ, онъ въ присутствіи всѣхъ превозноситъ племянника и проситъ его поѣхать въ Ирландію и достать Изотту хитростью или силой. Тристанъ беретъ съ собою 60 юношей; буря; черезъ семь дней они пристають къ *reame de Longres*, у города *Cammellotto*. Самъ Тристанъ велитъ вывѣсити щиты на шатрахъ, чтобы вызвать поединщиковъ; приѣзжаютъ *Lionello* и *Agravano*; старый корнуальскій рыцарь,

¹⁾ Бой Тристана съ Бланоромъ вообще разсказанъ сходно съ французскимъ текстомъ, но сходство не столь дословное, какъ въ другихъ эпизодахъ романа.

пытавшійся удержать Тристана отъ боя, слышитъ отъ него упрекъ корнуальской трусости¹⁾. Поединокъ разсказанъ коротко (нѣтъ подробностей, отвѣчающихъ эпизоду объ Ящорѣ); причина обвиненія Languis'a разсказана дважды, сначала авторомъ, потомъ отъ лица обвиняемаго; рыцарь, вызвавшій короля, названъ Brunoro lo Vermiglio²⁾. Дѣвушка съ символическимъ щитомъ направлялась къ Артуру, Жиневрѣ и Ланцелоту, которыхъ не нашла, ибо они уѣхали nello reame di Gaules a mostrare doglienza dello re Pellinoro, che è stato morto. Толкованіе эмблемы имѣетъ въ виду другія лица: рыцаря болѣе храбраго и вѣрнаго въ любви, чѣмъ Ланцелотъ, даму болѣе прекрасную, чѣмъ Жиневра; обращаясь къ одному изъ своихъ источниковъ, извѣстной намъ книгѣ di messer Vago o vero Gaddo de' Lanfranchi di Pisa, авторъ объясняетъ, что это — Тристанъ и Изотта. Короли-судьи: Agalone и Allielle. Breus носитъ кличку Sanza Pietà, il Disamorato (сл. русск. «по милости»). Послѣ сцены вызова Брунора поединокъ отложенъ на три дни; Брунора сопровождаютъ Astore di Mare, Lionello, Bordo, ободряетъ Briobris. Сраженный Тристаномъ Бруноръ прямо признаетъ себя побѣжденнымъ; короли-судьи пишутъ Артуру пространное письмо объ исходѣ поединка.

8. Вернувшись съ побѣдой къ своей «дружинѣ» и полѣчившись отъ ранъ, Тристанъ напоминаетъ Ленвизу обѣщаніе исполнить его просьбу и проситъ руки Ижоты для Марка. Ирландцы съ корновальцами смѣнили вражду на дружбу, веселятся; «Трыщан всю тую ноч працювал, а король мало спалъ; и назавтрее король позвалъ одного мудрого чоловѣка и поведал ему сонъ свой, што видѣлъ». Содержаніе сна не сообщается; мудрый чоловѣкъ отсвѣтываетъ королю отдавать дочь за Марка, ибо это грозитъ ей бѣдою, но тотъ рѣшился сдержать данное слово. Слѣдуетъ возвращеніе всѣхъ въ Ирландію и снаряженіе въ путь Изотты.

¹⁾ На этотъ эпизодъ намекаетъ позднѣе и русскій текстъ; сл. § 8.

²⁾ Въ нашемъ текстѣ § 8, въ сценѣ подъ яблонею и слѣдующемъ за тѣмъ объясненіи Изотты съ Маркомъ, Бланоръ названъ «огненнымъ».

Во французскомъ романѣ распорядокъ другой: послѣ поединка Тристанъ напоминаетъ королю объ ихъ уговорѣ, который тотъ и подтверждаетъ. Затѣмъ всѣ возвращаются въ Ирландію, гдѣ ихъ принимаютъ съ восторгомъ. Король рассказываетъ о подвигѣ Тристана, который теперь въ большомъ почетѣ у ирландцевъ, чувствуетъ искушеніе добыть Изольду самому себѣ, но страшится нарушить обѣщаніе, данное дядѣ. Онъ требуетъ Изольду въ жены Марку, какъ даръ, заранѣе ему обѣщанный; король долго уговариваетъ его взять ее за себя, обѣщая вмѣстѣ и ирландское наслѣдье. Тристанъ остается твердъ. Послѣ того уже король видитъ сонъ: будто его дочь сидитъ въ чудесномъ дворцѣ, съ вѣнцомъ на головѣ, и всѣ предъ нею преклоняются, когда явился Тристанъ, сбросилъ съ Изольды вѣнецъ, раздѣлъ ее до гола «et la menoit hors du palais, et tout le peuple voyoit la desloyauté de Tristan et ne disoit mot. Mais touteffois emmenoit Yseult si honteuse et si dolente que nul ne la voyoit que il ne dist: Dieu, quel dommage de Yseult, et le roy Marc son oncle en appelloit Tristan traistre et desloyal» (f. XLI). За объясненіемъ видѣнія царь обращается а *ung preudhomme*.

Снаряжая Ижоту, мать ея отозвала Говорнара и Брагиню и вручила имъ «флашу сребреную полную питья» (l. c.: *vaisseau d'argent plain d'ung meueilleux boire*); они должны хранить его и дать напиться Марку и Ижотѣ, когда они «будутъ на постели»; они будутъ любиться до смерти; а остатокъ напитка пусть выльютъ, «бо если бы са хто иныи того пита напил, много бы са зла могло стати, иж са то именуетъ милостное пите (l. c. *le boire amoureuux*).

Для слѣдующей знаменитой сцены, какъ любовь внезапно охватила Тристана и Ижоту, я приведу *in extenso* соотвѣтствующій отрывокъ старопечатнаго романа¹⁾. И здѣсь отношенія нашего текста остаются тѣ же, какія мы могли наблюдать до сихъ поръ: онъ сходенъ, хотя не вездѣ тождественъ съ француз-

¹⁾ Сл. тотъ же эпизодъ по рукописи Британскаго музея у Estlander, *Pièces inédites du roman de Tristan*. Helsingfors. 1866, стр. 22—24.

скимъ, тогда какъ совпаденія съ Polidori ограничиваются частностями. Путники «напали парусы и пошли з великимъ весельемъ, Ижота пры Трыщане, и ни ѡдин не мыслилъ з нихъ ганебное рѣчы ни в чомъ, ѡдно правое доброе почтене. Идучи ѡни по мору, коли был третии день, Трыщан зъ Ижотою игралъ в шахы; была на Трыщане злотоглавоваа жупица и шата, а на Ижоте зеленого ѡксамиту саганъ, а было то лѣте и былъ великий зной. Рек Трыщан: Треба са намъ напйти. И Говорнар шолъ и принесъ кубокъ з оное флашы милостного питя, забывшы са, бо в коморе было много всаких судов, и далъ Трыщану, а другии далъ Ижоте». Какъ напились, «почали гледѣти ѡдинъ на другого и не мыслили ни ѡ комъ, толко ѡ себе. И сѣли ѡ-ко-бы злакшы са, Трыщан мыслилъ до Ижоты, а Ижота до него, а корола Марка запаметали. Трыщанъ рекъ: Дивую са, ѡткуль ми прышло то так прудко, а первей ми того не было?... Если ѡз милую Ижоту, то не дивно: ѡна есть намильшала речъ на свете, лѣпшое бых не могъ наити». У Ижоты являются такія же мысли. Когда Говорнаръ спохватился, что онъ сдѣлалъ, «ѡн са злакъ и сталъ ѡ-къ забывшы са и почалъ собѣ смерти жедати, иж Трыщанъ милует Ижоту, а Ижота его». Онъ передаетъ свои опасенія Брагинѣ, и оба смущены. «А Трыщан и Ижота терпети не могли; рекъ Трыщанъ Ижоте: Иѧ тебе милую из сердца. ѡна ѡ том была велми весела и рекла Трыщану: Иѧ не милую ни ѡдноє рѣчы на свѣте ѡ-къ тебе, а ни дан Богъ поки буду жыва. Видечы то ижъ ест Ижота с нимъ ѡдноє мысли, не ѡткладаючи далєи того, шли у комору и спольнили свою волю; ѡттоле на вѣки не ѡтменила са их милость и ѡт тоє милости мѣли великие працы. И нѣтъ того рыцѣра, который бы подналъ толко муки для милости, колко Трыщанъ». Говорить Говорнаръ Брагинѣ: «Што ти са ѡ том видит? Види ми са, што Трыщан узал паненство Ижоте, ѡз есми их видель уместе. ѡна рекла Говорнару: Мы есмо погигли, коли ее найдеть король Марко не в паненствѣ, ѡн мусить погубити всих насъ». Говорнаръ беретса помочь дѣлу. «А ѡ том Трыщанъ и Ижота не знали ничого, што ѡни то вѣдают, и не

мыслил Трыщан ничего, толко ѿ Ижоте; а Ижота ѿ Трыщане... И такъ вросла ихъ милость, ижъ не знали какъ-бы са въздержали ѿдин ѿтъ другого».

Предлагаемъ параллельныя мѣста французскаго романа.

(f. XLI) A tant se departent Tristan et sa compaignie, si se mettent en mer et s'en vont a grant ioye. Troys iours eurent bon vent et au quart se iouait Tristan et Yseult aux eschetz et faisoit si grant chault que trop eust Tristan soif. Si demande le vin a Gouuernail et a Brangien; ilz vont pour le apporter. Si trouuent le boire amoureux entre les autres vaisseaux d'argent dont il y auoit grant plante, par quoy ilz en furent deceuz, car ilz ne s'en prenoient garde. Brangien print la coupee doree et Gouuernail verse du boire en la coupee, qui cler estoit comme vin, et vin estoit ce voirement, mais il y auoit avecques autres choses meslees. Tristan beut toute plaine la coupee et puis commande que on en donne a Yseult, et on luy donne, et Yseult boyt. Haa Dieu, or sont en tribulation que iamais ne leur fauldra iour de vie, car ilz ont beu leur destruction et leur mort. Ce boire leur a semble bien doulx, mais oncques doulceur ne fut si chèrement achaptee comme ceste sera. Leurs cueurs leur changent et leurs viaires. Si tost comme (f. XLII) ilz eurent beu, l'ung regarde l'autre tout esbahy, car or pensent autre chose qu'ilz ne faisoient deuant. Tristan pense a Yseult et elle a Tristan et oublie le roy Marc. Tristan ne pense fors auoir l'amour Yseult et Yseult ne pense que auoir l'amour Tristan. A ce se accordent leurs courages qu'ilz se aymerent toutes leurs vies, et se Tristan l'ayme, ce veult elle, car a plus bel ne a meilleur ne pourroit mieulx s'amour auoir assise. Et se Yseult aime Tristan, se veult il, car en plus belle ne pourroit auoir mys son cuer: il est tres beau et elle tres belle, il est gentil homme, et elle est extraicte de hault lignaige. Bien se peuvent concorder ensemble par beaulte et par lignaige. Or quiere le roy Marc une autre royne, car ceste veult auoir Tristan et Tristan elle. Tant s'entre-regarderent que chascun sent la voulente l'ung de l'autre. Tri-

stan scait bien que Yseult l'ayme de tout son cueur, et Yseult scait bien que Tristan ne la hait pas, molt est ioyeuse de ceste aenture et il est tant ioyeulx qu'il dist qu'il est le plus bieneure chevalier, qui oncques fust quant il est ayme de la plus belle damoyselle qui soit au monde. Quant ilz eurent beu le boire amoureux, Gouuernail qui recongneut le vaissel, fut tout esbahy, si est si dolent qu'il vouldroit estre mort, car or scait il bien qu'ilz en seront en coulpe luy et Brangien. Lors appelle Brangien et luy dist qu'ilz ont este deceuz par malle congnoissance. Comment? faict Brangien. Par ma foy nous auons donne a boire a Tristan et a Yseult du boire amoureux, si convient a force qu'ilz s'entreament. Lors luy monstre le vaissel. Et quant Brangien voit que c'est verite, si dist: Mal auez exploicte, de ceste chose ne peult venir si non mal. Or nous souffrons, dist Gouuernail, si verrons a quelle fin ceste chose viendra. Brangien et Gouuernail sont en tristesse, mais ceulx qui ont beu orendroit le boire amoureux sont en lyesse. Tristan regarde Yseult si durement qu'il ne desire fors qu'elle, et Yseult ne desire fors que Tristan. Tristan luy descouure son couraige et luy dist qu'il l'ayme plus que riens, et Yseult luy redit, que aussi fait elle. Que vous diray ie? Tristan voit que Yseult accorde a sa voulente faire et ilz sont touz deux seul a seul, qu'ilz n'ont nul destourbier ne paour ne d'ung ne d'autre. Il fait d'elle ce qu'il veult et luy tolle le nom de pucelle. En tel lieu comme ie vous compte cheut Tristant en l'amour de Yseult, si que oncques puis nul iour ne s'en departist ne autre n'ayma ne autre ne congneut. Et par ce boire qu'il beut eust il puis tant de trauail et peines, que puis ne deuant ne fut cheualier qui tant souffrist de pouretez pour amour de femme comme Tristan fist pour l'amour d'elle. Gouuernail parle Brangien et luy demande qu'il luy semble de Tristan et de Yseult, et il luy dist qu'il luy sembloyt qu'ilz eussent en affaire ensemble et que Tristan a Yseult depucelee sans doubte, ie les veiz gesir ensemble. Le roy Marc le honnira quant il ne la trouuera telle comme elle deust estre, il se (le?) fera

destruire et nous (vous?) avec qui la deussiez garder. Or ne vous esmayez, dist Gouuernail, puis que ainsi est, je vous en cheuiray bien, laissez m'en convenir, car sachez que ie feray tant que ia n'en serons blasmez. Dieu le vueille, dist Brangien».

Буря заноситъ Тристана къ одному изъ Дольнихъ острововъ (les Loingtaines Ysles), «а пан ихъ ест Галиот прынчыпъ, а то была его отчызна, иные земли и панства побрал своею добротю; а тогда был Андолот в одной земли, которая са зоветъ Сорен-лоисъ» (f. XLII: et en estoit sire Galehaut le filz a la belle Geande, mais il n'estoit a l'heure en ce pays et estoit au royaume de Soreloys avecques mon seigneur Lancelot du Lac). Узнавъ отъ морнаровъ (l. c. mariniers), что городъ на томъ островѣ — Плачевный (далѣе Плачный) городъ (l. c. le chasteau de Plour), Тристанъ не желалъ бы пристаать къ нему, ибо знаетъ его злой обычай (l. c. mauuaises coustumes). Въ это время подошли къ берегу шесть вооруженныхъ человекъ, объявляютъ приѣзжихъ своими плѣнниками и велятъ идти въ городъ. Тристанъ совѣтуется съ дружиной, спрашиваетъ Изотту: что дѣлать, уступить или защищаться? Дѣлай, какъ хочешь, — отвѣчаетъ она, и Тристанъ рѣшается на первое. Ихъ привели въ домъ съ множествомъ «коморокъ» (l. c. a ung trop beau pre entre deux tours et si y auoit de molt belles chambres), обведенный твердою стѣной, гдѣ уже были другіе плѣнники. Всѣ печальны; на другой день Тристанъ узнаетъ отъ одного изъ пришедшихъ къ нимъ шести рыцарей, что изъ этой темницы никто не выходитъ, провожая «в слезахъ вси дни свои, и для того са зоветъ Плачный город.... але коли бы нашол са витезь велми высокого сердца и рыцарства (l. c. de tres haulte proesse et qu'il fust bon cheualier oultre mesure), а пани крашей наше пание, а приехали бы оба посполе, то бы были нам господамы, а тые бы мусили померети, которым мы служыли». Тристанъ обрадованъ этою вѣстью, вызывается выдержать испытаніе; рыцарь идетъ оповѣстить объ этомъ властителя острова, а авторъ объясняетъ намъ, почему тотъ городъ названъ былъ Плачный: «бо поставленъ злыми за-

коны в тые лета, коли Иосифъ пошел у великие крайны (en la grant Bretagne, f. XLIII) прыказанем Господа нашего Иисуса Христа и обратил был множество люду на хрестанскую вѣру. А коли слышалъ, иж тые Долние островы полны людства, Иосифъ послал там набожныхъ людей (во фр. текстъ идетъ самъ Иосифъ) обратити къ богу народ, и обратили вси тые островы крома одного острова, который са зоветъ Орашы (isle au Geant). И тамъ мало было иныхъ людей, толко орашы (ib. pource qu'il n'y habitoit sinon geans), а пац ихъ былъ орашецъ, и мѣл дванадцать сынов, и вси были орашцы (ib. geans). Коли хрестане прышли в тот остров, тогда был государь тому острову именемъ Давлитесь (l. c. Dyaletthes), и былъ нѣкакъ ранен от медведа дикого (l. c. une beste sauvage) и тутъ откинул са от Иосифа крещениа». — Французскій романъ до-сказываетъ пропуски русскаго: Dyaletthes, раздосадованный проповѣдью Иосифа, обратившаго въ христіанство его сыновей, предаетъ смерти и ихъ, и всѣхъ его послѣдователей; на костяхъ христіанъ построень этотъ замокъ и введенъ злой обычай: что всякій пріѣзжій рыцарь обязанъ биться съ хозяиномъ замка и, коли побѣдитъ его, отрубить ему голову, водвориться на его мѣстѣ и то же дѣлать относительно всякаго новаго пришельца; если явится дама и захочетъ вступить въ состязаніе въ красотѣ съ женою властителя и окажется красивѣе ея, исходъ тотъ же; не желающіе состязаться на вѣкъ осуждены томиться въ заключеніи. — Когда Brunor le pere Gallehault прибылъ изъ Ирландіи и завоевалъ этотъ островъ, «trouva leant une geande la plus belle dame du monde qui n'auoit pas plus de douze ans. Il geut avec la dame et l'engendra (то-есть, Gallehault), qui toutes terres conquist et mist en sa subgection. Celluy s'en partit du chasteau de Plour, car il n'y voulut oncques demourer quant il vit qu'il luy conuiendroit maintenir les mauuaises coustumes apres la mort de son pere et demourer illec toute sa vie en seruaige. Si luy aduint si bien qu'il fut loue et prise sur tous princes apres le roy Artus». (f. XLIII).

Когда рыцарь донесъ Брунору о корновальскихъ витязѣ и дамѣ, желающихъ состязаться съ нимъ и его женою, онъ велитъ позвать «тыхъ, которые мають судити и смотрѣти». Тристана выпустили, своего имени онъ не говоритъ, красота Изотты возбуждаетъ общее удивленіе — и сожалѣніе объ участи, предстоящей хозяйкѣ острова. Явившись къ мѣсту поединка, Бруноръ и его жена, при видѣ Изотты, смущены, судьи съ великимъ плачемъ объявляютъ ее побѣдительницей въ красотѣ, предупреждая, что ей можетъ предстоять та же участь, если явится красивѣйшая ея. Въ слѣдующемъ за тѣмъ поединкѣ Бруноръ сраженъ, но не хочетъ отдать Тристану свой мечъ — ни сказать: «Побит есми. Рекъ Бруноръ: То быхъ былъ злыми чоловѣкъ, коли быхъ рекъ то своимъ языкомъ, што-бъ было з моею легкостю; не дай того богъ до моее смерти, которая естъ близко мене (f. XLIV: *a oultre ie ne me tenrois pour rien, car si ie disoye que ie fusse oultre, ie mentiroye. Celluy est oultre, qui par sa mauuaistie dit chose qui a honte luy tourne, mais celluy qui iusques a la mort se combat et qui en mourant garde son honneur, celluy est cheualier et doist estre tenu pour preudhomme, et en telle maniere ie mourray, car i'ay tant souffert contre toy, qui es le meilleur cheualier que ie trouuasse, que ie sens la mort au cuer*). Рекъ Трыщанъ: Чуеш ли са на томъ, што можешъ живъ быти? Рекъ Бруноръ: Твои ми мечъ ни одного продлуженія не далъ, вжѣ естъ конецъ близко; если ми не верышъ, теперъ же самъ узрыш. И то рекшы пустилъ душу». По требованію обычая, Тристанъ еще обязанъ отрубить голову «Бруноровицѣ»; онъ дѣлаетъ это съ отвращеніемъ, но ему говорятъ: «Не тобѣ то ганба, але тымъ, которые тотъ законъ учинили». Тристанъ съ Изотою вступаютъ во владѣніе островомъ, законъ котораго клянутся блюсти впредь¹⁾. Между тѣмъ сестра Галиота (Delice), опечаленная смертію отца и матери, положила ихъ головы (l. c. *le corps de son pere et le*

¹⁾ Во французскомъ романѣ Тристану объявляютъ, что по закону онъ не можетъ выходить изъ замка, гдѣ его помѣстили, развѣ для боя съ пріѣзжимъ рыцаремъ.

chef de sa mere) въ одну «судину» (l. c. nef.) и отправляется искать брата. — Слѣдуетъ во французскомъ романѣ длинный эпизодъ (f. XLV), опущенный русскимъ: о плѣнѣ Ланцелота у Морганы, которая его ненавидитъ за любовь къ нему Жиневры. Фея плѣнитъ его, подмѣниваетъ его кольцо, полученное имъ отъ Жиневры, другимъ, а то отсылаетъ къ Артуру какъ обличеніе преступной связи его жены съ Ланцелотомъ: послѣдній будто бы умеръ и на смертномъ одрѣ во всемъ сознался. Разсказъ посланной не вызвалъ довѣрія; рыцари сомнѣваются въ его правдивости и отправляются на поиски за Ланцелотомъ; въ числѣ ихъ Galehaut — Галиотъ, съ которымъ и встрѣчается его сестра.

Здѣсь снова примыкаетъ русская повѣсть: встрѣтивъ Галиота, сестра говоритъ ему о бѣдѣ, постигшей ихъ семью отъ руки Тристана. Галиотъ знаетъ, что вина не Тристана, а тѣхъ «злыхъ законовъ» (l. c. mauvaise coustume), но обѣщаетъ отмстить. Пока они поѣдутъ въ Сореилоисъ (l. c. Soreloys), гдѣ похоронять тѣла отца и матери. Прибывъ «къ оному граду, у которомъ былъ король из Стома витези», (французскій романъ: оный градъ — chasteau l'enchanteur, гдѣ le roy des cent cheualiers... sejournoit pour une playe l. c.), Галиотъ разсказываетъ, какая «великая легкость и жалость» (l. c. il m'est durement mescheu) съ нимъ сталась, хочеть одинъ, съ однимъ рыцаремъ и двумя пахолками» (escuyers f. XLVI) отправиться на бой съ Тристаномъ, а королю велитъ пойти по морю съ восною силою (пять сотъ тысячъ воиска — l. c. cinq cens que cheualiers que sergens) подъ Плачнѣй городъ, «хочу сказити тые злые законы». Король напрасно старается отговорить его отъ опаснаго боя съ Тристаномъ¹⁾; похоронивъ головы отца и матери въ одномъ «квашторѣ», снаря-

¹⁾ Въ рѣчи короля оригиналъ (= французскій текстъ) не былъ понятъ. Король говоритъ: «вставъ тую битву с Трыщаномъ, а коли его найдешъ *ласкою*, *внѣ*, видевъ такую твою *жалость*, *внѣ* самъ приметъ на себе тую *помету*; а если *вы* два будете на поли, если *та* *внѣ* не преможе, сотни ми главу» — f. XLVI: *querons icelluy monseigneur Lancelot du Lac, car ie scay bien que si tost comme il scaura vostre coustume, il emprendra pour vous ceste bataille. Et s'il ne vous venge de Tristan, ie vueil que vous me destruisiez moy et mon lignaige*».

дившись и взявъ сброю «велии добрую и мѣчь, который был Анѣцолот дал», Галиотъ лишь угрозой смерти побуждаетъ «морнаровъ» (l. c. mariniers) отвезти его въ Плачный городъ, гдѣ тотчасъ же объявляетъ, что прѣхалъ биться, сдержатъ законъ страны. «А Трыщанъ был у вышнемъ замку (l. c. roche au Geant) со Ижотою и з Говорнаром и з Брагинею у великом веселю» (l. c. maine glorieuse vie). Тут Трыщанъ не вспоминалъ ничего, ѡдно Ижоту, а Ижота Трыщана, и тое имъ нецство было велии сладко и мешкали ꙗко-бы в бога (l. c. Yseult... ne demande autre soulas ne autre paradis ne Tristan aussi), а не поменули ѡ королю Марку а ни ѡ Корновали». Когда рыцарь приходитъ объявить ему о предстоящемъ поединкѣ, Тристанъ готовъ, думаетъ, что то прѣхалъ Ланцелотъ; Говорнару пришла та же мысль, и онъ отговариваетъ Тристана биться, но тотъ радъ «покуситься съ нимъ»; «для смерти не треба ся боати, вѣдаеш ты сам, мистре, иж мы завжды на томъ» (f. XLVI car a mourir auons nous tous). Онъ успокоиваетъ Ижоту¹⁾; ночью приходитъ вѣсть о нападеніи короля «над Сту витези», которые побии Тристановыхъ людей, «и мы перед ними не могли терпети и дали са есмо у их руки. И мы есмо, пане, у их руках, и ѡни сут из Корѣлона (выше: Сореллоисъ — f. XLVI Sorelois), люди Галиота прынчыпа».

Когда на слѣдующее утро на мѣстѣ поединка Тристанъ узнаетъ отъ Галиота, съ кѣмъ онъ будетъ биться, онъ воздаетъ хвалу Богу, что его противникомъ будетъ «наболшыи витезь ѡт света», «цвѣт добротам и храбрѣством (f. XLVII: la fleur de toute cheualerie), паном пан»²⁾. Въ битвѣ оба сознають обоюдную силу; «они са оба силили указуючы ѡдин другому свое витезь-

¹⁾ «И в том страху стояли, а Галиот ѡ томъ ничего не вѣдал» — f. XLVI: et s'ilz sceussent que ce fust Gallehault, ils demenassent ioye.

²⁾ Къ переводу: Тристанъ радъ, что съ нимъ будетъ биться Галиотъ, «могучи поставити сто тисеч войска на поли збронныхъ зъ сулицами. Коней тыхъ рычей пустилъ съ ѡдинъ къ другому. Сл. f. XLVII: bien pert que il a bon cueur quant luy qui a plus de cent mille hommes dessoubz luy ne daigne mettre contre moy fors que son corps. A tant laissent courre l'ung vers l'autre.

ство, а Ижота конца глѣдѣла того, кого миловала болшѣ, ніж сама себе; коли онъ принималъ таковыя ударцы, она была блѣда и дала-б весь светъ, абы онъ былъ здоровъ и простъ отъ тое битвы; коли Галиотъ билъ Трыщана, тогды онъ на коленяхъ падалъ, а Ижота принимала ударцы въ сэрце свое и была блѣда, якъ папуга, а коли Трыщанъ Галиота билъ и поле ему бралъ, а Ижота была велми весела и румана»¹⁾. — Галиотъ начинаетъ изнемогать, когда показывается король надъ Сту витезями. Увидѣвъ его, Галиотъ кричитъ Тристану: ты погибъ, теперь я отомщу тебѣ за отца и мать. Тристанъ не вѣритъ, чтобы его противникъ прибѣгнулъ противъ него къ чужой помощи, говоритъ, что невиновенъ въ смерти его родныхъ; «а даю ти сюю битву за добытую, и пусти ма з моею дружиною свободне. Зле-мъ вчинишь, иже-мъ добыи меча противъ тебе, напротивъ болшого пана и наболшого витеза, а то богъ вѣ, же того не мовлю для страху абыхъ са богаи смерти. И прыступилъ, далъ ему мечъ». Галиотъ не только прощаетъ ему свой гнѣвъ, но и принимаетъ въ пріязнь: ты «витезъ еси болшыи, нижили я, и нѣтъ тобѣ друга на свете», говоритъ онъ и останавливаетъ нападеніе короля надъ Сту витезями, которому превозноситъ храбрость Тристана: вотъ еслибъ имѣть его съ собою вмѣстѣ съ Ланцелотомъ! — Всѣ отправляются въ замокъ Урашъ, гдѣ Галиотъ и Тристанъ лѣчатся отъ ранъ, тогда какъ люди короля надъ Сту витезями²⁾ бьются съ жителями острова, искореняя законъ, который тѣ защищали. Отпуская Тристана, Галиотъ выражаетъ ему желаніе видѣть его у себя: пусть отвезетъ

¹⁾ l. c. Yseult n'est pas ayse, car elle voit souvent que Galehaut surmonte Tristan. Le cuer luy fault et tous les membres et pert bien qu'elle ayme Tristan. Quand elle voit que Galehaut fiert sur Tristan, elle tremble tout de paour. Mais au dernier elle se rassure, car elle vit que Galehaut en auoit le pire. См. f. L (битва Тристана съ Паламедомъ): Quand elle (то-есть, Yseult) voit Palamedes ferir sur Tristan, si luy est bien aduis qu'elle reçoive les coups.

²⁾ Въ текстѣ, очевидно, по ошибкѣ, король названъ Артіушемъ. Выше (стр. 159) въ описаніи перваго турнира въ Ирландіи, мы удалили такую же ошибку, объяснивъ ее пропускомъ: «король Іанишъ изъ Локви, а другіи король Артнушъ з Лояндреша, [а третій король], которые мѣдъ въ себѣ сто рыцѣров».

невѣсту дядѣ, а затѣмъ приѣдетъ къ нему «у королевство сире-лоиское» (f. XLVII: en la grant Bretagne), «а ꙗ ти обещаю са-мѣкъ-вitezь, бо есми не король, тыѣ панства и земли мое, што есми забрал, Анцолоту и тобѣ, абыхъ мѣлъ з вами двема товарыш-ство, а вы со мною; ꙗ быхъ большого богатества не хотелъ». Тристанъ обѣщается и сильно опечаленъ, когда вскорѣ послѣ того ему принесли вѣсть о смерти Галиота. Пока Галиотъ пи-шетъ королевѣ Веливерѣ (Genievre) письмо, въ которомъ сооб-щаетъ ей о «попсованьи злыхъ законовъ» и о храбрости Ланце-лота и Тристана; кто изъ нихъ большій рыцарь — онъ не знаетъ (f. XLVII: que en ce monde ne auoit que deux cheualiers et deux dames: Lancelot et Tristan, la royne Genieure et Yseult). «Коли Веливера тот лист прочла, было еи велми вѣчно и рекла: Мило бы ми видет панну Ижоту и пана Трыщана у дворе. Не чут было ѿ Анцолоте правдивое вести, иж в тотъ часъ былъ ѿнѣ з ума ступил, а такъ былъ два года, а то было тогды, коли Ми-лиенецъ короля Бана и Бендемагуль прыехали у двор короля Артиуша и добыл королевую Веливеру въ опецъ Кенишевой столника и повел ее у Лондрешъ». Сл. f. XLVII: a ce point estoit Lancelot du Lac hors du sens et cē fust deux ans deuant que Meleagant emmenast la royne Genievre quant il la conquist contre Keux le seneschal, et puis alla Lancelot apres et la conquist et la ramena ¹⁾).

Во французскомъ романѣ Тристанъ привозитъ Изольду въ Корнуаль, и Маркъ втайнѣ не радъ его приѣзду, котораго никакъ не ожидалъ. Въ русскомъ текстѣ всѣ въ радости и веселіи; на-ступаетъ брачная ночь, Ижота смущена, проситъ Брагиню за-нять ея мѣсто на ложѣ²⁾. Въ брачный покой являются, кромѣ молодыхъ, Говорнаръ и Брагиня, Трыщанъ тушитъ свѣчи: та-ковъ обычай въ Ирландіи, объясняетъ онъ королю: «коли хочет

¹⁾ Аллюзія на увозъ Жиневры, ѣхавшей въ сопровожденіи Кеу, Meleagant'омъ (сл. Chrestien de Troyes, Conte de la Charete).

²⁾ Во французскомъ текстѣ самъ Тристанъ проситъ Gouvernail'я и Brangien помочь дѣлу, а Gouvernail указываетъ Brangien, какъ поступить.

великий панъ на першую ночь лечы с панною, свѣчы угашаютъ, абы са панна не стыдила. И мене мати ее заклела и ꙗ са еи такъ «обещалъ». Въ это время Брагиня заняла мѣсто Ижоты, которая смѣняетъ ее позже. На другое утро Марко благодарить Тристана, «казал привести всакие гудбы и дуды и бубны, трубы, шахи, варцабы, лютни, арганы... Видечы панны такое веселье, танцовали горотинский танец за доброт пану Трыщану»¹⁾. Онъ смотритъ на Ижоту, она на него, и кромѣ Говорнара и Брагини никто не зналъ, что между ними было²⁾.

Однажды приходитъ къ Марку витезъ, доносить ему, что «милуетъ Трыцан Ижоту телеснымъ учынкомъ», и что они общались другъ другу сойдтись «у первую сторожу ночи у городец за сѣнми». Марко, желая о томъ довѣдаться, уѣзжаетъ, велѣвъ Тристану остаться, но тотчасъ же вернулся, «ушол у городецъ и възлѣзъ на габлонь. А тогды была ночь месечна и для того не могъ скрыти тенью своего». Тристанъ видитъ ее, даетъ понять Ижотѣ; ставъ передъ нею на колѣни, онъ проситъ ее отвести отъ него гнѣвъ короля Марка, которому донесли будто бы онъ, Тристанъ, любитъ Изоту; онъ хочетъ удалиться, «мышлю поити по мору и по суху». Изота отвѣчаетъ ему въ томъ же стилѣ и общается убѣдить Марка въ несправедливости навѣта. Они расходятся, Маркъ успокоился, увѣренъ, что на племянника наклепалъ ему рыцарь, оскорбленный Тристаномъ, когда хотѣлъ воздержать его отъ поединка съ Ящоромъ и Марганоромъ³⁾. На

¹⁾ Во французскомъ текстѣ нѣтъ описанія празднествъ.

²⁾ Слѣдующихъ далѣе эпизодовъ: о свиданіи Тристана и Изольды подъ деревомъ и о снѣ Марка нѣтъ во французскомъ текстѣ, прямо переходящемъ къ разсказу, какъ Изотта задумала извести Брагиню. Сл. эпизодъ подъ деревомъ въ версіи Bégoul'я (Franc. Michel, *Tristan*, t. I, стр. 3 и слѣд.), у Eilhardt'a v. 3331—3764; въ отрывкахъ Томаса (Fr. Michel, l. c., t. II, стр. 126, v. 775 и слѣд.), въ *Tristamsaga's* c. LIV—V (стр. 68, 20—70, 4), *Sir Tristram* v. 2014—2167 и у Готфрида Страсбургскаго v. 14224—15051.

³⁾ Сл. выше стр. 170. Въ слѣдующемъ далѣе краткомъ упоминаніи эпизода о сватовствѣ есть новыя подробности противъ предыдущаго разсказа: Тристанъ присталъ «под замокъ Дамолоть в лонъдрышскомъ королевствѣ въ держанью короля Демагула (?)», когда въ Дамалотѣ (Camalot) царитъ Артіушъ. Городъ Лявиза названъ Біанъ.

другой день Изота объясняется съ мужемъ, но тотъ говоритъ, что навѣтамъ на Тристана не вѣрять и рассказываетъ ей свой сонъ: «Было одно панство велми хороше, и на немъ была выросла одна рожка велми пекна, а на ней были цвѣты велми красны; и говорили витези: То будет панство доброе для тое красное рожы. И говорилъ пан того панства: Панство мое, але рожка не моя; хтоколвек ѡзмет цвѣтъ ѡт рожы, будетъ ему рожка. И многіе рыцѣры прыеждчали у тое панство, и каждыи рыцѣръ хотѣлъ того цвѣта ѡт тое рожы, и ниhto не могъ взати цвѣта ѡт рожы; и прышолъ ѡдин витезь и простер руку к той рожы и ѡтналъ ѡдин цвѣтъ ѡт рожы. И рекли ѡныи витези: То ест диво, гакъ долго не могъ ниhto ѡтнати цвѣта ѡт тое рожы, а сесь рыцѣръ скоро прышол и взалъ цвѣтъ ее. А тот витезь был велми весель ѡ той рожы, а коли еще большеи хотѣлъ цвѣтов, тогды не могъ большъ уфатити. И в тот час прочутилъ са есми ѡт сна. Ижота рекла: Пане, мнѣ са видит, которыи витезь взалъ цвѣтъ ѡт тое рожы, его будетъ и рожка». Между тѣмъ у нея явилось подозрѣніе, не съ умысломъ ли рассказалъ ей свой сонъ король Маркъ и не проговорила ли ему Брагиня? Она хочеть извести ее: когда Тристанъ былъ въ отъѣздѣ, посылаетъ ее въ лѣсъ собрать зелій для ранъ, а двумъ хлопамъ, ее сопровождавшимъ, велить убить ее. Когда пріѣхали они «вчыстые дубровы», хлопы раздумались: «Таа панна много послужыла пану Трыщану у граде Бисну у Орлендѣи, ѡна ест мудра и хитра; споведаймо мы то ей, чого для поехали есмо, может-ли то ѡна вчинити, гакъ быхмо были просты ѡт карности и ѡна ѡт смерти?» Они открываються ей, а она велить привязать себя къ одному дереву на распутіи: тамъ всегда много лютыхъ зверей, пусть они разорвуть ее; «а для того рекла, иж мало того, штобы не былъ витезь пры том дереву». Хлопы поступаютъ по ея приказанію; въ это время проѣзжаетъ «красный Паламидежь Ануплитичъ», узнаетъ Брагиню; вѣрно Тристана нѣтъ въ живыхъ, что такая участь ее постигла, говоритъ онъ; она просить отвязать ее отъ дерева и объясняетъ иносказательно, чѣмъ она проступилась

передъ Изотой: «пошла есми зъ своею госпожею з ѿднаго королевства у другое, она понесла свои ѿдинъ цвѣтъ, а ѿ мои други цвѣтъ, и ходили есмо морем и сухом; идучы по мору пани мои утопила свои цвѣтъ, а ѿ свои не втопила, и она поставила мои цвѣтъ, гдѣ бы мѣло быти цвѣту ее мѣсто, и за то ми са тое зло стало». Паламидежъ просить ее послужить ему, какъ она служила Тристану; они ѣдутъ въ Корноваль, гдѣ останавливаются на «господѣ» рыцарской; Паламидежъ не велить пока сказывать своего имени и очень обрадованъ, когда узналъ, что Тристана нѣтъ дома. Три прохожія дѣвушки говорятъ между собою, что Маркъ велѣлъ всѣмъ рыцарямъ и дѣвушкамъ собраться во дворецъ. Это онъ обо мнѣ будетъ спрашивать, говоритъ Брагиня и указываетъ Паламидежу часъ и время, когда идти ко двору. Маркъ объявляетъ: «Хто бы могъ вѣдати ꙗкою смертию згибла дѣвка Брагина, ѿ быхъ его даровалъ велмы много, а хто-бы ее сповѣдалъ живую, за што бы его рука сагнула, то бы са ему не заборонило». Паламидежъ играетъ съ королемъ въ шахматы на условіи: «которые з насъ выиграет, по што са его рука хватит, нехай собѣ ѡзмет». Паламидежъ выигралъ, напоминаетъ королю о его обѣщаніяхъ; когда онъ подтвердилъ ихъ, Паламидежъ велить привести Брагиню, а себѣ просить въ даръ Ижоту. Маркъ велить ей снаряжаться, чтобъ ѣхать съ Паламидежемъ; она одѣвается тихо, поджидая Тристана. Паламидежу она говоритъ: «Витезю, коли мене мои грѣхи дали за короля Марка корновальскаго, ѿн велелъ мене тобѣ дати, ты самъ ведаешъ, што еси служылъ у моего ѡтца тры годы дла мене, не могъ еси мене выслужити, але коли ма еси досталъ такъ борздо у короля Марка, подмо увѣщную цѣрков и кленим са богом, абы не ѡставилъ ѿдинъ другого до смерти». Изота входитъ въ церковь первая, «а были въ той цѣркви реманные лѣствицы долов спущены, Ижота полѣзла по тыхъ лѣствицахъ до ѡкна верхняго, и коли была у ѡкне, узволокла лѣстницу къ себе». Когда вошелъ Паламидежъ и просить ее сойдти, она совѣтуетъ ему удалиться, чтобъ не застали его рыцари Марка, «которые поехали у ловы». Паламидежъ не

хочетъ объ этомъ слышать, а Ижота уже завидѣла Тристана; у него былъ обычай, куда бы ни ѣхалъ, всегда заѣзжать въ церковь. Снова говорить Изота Паламидежу: Поѣзжай съ богомъ, витязь на тебя ѣдетъ; нѣсколько разъ напоминаетъ она ему о томъ, а тотъ отвѣчаетъ: будь одинъ витязь, будь ихъ три, десять, я безъ тебя не уѣду. «Не три, не два, одинъ Трыщан едетъ», кричитъ Изота, и Паламидежъ пускается бѣжать; Тристанъ не поспѣлъ за нимъ на усталомъ конѣ, входитъ въ церковь, «видель цудную Ижоту и розгнѣвал са велми, а не хотѣлъ dla Паламидежа пытати, судно рек: Всадь, пани, на кона и едмо до корола Марка». Тутъ онъ узнаетъ, что самъ Маркъ отдалъ ее Паламидежу. «А по тыхъ речахъ поехал шт цѣркви пан Трыщанъ со Ижотою»....

Во французскомъ романѣ эпизодъ о Брагинѣ слѣдуетъ непосредственно за свадьбою Марка; Изольда просто боится, чтобы Brangien «ne la descouure» (f. XLVII). Иносказательный апологъ о цвѣткѣ¹⁾ рассказываетъ Brangien не Паламеду, а «хлопамъ», которые, привязавъ ее, уходятъ, послѣ чего Паламедъ является на крикъ Brangien. Способъ, какимъ онъ выманилъ Изольду у Марка, иной: Изольда крайне жалѣетъ о смерти Brangien, о которой ей донесли: «elle voudroit auoir donné tout ce qu'elle a au monde et elle ne fust point morte» (f. XLVIII). Однажды она проѣзжаетъ мимо кустовъ (broces l. c.), въ которыхъ спрятался Паламедъ, и горько плачетъ объ утратѣ Brangien; когда тотъ предлагаетъ ей привести къ ней послѣднюю, она говоритъ: «il n'est rien que ie ne vous donnasse pour auoir Brangien» (l. c.). Паламедъ ѣдетъ въ монастырь (abbaye), гдѣ пріютились Brangien, привозитъ его ко двору, а Маркъ заставляетъ Изольду

¹⁾ У Эйльгарта и въ той редакціи преданія, на которую намекаетъ Raimbaut d'Orange (у Sudre'a, l. c., стр. 546; сл. Muret, l. c., стр. 309) въ апологѣ Брангіены вмѣсто цвѣтка является сорочка: будто-бы мать Изольды дала ей и Брангіенѣ передъ отъѣздомъ по сорочкѣ, съ наказомъ дочери — надѣть ее въ первую брачную ночь; сорочка Изольды оказалась разорванной и испортой, и она попросила Брангіену ссудить ей свою.

исполнить обѣщаніе, данное рыцарю. «Don» состоитъ — въ самой Изольдѣ, которую огорченный царь и принужденъ уступить Паламеду. Тристанъ былъ въ то время на охотѣ; никто изъ рыцарей не рѣшается пуститься въ погоню за похитителемъ, кромѣ Lambegues, *perveu du roy Farien* (f. XLIX), пріѣхавшаго къ Изольдѣ лѣчиться отъ ранъ; Паламедъ сбрасываетъ его съ коня, но пока бьется съ нимъ, Изольда бѣжитъ, хочетъ утопиться; проезжій рыцарь везетъ ее къ одной башнѣ, гдѣ она будетъ въ безопасности, а самъ ѣдетъ предупредить Тристана. Узнавъ отъ рыцаря, что Изольда спрятана, Паламедъ убиваетъ его и ѣдетъ къ башнѣ; Изольда кричитъ ему изъ окна: Пусть убирается, не то вернется Тристанъ и будетъ у него съ нимъ передѣлка. Вернувшись ко двору, Тристанъ узнаетъ объ увозѣ Изольды, вмѣстѣ съ Говерналемъ ѣдетъ слѣдомъ за похитителемъ, о которомъ узнаетъ отъ раненаго Lambegues, и бьется съ Паламедомъ подъ стѣнами замка, гдѣ скрылась Изольда. Она разнимаетъ ихъ, а Тристанъ возвращается съ нею къ Марку.

Пространному эпизоду, нами пересказанному, отвѣчаютъ у Polidori стр. 113—154. Сватовство Тристана, сонъ короля и его объясненіе, какъ во французскомъ текстѣ (на стр. 115—116 помѣщено, по извѣстной книгѣ *di messer Gaddo*, иносказательное толкованіе видѣнія). Любовный напитокъ хранится въ *uno piccolo bottaccino d'ariento* (сл. русскій текстъ). Лишнее: мать Изотты, Lotta, велитъ для себя устроить изображеніе дочери, на память о ней. На пятый день плаванія Тристанъ и Изотта играютъ въ шахматы (описанія костюма нѣтъ); относительно дѣйствія любовнаго напитка прибавлено: Идонія, собачка Изотты, подлизавшая вылитые остатки напитка, не только не покидала никогда Тристана и Изотту, но и околѣла на ихъ гробѣ, а Говерналь и Брандина, только ощутивъ его запахъ, никогда не измѣняли своей привязанности къ нимъ. Сцена между Тристаномъ и Изоттой на кораблѣ рассказана иначе, чѣмъ въ предыдущихъ текстахъ. Островъ названъ *della Malvagia Uanza* (var. *delli Gioganti*), *Castello del*

Proro (= Plogo)¹⁾; какъ во французскомъ романѣ рассказъ о происхожденіи злого обычая вложенъ въ уста одного рыцаря и представляетъ тѣ же подробности (Dialantes = Dialethes) съ нѣкоторыми отличіями: Brunoro lo Bruno, отецъ Galeotto, занесенъ былъ бурей на островъ, e combattè a messer Mago conte, nipote di Dialantes, che era a quel tempe sire di quest' isola, e a lui e a sua dama egli tagliò la testa; e appresso tagliò la testa a un altro cavaliere che ci arrivò, ch'era di Gaules, e sposò sua dama per la più bella che quella di messer Mago; ей имя Bagotta. Во время поединка Изотта молится; ея молитва (напечатанная какъ стихи) — воззваніе къ Иисусу Христу, дѣянія котораго пересказываются въ порядкѣ времени. Жители обязываютъ Тристана, въ силу обычая, не только отрубить голову Баготтѣ, но и жениться на Изоттѣ; онъ говоритъ, что она назначена въ жены другому; ты обязанъ былъ бы жениться на ней, еслибъ она была твоею дочерью, говорятъ они ему: «poi voi apresso siete savio: farete quello che ve ne piaceràe di fare». Дочь Брунора — Dalis; она встрѣчаетъ Galeotto около Castello delle Incantatrici (нѣтъ эпизода французскаго романа: о Ланцелотѣ въ плѣну у Морганы и т. п.); головы отца и матери они похоронили nella badia di Lanorio (вар. Lanerio). Бой Галеотто съ Тристаномъ представляетъ отличія: нѣтъ подробности, что Изотта «принимаетъ удары въ сердце»; отпуская Тристана, Галеотто не зазываетъ его къ себѣ; узнавъ, что онъ везетъ Изотту въ жены Марку, онъ говоритъ ему: E tanto vi dico, che se voi la menate, se in prima non sapete s'ella sente d'amore, io v' appello cavaliere Perdiventura; Артуру онъ пишетъ о всемъ, совершившемся на островѣ Гигантовъ, съ похвалами Тристану, что внушаетъ Ланцелоту желаніе

¹⁾ Сл. староиталианскій Conto de Bruno e di Galeoto suo fillio (сл. Conti di antichi cavalieri, ed. Pasquale Papa, въ Giorn. storico della letteratura italiana, fasc. 8, 1884, p. 216—217), вѣроятно, извлеченный изъ какого-нибудь текста романа о Тристанѣ: Castello de Plog. Какъ и въ русскомъ текстѣ, мать и сестра Галеотто не названы; отпуская Тристана, онъ беретъ съ него слово, что, отвезя Изотту, онъ вернется къ нему въ «Sorlois, perchè esso volea lui e Lan-celotto insieme avere».

познакомиться съ нимъ, отправившись въ Корнуаль. Возвращеніемъ Тристана Маркъ недоволенъ; слѣдуетъ спѣна брачной ночи. Нѣтъ ни эпизода съ яблоней, ни сновидѣнія Марка; онъ такъ часто бесѣдуетъ съ Брандиной о нравахъ и обычаяхъ Ирландіи, что у Изотты является подозрѣніе противъ нея, и она рѣшается ее погубить. Дальнѣйшее, какъ во французскомъ текстѣ; его Lambegues'у отвѣчаетъ Sagris, безыменному рыцарю — Guirlandot. Тристанъ отвозитъ Изотту къ мужу.

9. Въ послѣдней своей части русской текстъ романа, какъ уже было замѣчено нами, радикально расходится какъ съ французскимъ, такъ и съ рецензіей Полидори. Разница ощущается и въ планѣ, и въ подробностяхъ. Обыкновенно рассказывается, что, освободивъ Изотту отъ Паламидеса, Тристанъ везетъ ее къ Марку; слѣдуютъ тайныя свиданія любовниковъ, подозрѣнія и открытія Марка, удаленіе Тристана, изгнаніе его вмѣстѣ съ Изоттой и возвращеніе, все это переплетенное цѣлымъ рядомъ другихъ приключеній; наконецъ женитьба Тристана на второй Изоттѣ. Любовь къ первой съ этимъ не угасла, раненый смертельно Тристанъ умираетъ, вмѣстѣ съ нимъ и Изотта, жена Марка. Въ русской повѣсти порядокъ почти обратный: Тристанъ тотчасъ удаляется съ Изоттой, освобожденной отъ Паламидежа, и лишь въ самомъ концѣ романа возвращается съ нею къ мужу; о женитьбѣ на второй Изоттѣ ничего не сказано, а только о турнирѣ, ею созданномъ, на которомъ бьется и раненъ Тристанъ. Онъ проситъ Марка прислать къ нему жену, полечить его, что тотъ и дѣлаетъ. «И не вѣмъ, если с тых ран выздоровелъ, або такъ вмеръ. Потуль ѿ нем писано».

Чѣмъ вызванъ былъ такой распорядокъ содержанія, устранившій цѣлый рядъ популярнѣйшихъ и иногда поэтическихъ рассказовъ о тайныхъ свиданіяхъ Тристана съ Изольдой и о козняхъ Марка — можно бы объяснить особою постановкой эпизода о Паламидесѣ. Въ западныхъ текстахъ, разобранныхъ нами, сама Изотта, необдуманномъ обѣщаніемъ дара, вызвала свой увозъ, Маркъ принужденъ отпустить ее, но опечаленъ необходимостью;

въ этой постановкѣ легче представить себѣ ея непосредственное возвращеніе, чѣмъ въ планѣ русскаго разсказа, гдѣ самъ Маркъ проигралъ жену, хотя и незная того, и Изотта имѣетъ право сказать Тристану: «Не годитъ ми се ехати икъ королю, ижъ ме штал Паламидежу». Вслѣдствіе этого и ея возвращеніе къ мужу могло быть удалено; стоило только обратить въ дѣйствительность, что во французскомъ текстѣ явилось предположеніемъ. Сл. f. LI: освободивъ Изотту, Тристанъ говоритъ ей: *Dame, vous savez bien que nous ne pouons departir l'ung de l'autre; se le roy Marc le scait, il nous fera honnir, si conseilleye que nous nous en aillissions en l'hostel du roy Artus ou en autre lieu. La ne aurons nous garde de luy si userons nostre vie en ioye.* Но Изотта отвергаетъ этотъ планъ; въ русскомъ текстѣ онъ ей принадлежитъ и приводится въ исполненіе: они ѣдутъ къ Артуру, какъ предлагалъ Тристанъ во французскомъ романѣ, Тристанъ мѣряется храбростію съ Ланселотомъ, Изотта красотою съ Жиневрой. И это предусматрѣно въ романѣ f. L—LI: разнимая противниковъ, Тристана и Паламеда, Изотта велитъ послѣднему поѣхать ко двору Артура *et me saluez la royne Genieure de par moy et luy dictes qu'il n'y a au monde que deux cheualiers et deux dames, moy et elle, et son amy et le mien, et se le mien eust repaire en la grant Bretaigne, il fust bien autant prise d'armes comme le sien, et se nous estions ensemble elle et moy, ie feroye aux dames iuger de noz deux beaultez et des bontez de noz deux amys.*

Принадлежитъ ли такое измѣненіе плана сербскому (русскому) пересказчику, или его оригиналу — мы попытаемся отвѣтить на это далѣе; въ связи съ нимъ стоитъ распредѣленіе вины между дѣйствующими лицами: она тѣмъ сильнѣе на сторонѣ Марка, что вслѣдствіе перетасовки плана любовныя шашни Тристана и Изольды отпали сами собою и впечатлѣніе ихъ виновности не усиливается повтореніемъ ихъ тайныхъ свиданій и любовныхъ ухищреній. Вслѣдствіе этого ихъ любовь, во внѣшнемъ нравственномъ смыслѣ, является какъ будто чище, роковая страсть Тристана нераздѣльнѣе, ибо вторая Изотта ему не жена.

Такъ или иначе объяснить себѣ новый распорядокъ разсказа, вѣрно то, что онъ долженъ былъ повліять и на распредѣленіе повѣствовательнаго матеріала въ границахъ измѣнивагося плана. Почти всѣ эпизоды послѣдней части русской повѣсти находятся и въ ея источникѣ, но размѣщеніе другое и много смѣшеній.

Далѣе мы пересказываемъ содержаніе остальной части французскаго романа и версіи Polidori, останавливаясь подробнѣе лишь на эпизодахъ, важныхъ для нашего текста, которые отмѣчаемъ буквами въ виду слѣдующихъ сближеній.

Audret доноситъ Марку о связи Тристана съ Изольдой; Маркъ застаётъ ихъ вмѣстѣ, хочетъ убить Тристана, но промахнулся; Тристанъ наноситъ ему ударъ мечемъ плашмя, отчего тотъ падаетъ, а самъ удаляется съ нѣкоторыми рыцарями въ лѣсъ. Очнувшись, Маркъ идетъ съ вооруженною силой къ дому Тристана, желая отмстить ему; узнавъ, что онъ въ лѣсу, пугается: теперь не будетъ выхода изъ города ни ему, ни кому другому. Audret обѣщаетъ Марку залучить Тристана: по его совѣту король пишетъ ему извинительное письмо и проситъ вернуться. Brangien, посланная съ письмомъ, предупреждаетъ Тристана, чтобъ онъ не слишкомъ довѣрялся. — Lamoral de Galles посылаетъ ко двору Марка зачарованный рогъ, испытующій вѣрность женъ¹⁾. — Уловка Audret'а уличить Тристана (лезвья, *des faulx*, поставленныя въ спальнѣ Изольды, которыми долженъ былъ порѣзаться Тристанъ) не удается. — Маркъ запрещаетъ, по совѣту Audret, входить кому бы то ни было изъ мужчинъ въ покой Изольды; дѣвушка (по имени *Basille*), любовь которой отвергнута Тристаномъ, говоритъ Audret'у, что Тристанъ можетъ проникнуть къ Изольдѣ изъ сада черезъ окно; Audret вмѣстѣ съ нѣкоторыми рыцарями даетъ ему пройти къ своей милой и поджидаетъ его; Тристанъ, предупрежденный Brangien, расправляется съ засадой и успѣваетъ уйти. — Маркъ запираетъ жену въ башню, гдѣ Тристанъ посѣщаетъ ее, переодѣтый женщиной;

¹⁾ Объ этомъ мотивѣ см. Golther, I. c., стр. 20.

они схвачены и обречены на наказаніе, но бѣгутъ и вмѣстѣ съ Говерналемъ и *damoyselle* Изольды, qui avoit nom *Lamide* (f. LVIII), поселяются въ *une riche manoir qui fut a la sage damoyselle* (l. c.), а рыцарей, какіе при нихъ были, отсылаютъ къ Артуру съ поклономъ Ланселоту и *Lamorai*. Въ отсутствіи Тристана Маркъ увозитъ жену; Тристанъ возвращается домой, раненый ядовитою стрѣлой, не найдя Изольды, предается горю. Его рана опасна; узнавъ о томъ, *Brangien* совѣтуетъ ему ѣхать *en la petite Bretagne*¹⁾

а) къ королю *Noel*, дочь котораго, *Yseult aux blanches mains*, вылѣчила его рану. Онъ женится на ней, но брака не совершаетъ: его мысли у «красной Изольды» (*la bloye*), жены Марка; тайну своей страсти онъ повѣряетъ пріятелю, брату жены, *Kahedin* (*Polidori: Ghedino, Gheldino*), который предлагаетъ сопутствовать ему въ Корнуаль. Итальянскій текстъ прибавляетъ, что по рассказамъ Тристана *Ghedino* заочно влюбился въ его милую²⁾; французскій — помѣщаетъ передъ отъѣздомъ

¹⁾ Отличія текста *Polidori*, стр. 154 слѣд.: Тристанъ и Изотта у Марка; одна *donzella* Изотты, отвергнутая Тристаномъ, сообщаетъ *Adrette* свои подозрѣнія относительно связи Тристана съ королевой. Неудачная уловка *Adrette* (лезвья въ спальнѣ Изотты); эпизодъ съ *Amorotto di Gaules*; заставъ Тристана у жены, Маркъ запираетъ ее въ башню. Далѣе рассказъ тотъ же до похищенія жены Марка. Раненаго ядовитою стрѣлою Тристана Брандина лѣчитъ, съ дозволенія короля, въ замкѣ *di Cornazim*. Однажды, задумавшись объ Изоттѣ, Тристанъ не отвѣтилъ на привѣтствіе проѣзжаго рыцаря и принужденъ вступить съ нимъ въ бой, который оканчивается признаніемъ: то былъ Ланселотъ, нарочно пріѣхавшій, чтобы познакомиться съ Тристаномъ. Ланселотъ миритъ его съ королемъ, тѣмъ не менѣе Маркъ продолжаетъ злоумышлять противъ племянника, подсылаетъ къ нему убійцу, но успокаивается, увидѣвъ однажды, что, предупрежденный Брандиной о его посѣщеніи, Тристанъ спитъ не съ Изоттой, а съ Ланселотомъ. Рассказъ переходитъ на время къ послѣднему, котораго въ *Gioiosa Guardia* осадилъ Артуръ, заставшій его вдвоемъ съ Жиневрой; Тристанъ явился на помощь Ланселоту, устраиваетъ его примиреніе съ королемъ и, вернувшись въ Корноваль, ѣдетъ, по совѣту Брандины, въ *Petitta Brettagna*.

²⁾ Во французскомъ текстѣ, f. LXXXII, онъ влюбляется въ нее, когда видитъ ее при дворѣ Марка: *et tout incontinent que Kahedin veit Yseult, si l'ayma si durement que oncques puis son cueur n'en partit deuant la mort.*

нѣсколько эпизодовъ, недостающихъ у Polidori; я остановлюсь на одномъ изъ нихъ.

б) Тристанъ, Изольда и Kahedin катаются по морю; буря заноситъ ихъ къ «*crays du seruage*», гдѣ великанъ Nabon le noir держалъ въ рабствѣ всѣхъ, кто приставакъ къ скалистому берегу. Тристанъ находитъ здѣсь Lamoral'я, Segurades'a и другихъ людей изъ Logres. Великанъ хочетъ отпраздновать военными играми посвященіе своего сына въ рыцари: бой палицами (*bastons*) при щитахъ. Lamoral побѣждаетъ одного норгальца, но самъ побѣжденъ великаномъ, вызывающимъ новаго противника. Вызывается Тристанъ, который и объявляетъ свое имя (f. LXV—LXVI): Certes, dit Nabon, or suis ie plus ioyeux que devant quant ie te tiens en ma prison: ce ieu n'est pas ieu de l'espee, plus te doubtasse que ie ne feray, si te vueil monstrier que aussi comme Tristan est le meilleur cheualier du monde, aussi est Nabon le noir le meilleur escremisseur du monde. Or te garde meshuy, car ie te ferray se ie puis nom pas iusques a la mort. Mais hardiement m'occiez de cest ieu se vous pouez, fait Tristan, que vous en scauez tant, car ie vous dis bien que ie vous feray se ie puis. Et Nabon dit que de ce se gardera il bien. A tant commence l'escremye Tristan et ne monstre pas qu'il en sache tant pource qu'il veult que le geant s'abandonne a luy. Et le geant s'abandonne a luy qui ne s'apperçoit pas comme Tristan se va faignant et cuide que Tristan ne saiche riens ainsi comme il luy est aduis. Tristan s'en va destournant une heure ça une heure la, si que le geant le fiert ung petit, mais il ne luy fist nul mal. Et puis dit Tristan: Or sachez que ie te eusse bien blece se i'eusse voulu. Ce sçay ie bien, dist Tristan, or me garderay ie mieulx une autrefois. Lors recommencent a geter et Tristan dit: Nabon, garde toy mieulx que tu n'as fait, car saches que ie te feray se ie puis. Et Nabon dist qu'il se garderoit bien et qu'il ne fait que geter petis coups pour monstrier au peuple quelle courtoisie il faisoit a Tristan, combien qu'il scauoit de l'escremye plus que luy. Tristan si voit bien qu'il est temps de mener a fin

ce qu'il pensoit, si haulce le baston et fiert le geant parmy la teste, si qu'il chet a terre tout estourdy et ne scet s'il est iour ou nuyt. Alors gecte ung grant plaint et dist: Haa, Tristan, tu m'as occis. Se m'aïst Dieu, dist Tristan, vous mourrez se Dieu plaist, ainçois que vous m'eschappez. Lors recouure et luy donne ung si grant coup qu'il l'occist. Всѣ, находившіеся въ рабствѣ у великана, освобождены. Назначивъ властителемъ области Segurades'a, Тристанъ возвращается въ Малую Британію. — Слѣдуютъ во французскомъ текстѣ приключенія Lamoral'я, затѣмъ рыцаря à la cotte mal taillée; лишь послѣ этого разсказъ переходитъ къ Тристану — и къ согласію съ италіанскимъ текстомъ: Brangien приноситъ Тристану письмо отъ Изольды, приглашающее его вернуться; онъ ѣдетъ съ Kahedin, будто бы вызванный по дѣлу въ Leonnoys; буря заноситъ ихъ «pres de la forest Darnantes» (ит. Dernantes, Andernantes), ou la damoyselle du lac avoit emprisonne Merlin» (f. LXXVI), гдѣ какая-то дѣвушка (въ италіанскомъ текстѣ: Elergia) держитъ въ волшебномъ плѣну Артура, котораго безуспѣшно ищутъ рыцари его двора. Въ этомъ мѣсту происходитъ рядъ приключеній: Тристанъ бьется, между прочимъ, съ Keux le seneschal (ит. Chieso), который, не зная Тристана, глумится надъ корнуальскими рыцарями, но сбитъ Тристаномъ (позднѣе въ италіанскомъ текстѣ Ланцелотъ смѣется надъ Chieso: Ты думалъ, что Тристанъ испугается твоихъ словъ?). — Тристанъ освобождаетъ Артура.

За возвращеніемъ Тристана къ Марку слѣдуетъ въ италіанскомъ текстѣ эпизодъ съ «яблоней» (ит. rîno), помѣщенный нашимъ текстомъ ранѣе. Новая хитрость Марка: между постелью своей жены и Тристановой, онъ велитъ посыпать полъ мукою, чтобы можно было по слѣдамъ узнать не прошеннаго посѣтителя. Тристанъ скачетъ со своего мѣста на ложе Изотты, при этомъ у него лопнули отъ натуги жилы на рукѣ, кровь осталась на полу и на постели. Маркъ хочетъ сжечь жену, но напередъ подвергаетъ ее испытанію Божьимъ судомъ; слѣдуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ эпизодовъ Тристановой легенды: Тристанъ, пере-

одѣтый юродивымъ, обнимаетъ Изотту, а она клянется, что никто, кромѣ этого юродиваго, ея не касался¹⁾. Одинъ навѣтчикъ совѣтуетъ Марку изгнать Тристана и Изотту изъ царства, чтобы заразы освободиться отъ печали; они поселяются въ одномъ замкѣ и спятъ, положивъ промежъ себя обнаженный мечъ. Дѣлали они это потому, что то мѣсто было не безопасное; Маркъ, застающій ихъ спящими, толкуетъ мечъ, какъ знаменіе чистоты ихъ отношеній и съ честью возвращаетъ ихъ къ себѣ²⁾.

Всего этого нѣтъ во французскомъ романѣ въ указанной связи: освободивъ Артура, Тристанъ ѣдетъ въ Корнуаль, и слѣдуетъ эпизодъ любви Kahedin'a (ит. Ghedino) къ Изольдѣ, параллельно съ соответствующимъ рассказомъ у Полидори. Я сообщаю его лишь въ общихъ очертаніяхъ: Kahedin пишетъ Изольдѣ любовное письмо; она отвѣчаетъ ему уклончиво и мягко, какъ будто обнадеживая, но лишь затѣмъ, чтобы не опечалить его. Письмо это попадаетъ въ руки Тристану, который, убѣжденный въ невѣрности Изольды, удаляется въ пустынный лѣсъ, одичалъ, живетъ какъ юродивый, изступивъ изъ ума. Здѣсь находитъ его Маркъ и ведетъ въ городъ, не узнаннаго; Изольда ухаживаетъ за нимъ, но когда онъ выздоровѣлъ, Маркъ высылаетъ его изъ Корнуаля.

Далѣе содержаніе французскаго и италіанскаго романовъ снова расходятся. Первый рассказываетъ объ отъѣздѣ Тристана въ Logres, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Dinadans, бьется противъ тридцати рыцарей, которыхъ Morgain поставила въ засадѣ, чтобъ

¹⁾ Сл. мои Славянскія Сказанія о Соломонѣ и Кнтовраѣ, стр. 23—25 и прим. 1 на стр. 25; Lutoslawski, *Les folies de Tristan*, въ *Romania* № 60; Golther, l. c., стр. 13—15, 85 слѣд., 99; H. von Wlislöcki, *Die Episode des Gottesgerichtes in «Tristan und Isolde» unter den transilvanischen Zeltzigeunern und Rumänen*, въ *Zeitschrift f. vergl. Litteraturgeschichte* I, стр. 457 и слѣд.

²⁾ Мотивъ меча, положеннаго между спящими на постели, знакомый Bérroul'ю и Eilhart'у (сл. Muret, l. c., стр. 337—8; Golther, l. c., стр. 24, 118), Sarrazin (l. c. стр. 263, 270) считаетъ почему-то германскимъ. Онъ столь мало германскій, что встрѣчается напр. и у кабардинцевъ. Сл. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горахъ, VI, стр. 99.

убить Ланцелота. Слѣдуютъ подвиги Тристана на турнирѣ при Chateau aux Pucelles. Не узанный никѣмъ, онъ скрывается; рыцари Артура ѣдутъ искать его, находятъ Ланцелотъ. Маркъ отправляется въ Logres съ цѣлью убить Тристана; Артуръ миритъ ихъ и обязываетъ Марка не злоумышлять противъ племянника по пріѣздѣ въ Корнуаль, куда оба и отправляются. Тристанъ побѣдоносно отражаетъ нападеніе Sesnes, но Маркъ заключилъ его въ темницу, изъ которой его освобождаютъ Percival и жители Leonnois, а въ темницу посаженъ самъ Маркъ.

Вмѣсто всего этого италіанскій текстъ даетъ такія подробности:

с) При rocca del Dianfer Тристанъ бьется съ исполиномъ Lucano lo Grande; первымъ выѣзжаетъ противъ исполина, вооруженнаго палицей, спутникъ Тристана, Dinadano; тотъ «*sì lo prende per lo nasale del'elmo e lievalo di sul suo cavallo e leggiermente lo ne porta in verso la rocca*».

д) Послѣ нѣкоторыхъ другихъ приключеній Тристанъ пріѣзжаетъ въ замокъ Медей (Medeas); всякій, желавшій обладать ею, обязанъ былъ биться съ тѣмъ, кто въ то время пользовался ея любовью, и лишь убивъ его, вступалъ въ его права. Медей и ея сестры (Lavina, Agnena, Bresenda и Pulizena) были самыя распутныя женщины въ свѣтѣ, дочери «*della bella suora d'Amore, la quale discese de la gentile reina Calistra (вар. Talistre), la quale fue reina dello regno Femminoro, capo e membro di lussuria*» (Thalestris Александровыхъ романовъ) ¹⁾.

Слѣдуютъ новыя приключенія и эпизодъ

е) объ одной дамѣ, волшебницѣ (la quale molto sapeva delle sette arti), по имени Escorducarla (вар. Ascherducola, Eschonducola); узнавъ, что одинъ изъ рыцарей Артура убилъ ея че-

¹⁾ Сл. сходный эпизодъ въ Méraugis de Portlesgueз у G. Paris, Les romans, стр. 226—7, и въ одномъ прозаическомъ текстѣ старофранцузскаго Мерлина, изданномъ обществомъ des anciens textes français (Merlin, roman en prose du XIII-e siècle publ. par G. Paris et Jacob Ulrich, Paris 1887), t. II, стр. 44—57. Сл. G. Paris, l. c., стр. 287 и 172—3 (эпизодъ изъ Guinglain).

тырехъ сыновей, а самъ король отрубилъ голову ея дочери Elergia'и (сл. выше, стр. 198), она пишетъ своему брату Lasancis (вар. Lancisse, Asancis, Lasencis, Asencis), «il quale dimorava nella rocca della Ancisa de l'Isola Riposta nello mare Uziano», поручая ему свою месть. Тотъ отказывается за старостью, но она даетъ ему зачарованное оружіе, которое не беретъ никакое другое; копье, которое не погнется, если даже будетъ въ употребленіи въ теченіи цѣлаго года, съ такимъ остріемъ, что стоять только коснуться имъ противника, и онъ будетъ сбитъ. Такъ онъ сразить всѣхъ рыцарей Артура, запретъ ихъ во дворецъ и сожжетъ, а жителей Камелота предастъ смерти. Lasancis отправляется; рыцари (Артуръ, Ланцелотъ и др.) сражены одинъ за другимъ и заперты; Жиневра въ сообществѣ четырехъ дѣвушекъ ѣдетъ искать Тристана въ Tintoille, встрѣчаетъ его на границѣ Гаскони al castello di Barfonalle, не узнаетъ его (онъ мѣнялъ свои insegne), спрашиваетъ о немъ его самого, и когда онъ открылся ей, говоритъ о своемъ горѣ. Они отправляются вмѣстѣ; на пути отшельникъ сообщаетъ Тристану тайну вооруженія Lasancis'а и не велитъ биться съ нимъ на копьяхъ. Прибывъ въ Камелотъ, Тристанъ распоряжается, чтобъ убрали всѣ копья и дротики, какіе находились въ городѣ и, явившись на поединокъ съ желѣзной палицей въ рукахъ, говоритъ о себѣ Lasancis'у, что онъ юный рыцарь, не привыкшій къ турниру, къ тому же копья ему негдѣ взять, и онъ проситъ биться съ нимъ на мечехъ или палицами. Lasancis гордо снисходитъ къ его просьбѣ, дивится ударамъ противника, которые оружіе его выдерживаетъ, соглашается повторить бой на утро, но забываетъ на мѣстѣ свое копье. Когда онъ хватился его, было уже поздно; въ слѣдующемъ поединкѣ онъ сбитъ Тристаномъ и говоритъ, кто онъ и зачѣмъ пришелъ. Тристанъ запираетъ его на всю жизнь, а волшебное оружіе велитъ прокалить въ огнѣ, чтобы оно не попало въ руки кому-нибудь другому.

Послѣ этого Тристанъ возвращается въ Корноваль, посылаетъ Изотту подъ видомъ священника; ихъ застаютъ вмѣстѣ

и заключаютъ порознь. Является Prezzivalle, бьется съ Маркомъ, который въ свою очередь посаженъ въ тюрьму.

Сойдясъ снова, оба текста

f) заставляютъ Тристана и Изольду ѣхать въ Logres. Во французскомъ романѣ (I. II, f. LXIII) Тристанъ наѣзжаетъ подъ Joyeuse Garde на шатры Артура и его рыцарей, сбиваетъ многихъ изъ нихъ, но узнавъ лишь однимъ Ланцелотомъ, который приглашаетъ ихъ къ себѣ въ Joyeuse Garde. Желая увидѣть Тристана и Изольду, Артуръ назначаетъ турниръ devant le chateau de Louseph. — Итальянскій текстъ здѣсь подробнѣе: Тристанъ ѣдетъ съ Изоттой въ Gioiosa Guardia къ Ланцелоту, одѣтый монахомъ; Ланцелотъ выѣхавшій искать его, ибо до него дошли слухи, что Тристанъ въ заключеніи, не призналъ его въ монахѣ, на спутницу котораго заглядывается. Она краше Изотты и Жиневры, онъ удивляется, что монахъ водить ее съ собою, когда у него можетъ отнять ее любой рыцарь; навязывается къ нимъ въ спутники, гонитъ монаха прочь, желая завладѣть его дамой. Слѣдующій за тѣмъ бой кончается признаніемъ противниковъ, которые ѣдутъ вмѣстѣ; Тристанъ не велитъ о себѣ говорить. Ланцелотъ проѣзжаетъ впередъ, находитъ Артура и его дворъ въ шатрахъ передъ городомъ; затѣмъ является и Тристанъ, требуя поединка, сбиваетъ Galvano, Mordarette, Agravano и другихъ; всѣ ждутъ, что Ланцелотъ отмститъ за поражение товарищей, а онъ подъѣзжаетъ къ Тристану и вмѣстѣ съ нимъ и Изоттой отправляется въ Gioiosa Guardia. — Позднѣе, узнавъ, что то были Тристанъ и Изотта, и желая ихъ видѣть, Артуръ сзываетъ турниръ al bel ciastel del Verzeppe.

Послѣ турнира, гдѣ Тристанъ показалъ чудеса храбрости, лишь итальянскій текстъ говоритъ, что

g) Ланцелотъ поѣхалъ искать своего сына, рожденнаго отъ дочери dello re Pilles Pescaor.

Слѣдуетъ тамъ и здѣсь бой Ланцелота съ Brunor le Noir (Brunor lo Bruno), которому Тристанъ ссудилъ свое оружіе, вслѣдствіе чего Бруноръ за него и принять. Въ слѣдующей за-

тѣмъ войнѣ между ирландцами и норгальцами Тристанъ и Ланцелотъ находятся на разныхъ сторонахъ; Артуръ миритъ ихъ.

Дальнѣйшія приключенія Тристана я сообщаю уже въ порядкѣ италіанскаго текста; французскій представляетъ здѣсь другую редакцію и лишь небольшое количество параллелей.

h) Оставивъ Изотту въ Камелотѣ, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ; встрѣча съ древнимъ рыцаремъ: ему болѣе 170 лѣтъ; онъ оказывается della Tavola Vecchia, по имени Sigurans lo Bruno,... cavaliere Agragone (вар. Agrone), lo più forte combattitore che avesse lo re Uterpandragone in sua corte. Тристанъ хочетъ съ нимъ помѣриться, и тотъ, узнавъ его имя, согласенъ. Оба падаютъ съ коней и сознаются, что никогда не испытали такого удара, а Ланцелота Sigurans сбиваетъ съ коня. Онъ приглашаетъ ихъ къ себѣ, но они ѣдутъ далѣе; въ послѣдствіи они узнаютъ о его смерти отъ паденія съ лошади.

Дама Озера залучила въ волшебный дворецъ Тристана и Изотту, Ланцелота и Жиневру. Освободившись оттуда и вернувшись въ Камелотъ, Тристанъ отсылаетъ Изотту въ Gioiosa Guardia въ сопровожденіи Аморольда и Паламидеса; позднѣе ему доносятъ, что Паламидесъ остался у Изотты, хотя онъ пробылъ въ Gioiosa Guardia всего одинъ вечеръ. Тристанъ смертельно ревнуетъ къ нему.

i) Разсказывается о рожденіи сына Ланцелотова, Galeazzo или Galasso, о появленіи его при дворѣ Артура, который, провидя грядущее запустѣніе Круглаго Стола, когда всѣ витязи увлекутся поисками за Святымъ Гралемъ, сзываетъ, въ воспоминаніе древняго рыцарства, турниръ, на которомъ Galasso сбиваетъ, между прочимъ, и Ланцелота. — Вскорѣ затѣмъ на турнирѣ al Castello di Ferelois, онъ снова сбиваетъ Тристана и Ланцелота и удаляется тайкомъ; они ѣдутъ искать его.

j) Въ боѣ съ великанами Ланцелотъ раненъ и остается въ одномъ аббатствѣ, а Тристанъ ѣдетъ далѣшѣ, встрѣчаетъ въ Valle Ombrosa Паламидеса, которому не отвѣчаетъ на поклонъ. Тотъ смущенъ, и предупреждая вызовъ, самъ вызываетъ Три-

стана: ему лучше смерть, чѣмъ жизнь въ постоянномъ страхѣ; поединку быть на утро у *petrone di Merlino*. Тристанъ явился, Паламидеса нѣтъ; вмѣсто него пріѣзжаетъ Ланцелотъ, искавший Тристана. Тотъ вызываетъ его на бой, принявъ за врага. Признаніе совершается во-время. — Во французскомъ романѣ этому эпизоду отвѣчаютъ два: изъ нихъ одинъ разсказанъ раньше (I. II, f. XX слѣд.): Тристанъ освобождаетъ Паламеда отъ нападенія десяти рыцарей, сбравшихся убить его, но узнавъ кто онъ, вызываетъ его на поединокъ «au perron Merlin»; Паламедъ не могъ явиться въ назначенное время «car il fut emprisonné dedans le terme» (f. XXI); вмѣсто него противникомъ Тристана является Ланцелотъ; бой происходитъ въ присутствіи Говернала. — Другой сходный эпизодъ слѣдуетъ за войной между ирландцами и норгальцами и миромъ, устроеннымъ между Тристаномъ и Ланцелотомъ. Тристанъ отправляется въ Joyeuse Garde вмѣстѣ съ Паламедомъ; въ мѣсту онъ подслушиваетъ lau, который Паламедъ сложилъ и пѣлъ про Изольду, и вызываетъ его на бой. Паламедъ не вооруженъ и назначаетъ поединокъ черезъ недѣлю, devant la fontaine du pin, но на этотъ разъ Тристанъ не могъ явиться потому что былъ раненъ (I. II, f. CXVI слѣд.) ¹⁾.

к) Ланцелотъ и Тристанъ ѣдутъ далѣе; у входа въ Valle Scura надпись на столбѣ запрещаетъ идти далѣе иначе, какъ не вооруженными и ведя коней въ поводьяхъ: въ замкѣ Derudicano (вар. Derundighanoro) властвуетъ lo cavalier Fellone, магъ, у котораго силъ было въ пять разъ больше, чѣмъ у всякаго, сражающагося съ нимъ. Онъ сбиваетъ Тристана съ коня; а Ланцелота беретъ въ плѣнъ; очнувшись, Тристанъ рѣшается во

¹⁾ Анонимный авторъ «Cantare quando Tristano e Lancielotto combatetero al petrone Merlino», изданнаго проф. Райной (Scelta di curiosità letterarie № CXXXV), слѣдовалъ, по его мнѣнію, не тексту Tavola Ritonda, а компиляціи Rusticien de Pise (сл. стр. I и слѣд. введенія), либо ея итальянскому переводу (ib. стр. LVI), одинъ текстъ котораго былъ напечатанъ Tassi, Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa (Firenze, 1855). Сл. у Tassi стр. 55 и слѣд.

что бы то ни стало освободить товарища; дама верхомъ на конѣ предупреждаетъ его о волшебной силѣ Fellone: пусть поидетъ въ такую-то часовню и поклонится передъ распятіемъ никогда болѣе не грѣшить съ Изоттой, а при всякомъ ударѣ противника говорить: Христе распятый, помози мнѣ; всякій разъ у мага убудетъ сила одного человѣка. Тристанъ побѣждаетъ Fellone, но головы ему не срубаетъ, ибо тотъ говоритъ, что только онъ одинъ можетъ освободить своихъ узниковъ. За то Тристанъ не выпускаетъ его изъ рукъ: когда невидимая рука приносить ему обѣдъ, онъ садится на Fellone и ѣсть, ложась спать кладетъ его себѣ въ изголовье. Онъ слышитъ голосъ Брандины и Изотты, зовущей его къ себѣ, забывшись бѣжить къ другой постели, стоявшей въ покоѣ; въ это время раздается громъ, постель охвачена пламенемъ, Fellone, притворившійся мертвымъ, хватаетъ Тристана, но тотъ призвавъ имя Распятаго, отрубаетъ ему правую руку и велитъ поклясться, что онъ крестится, отпуститъ всѣхъ узниковъ и станетъ держать замокъ отъ имени короля Артура ¹⁾).

1) Тристанъ и Ланцелотъ приѣзжаютъ al castello di Cologia. гдѣ видятъ много рыцарей-сарадинъ; графъ Sebio (вар. Sabio, Sabbio) объявилъ турниръ: который рыцарь при одномъ лишь оруженосцѣ побѣдитъ его и его сто рыцарей, тому онъ даетъ руку своей дочери и замокъ. Никто изъ людей замка не пригласилъ къ себѣ приѣзжихъ, только одинъ старый, бѣдный рыцарь позвалъ ихъ къ себѣ; его сынъ и дочь прислуживаютъ имъ. Ночью Тристанъ надумался, какъ бы наградить гостепріимнаго хозяина, и рѣшаетъ выйти на турниръ, чтобы добыть руку дочери графа для сына рыцаря. Ланцелотъ съ этимъ согласенъ; онъ выступитъ въ качествѣ рыцаря, Тристанъ въ роли его оруженосца. Ланцелотъ бьется съ графомъ и убиваетъ его; глянулъ, а Тристанъ отдыхаетъ. Что это ты дѣлаешь? спрашиваетъ онъ его; а тотъ уже успѣлъ расправиться съ своими противни-

¹⁾ Сл. у G. Paris, Les romans, l. c., стр. 80, эпизодъ объ Escanor'ѣ (= Derudicanoro?) въ Le cimetière périlleux.

ками, другихъ запугать, такъ что они его не беспокоятъ. Тристанъ и Ланцелотъ женятъ хозяйскаго сына (которому дали имя: Sire Ricevi Ventura) на дочери графа, а сына графа (котораго прозвали: Sire Dona Avventura) на дочери хозяина.

м) Ланцелотъ и Тристанъ уѣзжаютъ и разъѣзжаются, первый въ поиски за Святымъ Гралемъ, Тристанъ къ Изоттѣ. По дорогѣ, вызванный на поединокъ, онъ убиваетъ Лусаного и далѣе, не зная того, останавливается въ замкѣ его отца, которому одинъ конюшій говоритъ, что его гость и есть убійца его сына. У Тристана похищаютъ мечъ, связываютъ его и обрекаютъ на смерть; когда его вывели на казнь, проѣзжаетъ Паламидесъ; въ началѣ онъ радъ Тристановой невзгодѣ, но слова Тристана его образумили: не честь ему будетъ, если онъ не поможетъ рыцарю въ бѣдѣ. И вотъ онъ проситъ хозяина замка отпустить Тристана, и когда тотъ не соглашается, нападаетъ на него и убиваетъ; Тристанъ также освобождается отъ узъ и бѣжитъ на сторонѣ Паламидеса, который говоритъ ему: Еслибы я явился къ petrone di Merlino, ты бы теперь погибъ; онъ объясняетъ ему неосновательность его подозрѣній, они дружатся, и Тристанъ ѣдетъ въ Gioiosa Guardia.

Слѣдуютъ: приключенія Prezzivalle, Bordo и Galasso въ поискахъ за Святымъ Гралемъ; Маркъ осаждаетъ Артура въ Камелотѣ, но отбить; онъ похищаетъ Изотту и отправляетъ ее въ Корноваль; услышавъ о томъ, Тристанъ падаетъ какъ мертвый, сѣтуетъ и ѣдетъ совершенно забывшись, не слышитъ вызова messer Chienso и падаетъ съ коня отъ его удара; узнавъ, что это Тристанъ, Chienso опечаленъ; Тристанъ прощаетъ ему. — Поединокъ Тристана съ Astore di Mare; встрѣча съ дѣвушкой, съ которою fata Morgana посылала Марку отравленное копьё — на смерть звѣрю, то-есть, Тристану. Подѣзжаетъ Breus, спрашиваетъ Тристана, подѣ его ли охраной та дѣвушка; получивъ утвердительный отвѣтъ, вызываетъ его на бой и, побѣжденный, проситъ Тристана и подѣхавшаго Astore захватить въ его замокъ.

н) У Бреуса дама Галіена, которую изъ ревности онъ никому

не показывается, почему въ свой замокъ не пускалъ рыцарей, а всѣхъ дамъ считалъ распутными. Приѣхавъ къ себѣ съ гостями, онъ не велитъ говорить, что у него есть дама, спрашиваетъ приѣзжихъ объ ихъ имени; Astore не называетъ Тристана, но въ немъ самомъ Бреусъ призналъ своего врага, о чемъ и говоритъ племянницѣ: не будь другого рыцаря, онъ съ нимъ бы теперь расправился. Дѣвушка идетъ къ гостямъ и забавляетъ ихъ игрой на арфѣ; Тристанъ беретъ у нея арфу, играетъ еще лучше и затѣмъ исполняетъ sonetto, сложенный имъ, когда онъ узналъ объ увозѣ Изотты изъ Gioiosa Guardia. По игрѣ дѣвушка признаетъ въ немъ Тристана¹⁾, въ чемъ тотъ не сознается; узнавъ о томъ Бреусъ, допрашиваетъ Тристана, но онъ обѣщаетъ назвать себя лишь при разставаніи. На другой день, когда гости выѣхали изъ замка, Бреусъ поднимаетъ мостъ и задвигаетъ входъ, ибо, объясняетъ онъ, всякій влюбленный рыцарь ему врагъ и онъ такому не довѣряетъ.

Слѣдуетъ рядъ приключеній, въ которыхъ выступаетъ Тристанъ и Ланцелотъ, Astore и Breus; Тристанъ въ Корновалѣ, посѣщаетъ Изотту переодѣтый дѣвушкой. Она и Тристанъ видятъ сонъ, предвѣщающій ихъ смерть. Они играютъ въ шахматы и поютъ сонетъ, сложенный Изоттой; Adrette слышитъ это и доноситъ Марку, который черезъ окно бросаетъ въ Тристана копьемъ Морганы. Простившись съ Изоттой, Тристанъ ѣдетъ al castello Dinasso; всѣ средства противъ раны тщетны, Изотта горюетъ, Маркъ доволенъ, но зная, что Тристану не избѣжать смерти, онъ разжалобился и по просьбѣ племянника дозволяетъ ему свидѣться съ его милой. Онъ обнимаетъ ее, и они умираютъ вмѣстѣ. Маркъ опечаленъ; когда любовниковъ похоронили, изъ гробницы выросла виноградная лоза: одинъ ея корень въ сердцѣ Тристана, другой въ сердцѣ Изольды²⁾. Сагреморъ

¹⁾ См. сходную сцену французскаго романа (I. II, f. CIII): дѣвушка играетъ и поетъ lais въ присутствіи Тристана; затѣмъ играетъ онъ самъ; она узнаетъ его по игрѣ.

²⁾ См. объ этомъ мотивѣ Golther, l. c., стр. 27—29; 71, 119, и замѣтки Gaidoz'a и Psichari въ Mélusine IV, стр. 12 и 60—62.

приносить вѣсть объ ихъ смерти въ Камелотъ; Маркъ наказанъ тѣмъ, что его сажаютъ въ башню возлѣ Тристановой гробницы, гдѣ онъ и умираетъ. Романъ (стр. 524 слѣд.) кончается разсказомъ о томъ, какъ разрушенъ былъ Круглый Столъ.

Разсказъ редакціи Polidori о смерти Тристана отъ руки Марка свойственъ французскому прозаическому роману за исключеніемъ ркп. № 103 и ея старопечатнаго отраженія ¹⁾. Здѣсь за эпизодомъ о не состоявшемся поединкѣ Паламеда съ Тристаномъ говорится (l. II, f. CXVII): *En ce temps que Tristan et Yseult estoient en la Joyeuse Garde fut entreprinse la queste du Saint Graal. Tristan se mist en la queste et en fut compaignon, et par ce eut le roy Marc Yseult et en fist le roy Artus la paix et fut le roy Marc deliure de prison* ²⁾. Тристанъ отправляется въ Малую Британію, гдѣ Kahedin, братъ Тристановой жены, уже умеръ отъ безнадежной любви къ Изольдѣ, а другому, Runalem'у (№ 103: Ruvalen; изд. 1520 г.: Runalen), Тристанъ помогаетъ проникнуть къ любимой имъ Gorgeolain (№ 103: Gargeolain), женѣ Bedalys'a. Разсказъ объ этомъ прерывается двумя другими: о войнѣ Тристана съ графомъ Нантскимъ и о томъ, какъ онъ ѣздилъ въ Корнуаль и въ образѣ юродиваго (sot) видѣлся тамъ съ Изоттой. Послѣдній мотивъ, сохраненный, какъ мы видѣли, италіанскимъ текстомъ, здѣсь полузабытъ и, очевидно, не у мѣста, хотя онъ находится въ той-же связи уже у Эйльгардта ³⁾, находился, стало быть и въ общемъ источникѣ послѣдняго и № 103 = прозаическаго романа ⁴⁾. Слѣдующія за тѣмъ слова Изольды, вѣроятно, присочинены, ибо ихъ нѣтъ у Эйльгардта ⁵⁾: Изольда говоритъ Тристану на прощаньи: «*Beau doulx amy, ie vous demande que s'il aduient que*

¹⁾ Сл. выше, стр. 134 и Golther, l. c., стр. 99.

²⁾ Слѣдующій далѣе эпизодъ напечатанъ былъ Bédier (l. c. стр. 496 слѣд.) по ркп. № 103 съ варьянтами изданія романа 1520 года.

³⁾ v. 8646—8941; сл. Ulrich von Türheim v. 2471—2704; Heinrich von Freiberg, v. 5015—5497.

⁴⁾ Сл. Bédier, l. c., стр. 482; Lutoslawski, l. c., стр. 525—6.

⁵⁾ Сл. Bédier, l. c., стр. 486.

uouz mourez auant moy ou que uous auez mal de mort ains que moy, que vous vous facez mettre en une nef et vous faictes ça apporter, et gardez que la moitie du voille qui en la nef sera soit blanche et l'autre noire; et se vous estes mort ou qu'e ce soit mal de mort, que le noir soit mys deuant, et se uous n'estes mort et que uous soyez en plaine sante, si soit mis le blanc deuant et le noir derriere». Вмѣстѣ съ Runalem Тристанъ посѣщаетъ жену Bedalis'a, который, преслѣдуя не прошенныхъ гостей, сильно ранить Тристана. Онъ посылаетъ въ Корнуаль къ Изольдѣ, чтобъ она приѣхала полѣчить его, а посланному наказываетъ (l. II p. CXXI): «se elle uient avec uous, gardez que la voille de uostre nef soit blanche, et se uous ne l'amenez, qu'il soit noir». Изольда ѣдетъ, но жена Тристана узнала тайну его условнаго знака и въ порывѣ ревности говорить мужу, что парусъ виднѣется черный. Услышавъ это, Тристанъ кончается, а надъ нимъ умираетъ и прибывшая между тѣмъ жена Марка.

Прослѣдимъ отличія этого эпизода по другимъ текстамъ.

У Eilhart von Oberge (ed. Lichtenstein), Тристана ранить отравленнымъ копьемъ (v. 9219) Nampetênis ¹⁾, за женой котораго ухаживалъ братъ Тристановой жены, Kehenis (Kahedin проз. романа; Kaherdin Томаса). Тристанъ выписываетъ себѣ первую Изольду; далѣе разсказъ тотъ же, что и во французскомъ романѣ. Тѣ же подробности и имена, что у Eilhart'a, повторяются у Генриха Фрейбергскаго и въ нѣмецкомъ прозаическомъ романѣ XV вѣка ²⁾. — До сихъ поръ мы въ преданіи Bérout'a. Перейдемъ къ версіи Томаса: у него (Fr. Michel, Tristan II,

¹⁾ Bédier, l. c., стр. 484—485, на основаніи одного указанія въ редакціи Томаса, дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что Nampetênis не что иное, какъ непонятое: nain Bedenis = Bedalis № 103 и прозаическаго романа; за его то женой ухаживалъ Kaherdins. Томасъ зналъ, стало быть, редакцію разсказа о смерти Тристана, сходную съ Bérout'евой, но устранилъ еѣ въ пользу другой.

²⁾ Heinrichs von Freiberg Tristan, hrsg. von R. Bechstein, v. 5719 слѣд. (Nampotênis, Kâedin); Tristrant und Isolde, Prosaroman des XV Jahrhunderts hrsg. von Fr. Pfaff (Bibl. des litt. Vereins in Stuttg. t. CLII): Nampetenis, Caynis

стр. 37 слѣд.) и въ сѣверномъ пересказѣ его поэмы¹⁾ Тристанъ и Kaherdin (сѣв. Кердинъ) являются неузнанные на турниръ къ королю Марку, при чемъ Kaherdin убиваетъ Kariado li beals (въ сагѣ, по смѣшенію: Mariadok) ухаживавшаго за Изольдой; послѣ того Тристанъ съ товарищемъ помогаютъ рыцарю, Тристану—карлику (Tristran le Nain), у котораго Estult l'Orgillius del Castel-Fer похитилъ жену; одинъ изъ враговъ ранить Тристана отравленнымъ мечемъ; конецъ тотъ же. Въ Sir Tristrem²⁾ Тристанъ и Ganhardin ѣдутъ къ Изольдѣ, женѣ Марка, за которою тщетно ухаживаетъ Canados constable (строфа CCLXXV); на турнирѣ, созванномъ по просьбѣ Тристана (строфа CCXCIV); онъ убиваетъ Canados'a и возвращается въ Бретань, гдѣ рыцарь «Tristrem» (строфа CCC) проситъ его помочь ему достать похищенную жену, а о Тристанѣ говорится (CCSIV и послѣдняя строфа):

Ac an aruwe oway he bare
In his old wounde.

Обратимся теперь ко второй части русской повѣсти, указывая на ея соотвѣтствія съ эпизодами пересказанныхъ выше текстовъ.

Послѣ передѣлки съ Паламидежемъ Тристанъ съ Ижотой направляется къ Домолоту. Одна дѣвушка предупреждаетъ его: на переду стоитъ Артіушъ съ Жениброю и рыцарями, узрятъ они у тебя «нацуднейшую паниу, усхотат ю у тебе ѡтнати мощною битвою». Тристанъ не слушается и ѣдетъ; подъѣзжая къ шатрамъ Артура, говоритъ Ижотѣ: шатры распяты близко дороги, прямо поѣхать — будетъ битва, а поѣхать стороною, скажутъ: «ѡно ведетъ страшливыи витез нацуднѣишую панну»; онъ ѣдетъ прямо, наказавъ Ижотѣ никуда не смотрѣть, «нижъ мнѣ Трыщану межы плеч, а коню своему межы ушы»; зацѣпилъ проѣзжая за «поврозы» шатра, такъ что онъ встряхнулся. Ко-

¹⁾ Kōlbing, Die nordische und die englische Version der Tristansage, v. I.

²⁾ I. c. v. II.

роль съ королевой сидѣли въ то время за столомъ; витязи дивятся дерзости проѣзжаго, выскочили посмотреть на него; Ланцелотъ, не узнавшій Тристана, «што былъ въ зброи» (но по нашему тексту онъ его раньше и не видалъ!), хвалитъ его посадку, а «подчашыи именемъ Геушъ», имѣвшій «великую храброст, але мало силы», напоминаетъ Артіушу его обѣщаніе: «быхъ га виделъ науднеишую панну, тую ми еси мѣлъ дати». Онъ указываетъ на Ижоту, обѣщаясь привести и Тристана. Ланцелотъ его останавливаетъ: скорѣе увидишь ты твоего коня, наступающаго на поводья, чѣмъ того рыцаря у своего стремени. Ижота видитъ ѣдущаго за ними Геуша; какъ онъ ѣдетъ? спрашиваетъ Тристанъ; «што наборздей колко конь можетъ», отвѣчаетъ Ижота; это новоставленный рыцарь, говоритъ Тристанъ, съ нимъ легко будетъ справиться. Онъ не только сбросилъ Геуша, но и велитъ ему вернуться пѣшимъ, ведя коня въ поводахъ и неся на себѣ свою сбрую, которую обязанъ принести въ даръ своему господину. Увидѣвъ возвращавшагося Геуша, рыцари Артіуша думаютъ, что онъ убилъ проѣзжаго рыцаря и его даму и нагрузился добытою сброей; но Ланцелотъ ихъ разувѣряетъ: то нашъ витязь свою же сбрую несетъ. Артіушъ опечаленъ его пораженіемъ, велитъ Женибрѣ попросить Анцелота выступить противъ того рыцаря. Она молитъ его: «Наивышшый витезю Анцэлоте, для бога соими з нашего пана корола Артыуша терновъ венецъ и узложы смилного, приведи к намъ того витезю, а тебе будетъ онага панна. Анцэлот рэкъ: Почтенага пани, чого для мене шлешъ за тымъ витеземъ, за прыкрою моею смертью?» Тѣмъ не менѣе онъ вооружается и ѣдетъ за Тристаномъ, который, узнавъ отъ Ижоты, что рыцарь ѣдетъ за ними «тихо ступою», рѣшаетъ, что «то естъ витезъ старыхъ витезей, га не вѣмъ, если ты будешъ его, або мота». Онъ остановился отдохнуть въ тѣни церкви, снялъ шлемъ; Ланцелотъ узнаетъ его, они привѣтствуютъ другъ друга и возвращаются къ Артіушу, гдѣ каждый изъ нихъ спѣшитъ отдать другому преимущество: Тристанъ говоритъ, что Ланцелотъ большій чѣмъ онъ витязь и его самого привелъ, «какъ елена за горло», Ланцелотъ,

что Тристанъ не хотѣлъ его погубить, а привелъ, «какъ дитя бичом, на стан короля Артіуша»¹⁾). Рыцари Артіуша рѣшаютъ, что оба они равны, а въ тоже время судьи сравниваютъ красоту Женибры и Ижоты и отдаютъ преимущество послѣдней. Женибра этимъ разгнѣвана, хочетъ чѣмъ-нибудь «поганбити» Тристана, проситъ Гаваона выѣхать противъ него. Тристанъ его сбиваетъ, бьется въ теченіи трехъ дней противъ всѣхъ рыцарей Артіуша, и когда королева снова направила на него Ланцелота, говоритъ ему, что эта битва ему не по сердцу, «нижли бачылъ еси, ꙗкова ми была, моцная битва за тые тры дни? Даи ми рокъ той битве ѡдинъ день». Ланцелотъ даетъ ему пятнадцать дней.

Для всего этого отдѣла сл. §§ f и b (бой съ Кеух) романа въ нашемъ пересказѣ.

Тристанъ уѣзжаетъ, вмѣстѣ съ нимъ хочетъ ѣхать и Ланцелотъ, но королева удерживаетъ его: «чули есмо, иж маетъ прыити король Самъсижъ ѡт Чорного Ѡстрова на дворъ короля Артіуша. Является Самсижъ, вызываетъ на бой всѣхъ рыцарей Артіуша: кого онъ свалитъ, тотъ будетъ въ его власти. Онъ сбиваетъ одиннадцать человѣкъ, Ланцелота и Артіуша, и уводитъ ихъ въ плѣнъ. По просьбѣ Ланцелота Женибра идетъ искать Тристана: одинъ онъ можетъ ихъ освободить. Одна дѣвушка говоритъ ей, гдѣ его найти: «Вѣдаешъ первое пристанище, а в того приста- нища много судья, и перво вбачышъ судью пана Трыщаново въкрашно перлы и дорогимъ каменемъ; а если его в томъ судне не будетъ, и ты его тамъ пытаи, на которомъ стану красу и веселье наибольшее узрышъ, бо то ѡнъ любитъ». Женибра входитъ въ шатеръ Тристана, который лежалъ раненый, сообщаетъ ему о своемъ несчастіи; какъ услышалъ онъ о томъ, «взалъ мѣчь в го- ловахъ и стреснулъ такъ прудко, ажъ з ранъ кровь по постели по- текла; и видевшы то Ижота рече: Пани ты королевая корунова- наа, ꙗкъ еси ты прышла къ наибольшему витезю с печальными

¹⁾ Въ Chevalier au lion Gauvain и Ivain бьются другъ съ другомъ въ те- ченіи цѣлаго дня, не признавая одинъ другого; когда признаніе совершилось, каждый изъ нихъ спѣшитъ объявить себя побѣжденнымъ.

речми? Тобѣ было прійти тихо и шворыти маккие уста на тихие беседы¹⁾, нехай бы са витезю серцэ на храброст шбротило. Королева рекла: Пани Ижота, якъ наша мысль розна! Ты напуднейшама пани на свѣте, а маєшь водле себе своего пана, у ком надею маєшь, ты его можеш учынити здорова наболеи до десяти дней, а я видела, гдѣ поведен мой панъ король Артиушъ и его витези. И погланул панъ Трыщан сердито на Ижоту дла речей королевое Женибры. Вѣдаючи Ижота обычаи Трыщановъ, ижъ ему мило веселе, и похватила королевую за руку и почала играти горатанский танецъ велми пекне, и дла того почало са серцэ пану Трыщану на храброст шбрати, и рече Говорнару: Даи ми лютню. И почаль играти велми цудне, и шбема паням и пану Трыщану исполнило са серцэ веселем слухаючи лютни». Онъ садится на корабль съ Ижотою, Жениброю и Говорнаромъ и ѣдетъ; во время бури, которой боится Женибра, онъ развлекаетъ всѣхъ своею игрой, такъ что всѣ забыли объ опасности.

Эпизодъ о Самсижѣ прерывается двумя другими.

Тристанъ и его спутники пристають къ острову «валашеныхъ» (эвнуховъ); тамъ царила панна, не знавшая мужа и всѣмъ пристававшимъ къ тому острову предлагавшая либо быть лишенными мужской силы, либо вѣчно томиться въ темницѣ, куда попадаетъ и Тристанъ. Онъ находитъ тамъ товарищей своего несчастія; между тѣмъ младшій братъ той панны заглядѣлся на Ижоту (ее и Женибру Тристанъ выдалъ за сестеръ) и говоритъ, что если она пойдетъ за него, онъ освободитъ ея брата, а пока даетъ возможность увидѣть его. Ижота успѣваетъ забросить Тристану въ темницу его мечъ, который носила «подъ сукнею». При помощи его и другихъ узниковъ Тристанъ освобождается изъ заключенія, спѣшитъ къ той паннѣ; а у нея былъ такой обычай, «иж ни против одного витеза не рушыла са з мѣстца, коли ей чоломъ вдарыль. А кгда ей споведали ш Трыщану, а она на

¹⁾ Сл. Троянскую притчу: Пріамъ успокоиваетъ Андромаху «тихими бесѣдами».

золотом узголовю посмыкала са як змиг на купе, а коли видела пана Трыщана у дверехъ палацу своего, такъ скочыла велми прудко, стретила его насеред палацу, а вода по ногам текла, и поклакѣнула перед Трыщаномъ». Онъ срубилъ ей голову, спрашиваетъ Ижоту: который изъ братьевъ присватался къ ней, и съ нимъ поступаетъ также. «Женибра рече: Пани, чому то еси учынила? Ижота рече: Почтенамъ пани, а вижу тепер натуру пана Трыщана, коли быхъ ему правды не поведала, не вѣмъ што бы са з нами учынило». Тристанъ отпустилъ и одарилъ всѣхъ плѣнниковъ; они хотятъ слѣдовать за нимъ, но онъ велитъ имъ идти по домамъ, «а который з вас усхочетъ назвати са пану Анцолоту слугою, а мною Трыщаномъ данъ, хочу того вчынити тому замку и тому прыстанищу паномъ». Вызывается на это витязь Амодоръ¹⁾. — Сходнаго эпизода нѣтъ ни во французскомъ, ни въ италіанскомъ текстахъ (сл. впрочемъ § d).

То же слѣдуетъ сказать и о слѣдующемъ приключеніи Тристана на пути къ Самсигу: Тристанъ пристаеъ къ одному городу, гдѣ все хорошо, былъ только тамъ «одинъ зрадливыи крыжнатъ (?)», тотъ былъ много добылъ зрадою и былъ виненъ ганбою витезем и паннамъ, а таковыи обычаи мѣлъ: кождаго госта зрадне забивалъ и статки его бралъ». Всѣ дивуются Тристану и его чудесной игрѣ на лютнѣ, а «крыжнатъ» затѣваетъ убить его, подстерегаетъ утромъ, когда онъ идетъ къ обѣднѣ, но Ижота увидѣла его во время, и Тристанъ быстро съ нимъ расправился. Раздавъ награбленныя имъ богатства, Тристанъ ѣдетъ далѣе — и продолжается эпизодъ о Самсигѣ.

Подѣзжая къ Черному острову, Тристанъ велѣлъ себѣ и Говорнару скроить «латынские шаты», учинился латынникомъ — купцомъ, а Изоту и Женибру одѣлъ монахинями и зоветъ ихъ своими сестрами. У Самсига былъ такой обычай, что рыцари его брали у заѣзжихъ купцовъ, что имъ вздумается, а король платилъ за всѣхъ; Тристанъ опасается, чтобъ у него не отняли

¹⁾ У Polidori (сл. выше, стр. 164) такъ названъ конюшій дочери Перемонта, поставленный Тристаномъ въ рыцари.

Ижоту и Женибру, а Говорнаръ просить, чтобъ имъ дозволено было торговать свободно, безъ опасенія насилія, что и обѣщано. Одинъ рыцарь призналъ было въ «латынникѣ» — Тристана, побѣдителя ирландскаго турнира, но тотъ отрицается. Самсизу говорятъ, что у приѣзжаго купца двѣ сестры-красавицы; ты могъ бы ихъ купить. Король идетъ къ берегу: «Здоров, латынине! Трыщан потекъ к нему и поздоровил его, и дивили са кролевы витези, какъ мистерне тотъ латыненин до крола кинулъ; з нас бы того никто такъ не вчынил». Король застаеть въ шатрѣ обѣихъ дамъ въ игрѣ за «крышталовыми» шахматами; что они стокють? спрашиваетъ онъ. — «Не можеш ми заплатити. И кроль рекъ: Коли бых хотѣлъ, я бых тобѣ дал за кождаго пѣшка еждчалого витеза, а за корола того крола Артиуша. А Трыщанъ рекъ: Што са не продает, того не можеш купити». Тогда Самсизъ просить продать ему Ижоту: онъ отмѣрить золотомъ «тры крот», а серебромъ сколько хочешь, и затѣмъ предлагаетъ играть въ шахматы о нее и о третью часть королевства. Но Тристанъ не умѣетъ играть; «я поставлю попа въ старшомъ местцу, а иншыи шахи гдѣ маем поставити? Рекъ король: Правый естъ латыненин, у нихъ поп начеснеишыи». Тогда король предлагаетъ Тристану биться съ нимъ о ту панну и о полъ-королевства, или и о все королевство; коли не захочешъ, я и даромъ возьму. Тристанъ говоритъ, что не знаетъ, какъ и на коня сѣсть и въ сброю убраться, «бо есми не видал болшое битвы, одно кали са почнут бити играючи латынские дѣти текучы по улицахъ древнаными мечыками; так ли и мы маемъ? Король рече: Так, латынъниче, але мы будемъ железными; добре еси учынилъ, што ми еси тую чудную панну прывель». Тристанъ снаряжается къ бою, но дѣлаеть все на выворотъ; велитъ отнести сброю Самсизу, «и ж не може прыстати свѣтлаа зброа на латынские плечы». Онъ надѣваетъ свои собственныя доспѣхи, велитъ приготовить снадобья для ранъ, ибо готовится пойдти «къ наболшому витезу сего свѣта», и съ Ижотой и Жениброй выѣзжаетъ на мѣсто поединка. Онъ знаетъ, что ему предстоитъ смерть, говорить онъ

Самсизу, «а коли маю вмерети, волѣлъ бых тамъ, гдѣ видять болшъ смерть мою». Онъ проситъ вывести Артиуша и плѣнныхъ рыцарей на мѣсто поединка, тотъ соглашается; Анцолоть и его товарищи признали Тристана и смѣются, ожидая освобожденія.

«Король Самсиз приступил и рече Трыщану: Би са, латыниче. Трыщан рече: Пане, навчы ма. Король вынал мечъ и почал бразкати по зброи его говоречи: Так тѣни, а так са уккрыи, и заса рече: Хочеш ли, латынине, оставити тую битву, а дати мнѣ панну? Рече Трыщан: Кролю, ты-с мене научыл добре, тако пан великци, але коли бых са мог уложыти ѡт твоего меча, смѣлъ ли бых тати? И ѡн рече: Ёсли можеш, уккрывай са, але не узможеш. Рече Трыщан: А коли быхъ могъ тати, смѣлъ ли быхъ? Корол рече: Тни. Трыщан рече: Кролю, научыл ма еси, варуи са-ж ма». Начинается бой; Тристанъ такъ ударилъ короля, что «ѡтпали ему руки з мечомъ на землю. И рече Трыщан: Паметай са королю, абых ти рукъ не ѡкрывавиль, але болшъ того не умѣю. И ухватилъ мѣчь свои за конец и понес Самсизу говоречи: Чого дла еси покинул мѣчь твой? Ёсли тажок, на-жъ ти мой мечъ, а тот дай мне. И поизрел кроль Самсиз на Трыщана гнѣвным ѡбычаем. Рече Трыщан: Чому на ма так сердито смотриш? Што есми тебе победил хитре и мистѣрне, инак есми не вмелъ с тобою поити, ено такъ. Король рек: Почтенный витезю Трыщане, по шырмерѣству есми тебѣ позналъ и просил есми бога, абыхъ не вмер наглою смертыю ѡт жестоких вдарцовъ твоих и ѡт ѡстрога меча твоего. Ия тобѣ говору вѣроу витезскою, бы ми еси того послал хто бы ми ѡ тебе поведал, га бых тобѣ пустил корола Артиуша и его витези». Настаетъ общее веселье; «пан Трыщан казал прынести тое веселе, которым са Самсиз веселил, трубы, дуды, лютни, арфы, арганы, шахи, варцабы велми цудне украшено ѡбычаемъ господским, и почали веселити са». Ижота представляеть Ланцелолу рыцаря Амодара.

Для всего эпизода о Самсизѣ ел. наши извлеченія §§ е (Lansancis) и b (Nabon le Noir).

Нѣтъ ни во французскомъ романѣ, ни у Polidori непосред-

ственно слѣдующаго: витязь изъ Франціи «отъ короля Перемонта» хочетъ перевѣдаться съ Тристаномъ и сраженъ имъ; другіе, прибывшіе за тѣмъ же, отказываются отъ своего намѣренія. Тристанъ разстался съ Артуромъ; Ланцелотъ желалъ бы сопутствовать Тристану, но Артуръ обѣщаетъ отпустить его лишь по возвращеніи домой.

Затѣмъ пріѣхали къ Тристану (куда?) семь витязей, жалуются на «Смердодуга поганина», ласково принимающаго въ своемъ пристанищѣ всѣхъ рыцарей, но затѣмъ подвергающаго ихъ мукамъ. Тристанъ хочетъ наказать его, самъ присталъ «у пристанище Смердодуга поганина», который встрѣчаетъ его привѣтливо, помѣстилъ въ «чорный палацъ», куда посылаетъ свою дочь — развлечь гостей игрой на лютнѣ, пока настанетъ время «вкинути ихъ на муку». Она играетъ; Тристанъ попросилъ у нея лютни, играетъ такъ, что его заслушались. По игрѣ дѣвушка его узнала, о чемъ и докладываетъ отцу: Тристанъ не дастъ себя осрамить. Самъ Смердодугій идетъ бесѣдовать съ нимъ, оставляетъ его въ покоѣ, а на другой день, когда выпустилъ его изъ воротъ, заперъ ихъ и говоритъ его товарищамъ, что спасеніемъ своимъ они обязаны лишь Тристану. Затѣмъ Смердодугій, одумавшись, хочетъ «сесромотить» Тристана, нагналъ его, обѣщаетъ назваться его слугою, ѣздитъ съ нимъ по свѣту, а пока проситъ вернуться въ его замокъ. Тристанъ соглашается; когда онъ прибылъ, у него отобрали оружіе, а одинъ витезь «зъ далека» говоритъ ему, что его затѣваютъ убить. Его ведутъ на казнь; въ это время проѣзжалъ «витезь Паламидежъ Ануплинич..., наибольший непрятель Трыщановъ», говоритъ, что не годится доброму рыцарю безъ битвы голову снимать. Они глумятся надъ нимъ: «Мы видали, што тать за тата вступаетса». Оскорбленный этимъ, Паламидежъ отдаетъ Тристану одинъ изъ своихъ мечей, и оба начинаютъ рубить на право и на лѣво. Смердодугій спасся тѣмъ, что скрылся въ церковь; Тристанъ благодаритъ Паламидежа за помощь, тотъ проситъ у него дара. — Все, чего ни попросишь, кромѣ Ижоты, отвѣчаетъ Тристанъ. А Паламидежъ того и же-

лаеть и объявляетъ себя еще бѣльшимъ непріателемъ Тристана, чѣмъ былъ прежде. Они вступаютъ въ бой, который прерванъ Тристаномъ: онъ усталъ въ битвѣ съ людьми Смердодуга, Паламидежу не будетъ хвалы, если онъ побѣдитъ его; отложимъ битву на пятнадцать дней; быть ей у этой церкви. — Паламидежь согласенъ, ѣдетъ ко двору Артіуша, говорить, что Тристанъ во власти Смердодуга, съ которымъ и онъ самъ бился, но долженъ былъ прекратить бой, потому что былъ раненъ. Онъ обязался, будто-бы, явиться ко второму поединку туда-то, черезъ пятнадцать дней, но если къ тому времени не выздоровѣетъ, пусть перевѣдается съ поганиномъ кто-нибудь другой. Вызывается ѣхать Ланцелотъ; у церкви онъ встрѣчаетъ Тристана съ Ижотой и Говорнаркомъ; принимая Тристана за Смердодугаго, онъ бьется съ нимъ; «Говорнаръ Трыщановъ» изумляется ударамъ Ланцелота: такъ можетъ биться только Ланцелотъ, говоритъ онъ, а Говорнаръ (?) Ланцелота дивится доблести его противника: никто не постоитъ противъ моего пана, развѣ Тристанъ. Услышавъ это, Ижота проситъ обоихъ рыцарей: «О добрые витези, разберыте са, абы того вамъ не было жаль». Они сняли шлемы и опознали другъ друга и начали цаловаться; у нихъ является охота снова начать бой, чтобъ испытать обоюдныя силы, но Ижота проситъ отложить его на пятнадцать дней. — Всѣ ѣдутъ, видятъ: везутъ мертваго Паламидежа; онъ обѣщалъ Трыщану явиться въ условленный срокъ, но не посмѣлъ живымъ; «але нехай мертвого витеза реч права будетъ», говоритъ его «шправца». — Сл. въ моемъ пересказѣ §§ к + п, м и j.

Тристанъ и Ланцелотъ встрѣчаютъ дѣвушку, которая говорить имъ о турнирѣ, объявленномъ у короля Перемонта: «хто хочетъ свою сестру або дочку королевую поставити, поедъ безъ мешкана». Они ѣдутъ и прибыли въ одно село, гдѣ никто не пригласилъ ихъ на ночлегъ, позвала одна бѣдная панна, «принесла имъ ести двѣ птицы, одну печоную, а другую вароную (далѣе объясняется, что это — «два скока»), вина а хлѣбецъ; и конемъ дано ести. И рече имъ: Витези, честуйте са, занюжъ вамъ

мыслити ѿбо мнѣ и ѿ собѣ». Оказалось, что ихъ хозяйка — дочь короля, у котораго Перемонтъ отобралъ землю; она одна осталась при отцѣ и кормила его, чѣмъ могла: «што убила на ѿбѣдѣ, того бывало и на вечеру, а што къ вечера, того и на снѣдане». Тристанъ говоритъ, что напрасно она на нихъ исхарчилась, но ей не жалко было убить «два скока двум соколом». И она повторяетъ: «Витези, вам мыслить ѿ мне и ѿ собѣ». Тристанъ рѣшается наградить ее: выступить на турниръ, чтобы поставить ее королевой. Ланцелотъ согласенъ, онъ будетъ оправцей (оруженосцемъ) Тристана, Тристанъ его паномъ; панна надѣла на голову «венец цудного цвѣту цыприсова, который принесен ѿ двора короля Артиушова». На пути они встрѣчаютъ Амодора, ѣхавшаго съ сестрой, также съ цѣлью поставить ее королевой; онъ отказывается отъ своего намѣренія, а богатыя шаты сестры уступаетъ дамѣ Тристана и Ланцелота. Когда они прибыли къ турниру, коловоротъ былъ уже затворенъ; Ланцелотъ перескочилъ черезъ него и отворилъ, такъ что Тристанъ могъ вѣхатъ съ панною, которую сажаетъ на высшемъ мѣстѣ. «А коли виделъ сын короля Перемонтовъ Трыщана и рекъ: И бымъ зычылъ, коли бы того витеза панна королевою была. А кгда видела дочка королева ѿную панъну, не зычыла, абы ее витез турнаа добылъ; и дивуючы са мовили: То витез есть упрямый, прыехалъ в турнаа ѿпосле и свою панну вышей всех посадил». По просьбѣ Тристана дѣвушка надѣваетъ ему на голову свой вѣнецъ, съ тѣмъ чтобы онъ, оборонивши ее, вернулъ его. «А иные панны мовечы смѣтали са ей: Ѡ глупаа дѣвко, якъ може не ѿборонившы вернути тот цудный венецъ! А коли ѿн всадет на конь, его блѣдое лицо и свѣтлыи гелмъ маюу нашы витези змешати с прохомъ». — Противъ Тристана выѣзжаетъ Дивданъ (во французскомъ и итальянскомъ романахъ Dinadans, Dinadano является у Тристана въ товарищахъ), «а былъ болшей вдачон дѣвкамъ, нижи рыцаромъ»; Тристанъ сбиваетъ его, затѣмъ другихъ, «а Анцелот беручы и метал за шпронокъ, а мовилъ великимъ голосомъ: Витези, мой пан по турнаа свободне ездит. И рекли судьи: Тот витезъ

турнаа добывает, с кимъ ходит добрыи справца. И был тут один король от многих лѣтъ и рече: Не тот, але сныи витез добываетъ, который свободно по турнай ездит. А тогда свободно по турнай ездилъ Юшор Мадерым (*Astore di Mare!*), брат Анцолотов, сынъ Домолота короля Локвенскаго. Дѣвка Трыщанова рекла: Гдѣ сила, тут и паветъ». Еще разъ повторяютъ судьи и король свое рѣшеніе, а дѣвушка имъ на это: «Охъ мои боже, добрыи обычаи у нашої стороне, не дадут скомороху добрые люди зъ собою размовлати, дадут ему дуду, нехай их веселитъ». Тристанъ вызываетъ Яшора, сбилъ его и узнаетъ, что то братъ Ланцелота; Яшоръ пристаеъ къ нему и Тристану, рыцари отъ нихъ сторонятся. «Трыщан рече: Мы Трыщан и Анцолот прырекамы словомъ рыцѣрскимъ: Доколь конь не падет, не хочу зъсести для того, ачеи будетъ рыцѣр издалека ехал, а не прыспелъ, хочу его дождати. Анцолот виделъ одного травника, а онъ траву не-сетъ и рече: Рыцѣру, оно едетъ рыцѣр рыцѣрскимъ обычаемъ, трещитъ ему конь копытомъ, а твои конь спрацовалъ са. И онъ (то-есть, Ланцелотъ) обротил такъ мощно, ажъ ему конь пал; а для того то Анцолот вчинилъ, абы са рыцѣрское слово споль-нило». — Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ § 1.

Поставивъ свою панну королевой и выдавъ ее за сына Перемонта, Тристанъ и Ланцелотъ ѣдутъ и прибыли въ Кесарію, отчину трехъ братьевъ рыцарей, «што передъ тымъ были на земли наимоцнейшыя рыцѣры». Имена имъ: Либрунь, Игрунь (у *Polidori: Sigurans lo Bruno, cavaliere Agrone*), Марко; двое изъ нихъ умерло, а Либрунь «было сорокъ лѣтъ какъ коня спустилъ для старости, а сулицу прыслонилъ, а зброю повесил, и была сулица мхомъ обросла. А была в него жона велми хороша, има ей было Цвытажиа»¹⁾). Ставъ подъ городомъ, витязи посылаютъ ей сказать, чтобъ она вышла, «маемъ одинъ зъ насъ с тобою мѣти любовъ». Два раза проситъ ихъ Либрунь удалиться съ Богомъ;

¹⁾ Florette, Florence? Сл. выше (стр. 75) въ троянской притчѣ *Цептану* (въ текстѣ Миклошича), *Цевнуажію* (у Ягича въ *Prilozi*) = *Ανδροεια*, тамъ и здѣсь отвѣчающія Ифигеніи.

на третій велить дать себѣ сулицу и коня; «коли сулицу взяли, аж она мхом поросла, и обвили ее ручниками». Тристанъ и Ланцелотъ спорятъ, кому изъ нихъ выѣхать противъ него; онъ хочетъ сражаться съ обоими вмѣстѣ, «бо я первыихъ витезевъ витезъ». Сулицы Тристана и Ланцелота разщепились отъ удара, «а Либрун схватил ихъ с конемъ однимъ одною рукою, а иного иною рукою и положил ихъ митусъ передъ собою на кони и потрепал ихъ каждого рукою по челюсти и рекъ: Съѣйте з богомъ, вы есте оба добрыя витези». Сл. въ нашемъ пересказѣ § h и § c. и начало романа о Мелиадусѣ Rusticien'a de Pise. Онъ начинается такимъ образомъ ¹⁾: Ci commence le livre du Roy Meliadus de Leonnois qui fu pere au bon chevalier Tristan neveu au Roy Marc de Cornoaille; et premierement de *Braunor (Branor) le brun* qui avoit VI vins ans d'aage. Et comment il vint a la court le Roy Artus et amena une noble damoiselle avecques lui. Et comment il abati de coup de lance XII Roys et tous les chevaliers de la table ronde ne oncques ne le porent remuer de selle.... Et sachiez qu'il estoit si corsus que pou s'en failloit que il n'estoit jaïans». Онъ является ко двору Артура съ прелестной дѣвушкой, которая оказывается въ послѣдствіи его племянницей, сестрой *Segurades le brun*, вызываетъ всѣхъ помѣряться съ нимъ: кто его собьетъ, si aura gaignie la terre et la dame qui est bien une des plus vaillans dames du monde. Онъ сбиваетъ всѣхъ рыцарей, начиная съ *Palamedes (filz Esclabor le mecongneuz)* до Тристана, Ланцелота и самого Артура, но отказывается повѣдать, кто онъ. Лишь позже мы узнаемъ, что онъ изъ рыцарей короля Утерпендрагона, отца Артура, по имени *Branor le Brun, le chevalier au dragon* (сл. въ ит. текстѣ *Girone: Branor Bruni, cavaliere d'Andragon; у Polidori: cavaliere Agrone, Agragone = a dragone*), двоюродный братъ *Hector le Brun*; ему болѣе 120 лѣтъ и онъ 40 лѣтъ,

¹⁾ Сл. соответствующій отрывокъ, напечатанный у Bartoli, Storia della letteratura italiana III, Appendice I. Сл. *Girone il Cortese, romanzo cavalleresco di Rustico o Rusticiano da Pisa* ed. Francesco Tassi (Ferenze, 1855), стр. 1 слѣд.; сл. 14, 18—19, 38, 53—55.

какъ не брался за оружіе, но, говоритъ онъ Артуру, «je avoie grant desirier d'esprouver vos chevaliers avant que je trespasasse, pour ce que il ont grant renommee de chevalerie, pour ce avoie je talent d'esprouver les chevaliers de cest pays pour savoir combien ilz avoient de povoir, et pour savoir li quel estoient meilleur chevalier ou li ancien ou li nouvel. Esprouve l'ay la Dien mercis. Si vous di que je vi jadis tels deux chevaliers qui trespassez sont, que tous les chevaliers qui sont en vostre hostel pour qu'il fussent jusque .II. cens, ilz les aroient moult tost mis a la terre les uns apres les autres, si vous nommeray li quel furent cil: li uns fu monseigneur Hector le brun, cestui fu li ainsnez (= Игрунъ?), cestui fu bien parfait chevalier et puissant le plus qui fust a son temps; et l'autres fu Galehot le brun (Марко?), voirement fu cestui le meilleur chevalier du siecle a son temps».

Эпизодомъ о Branor le brun открывается романъ Rusticien'a, переведенный (пересказанный) имъ «du livre monseigneur Edouart le Roy d'Engleterre», говорящій далѣе и о Ланцелотѣ и о Тристанѣ и объ ихъ подвигахъ, ensi que l'on trouvera escript en tous les autres livres. Et pour ce que le maistre les trouva escripts en livre d'Engleterre, si metra une grant aventure tout premierement qui advint a Kamalot en la court le Roy Artus le Sire de Bretaingne», т. е. рассказъ о Брунорѣ. Въ объясненіе этого распорядка служить другое, нѣсколько темное мѣсто: Et sachiez que ceste nouvelle aventure (о Брунорѣ) veult regarder le temps et les aventures qui avindrent par le temps, ceste ne seroit pas de mettre en escript en chief de cestui livre, pour ce que telz nouvelles sont escriptes en cestui livre apres ceste qui furent assez devant, mais pour ce que maistre Rusticiens le trouva ou livre au Roy d'Engleterre tout premierement et tout devant, en fist il chief de son livre, pour ce qu'elle est la plus belle aventure et la plus merveilleuse qui soit escritte entre tous les rommans du monde». И такъ эпизодъ о Брунорѣ предполагаетъ совершившимися многія событія романа, о которыхъ еще будетъ рѣчь впереди; помѣщая этотъ эпизодъ въ началѣ своего пересказа, ав-

торъ подчинился (случайному?) распоряжку книги короля Эдуарда. Оригиналъ бѣлорусской повѣсти его не зналъ и стоялъ на болѣе древней точкѣ зрѣнія; его разсказъ о Либрунѣ тѣмъ интереснѣе, что не находя себѣ близкаго соотвѣтствія ни въ старопечатномъ французскомъ, ни въ итальянскомъ текстахъ, онъ бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ источниковъ Rusticien'a.

Слѣдуетъ въ русской повѣсти встрѣча съ Галецомъ Анцоловичемъ. Тристанъ и Ланцелотъ вызываютъ его на бой; онъ говоритъ, что не умѣетъ сражаться, но когда у него хотятъ отнять сбрую и коня, бьется и свергаетъ Ланцелота и Тристана. Узнавъ, кого онъ сбиль, онъ опечалился, «и ѿ такъ великое жалости пострыг са въ мнихи, а ѿпосле не слыхали есмо ѿ немъ жадное повести, если живъ або вмер». Сл. въ нашихъ извлеченіяхъ §§ i и g.

Тристанъ съ Ланцелотомъ возвращаются къ Артіушу. Тристанъ прощается съ нимъ и ѣдетъ съ Ижотою въ Корноваль, гдѣ, передавая ее Марку, говоритъ ему: «Королю, маешъ ми за нее даковати, што есми тобе ее другии разъ мечомъ добыл». Маркъ обрадованъ, даетъ ему «ключы своего королевства», а Ижота увѣрилась въ правдѣ Брагини, которую принимаетъ въ большую, чѣмъ прежде, любовь.

Въ то время разнеслась вѣсть, что собирается турниръ «у Пазаранской земли подъ городомъ Барохомъ. Волала его ѿдна панна на има Ижота з белыми руками, ѿдного короля дочка». Тристанъ ѣдетъ туда, сбиваетъ рыцаря «Львова знамена», Климъберка и убиваетъ Ёрдина, брата «Ижоты, «што з белыми руками». Раненый, онъ ѣдетъ «в опатию. А в тотъ часъ пришолъ ему лист ѿт красное Ижоты говоречы: Пане, такъ рыба безъ воды не може быти жива, такъ я безъ тебе не могу жива быти. И Трыщан ѿт великого смутку и ѿт ран сомлѣлъ, занюжъ было дивно, такъ могъ терпети таковыя раны, бо кровъ с него велми шла. И ѿтправилъ до короля Марка с тымъ: Пане дадко, не могу ехати а ни стерпети, штобъ ма несли; если-мъ вамъ добре послужылъ, еще може мене вамъ потреба быти, пошли ми королевую

Ижоту, ачеи бы ма злечыла, иж она лѣкарство добре умѣет, а я лежу в Пазарейской земли под градом Бароком. Корол Марко отпустил Ижоту вдачне, и она пошла велми з веселымъ сердцем, а прышодшы почала его лечыти, што могучы. И не вѣм, если с тых ран выздоровель, або так вмеръ. Потуль ѿ нем писано».

Эрдинъ приведеннаго эпизода, которымъ заключается наша повѣсть, несомнѣнно отвѣчаетъ Ghedino, Gheldino у Полидори (франц. Kahedin, Кердинъ сѣверной саги; сл. у насъ § а), какъ названъ тамъ братъ бѣлорукой Изотты; остался и моментъ вражды къ нему Тристана, но вся обстановка другая; турниръ напоминаетъ такой же, созданный Изоттой (но — женой Марка), по просьбѣ Тристана, въ Sir Tristrem.

Соотвѣтствіе послѣдней части нашего текста, тамъ, гдѣ его планъ отклоняется отъ распорядка французскаго и италіанскаго романовъ, легче всего выразить послѣдовательностью, въ какой являются въ первомъ отдѣльные эпизоды послѣднихъ: f (b), e (b; сл. d?), k + n, m, j, l, h (c), i (g), a.

Гдѣ сложилась такая именно послѣдовательность? Въ сербскомъ текстѣ, подлинникѣ нашего, или въ италіанскомъ оригиналѣ перваго? Не имѣя возможности прямо отвѣтить на этотъ вопросъ, ограничимся нѣсколькими соображеніями. Разбирая составъ русской повѣсти, мы замѣтили его двойственность: первые $\frac{3}{4}$ ея содержанія представились намъ довольно близкимъ переводомъ какого-то, вѣроятно, италіанскаго романа; послѣдняя, по отношенію къ своему плану, не услѣдима ни въ одномъ изъ извѣстныхъ западныхъ оригиналовъ и, особливо къ концу, обнаруживаетъ приемы спѣшнаго, сокращающаго пересказа. Эта двойственность поддерживается соотвѣтствующею двойственностью нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: въ первой части Кеух названъ: *Кенишг* (можетъ быть: Кеишъ?) *столиникъ* или Геэшъ, Genièvge — *Веливера*; во второй — первый: *Геушъ подчасій*, вторая — *Женибра*. У автора сербской повѣсти было, стало быть, подъ руками два италіанскихъ оригинала романа, или два ихъ перевода, отвѣчающихъ двумъ намѣченнымъ нами частямъ его

компиляціи. Онъ ихъ соединилъ, и не ему ли слѣдуетъ вмѣнить особенности плана, въ которомъ является у него содержаніе его второй части? Что этотъ планъ оставилъ въ его текстѣ слѣды древняго распорядка, находившагося въ его источникахъ, тому свидѣтельствомъ *первая*, по нашей повѣсти, встрѣча Тристана съ Ланцелотомъ, при чемъ оказывается, что они уже *знаютъ* другъ друга. Кое-чего авторъ могъ не дознаться въ своихъ источникахъ; я имѣю въ виду сказанное о Галецѣ: «не слыхали есмо ѿ немъ жадное повести», о смерти Тристана: «потуль ѿ немъ писано»; иное онъ могъ привлечь изъ неизвѣстныхъ мнѣ разсказовъ: въ эпизодѣ о послѣднемъ турнирѣ Тристана рыцарь Львова знамени (*Yvain?*) и Климберкъ не могутъ принадлежать его личному изобрѣтенію ¹⁾. Болѣе свободному отношенію къ послѣдовательности разсказа отвѣчаетъ и болѣшая свобода въ стилистической обработкѣ второй части: я указываю въ примѣръ на сцены боя съ Самсижемъ, на турниръ у Перемонта, на эпизодъ о Либрунѣ — въ сравненіи съ соотвѣтствующими у Polidori и въ передѣлкѣ Rusticien'a. Во всемъ этомъ болѣе народныхъ красокъ, чѣмъ въ первой части повѣсти, хотя во всемъ текстѣ чувствуется рука сербскаго пересказчика и неравнымъ образомъ распределенное стремленіе осербить италіанскій романъ. Сюда относятся такія формы, какъ *Бруноровица*, *Ланцелотовичъ* (обѣ формы во второй части повѣсти); загадочное (Паламидежъ) *Анаплитичъ* (въ обѣихъ частяхъ), относящее насъ къ класическимъ воспоминаніямъ о Nauplias, отцѣ греческаго Паламеда: (*А*)*нуплитичу* отвѣчаетъ Naupliades, сынъ Навплия. Какъ попало сюда это классическое обозначеніе — не знаю; во французскомъ романѣ l. I f. XXX Паламедъ «filz a Clebor mescongneux; ib. f. CV: «Esclabor le mescongneux». Къ сербизмамъ относятся еще *юнаки и баны*; въ первой части escuier передается словами:

¹⁾ Имя Марка, брата Либруна и Игруна, старыхъ славныхъ витязей, едва ли принадлежитъ какому-нибудь литературному источнику, а скорѣе пѣсенному преданію — о Маркѣ Кралевичѣ. Въ основѣ могло лежать какое-нибудь созвучное собственное имя.

юнакъ, хлопецъ, пахолокъ, во второй является вмѣсто нихъ: оправца. Можетъ быть, и банъ Банокскій (Ban de Benoic) напомнилъ сербскому редактору знакомый ему титулъ банатскаго бана. Горотинскій танецъ, который исполняютъ корновальскія панны въ честь Тристана, горотанскій танецъ, который играетъ (то-есть, пляшетъ, взявши за руку Женибру) Изотта, чтобы развлечь его, едва ли не восходитъ къ сербскому *оро* (= *хоро*). Сл. въ троянской притчѣ: «Въ нѣкий днь поведе Елена царца дѣвица *хоро играти*» (текстъ Миклошича); «ти си боли в Трои танца играти с госпами», говоритъ Елена Парису (Prilozi). Слово *gigante* переведено было и даже понято въ смыслѣ собственнаго имени словомъ *враиш* = сербск. оријаш. Слово это, пишетъ мнѣ И. В. Ягичъ, — по видимому, болѣе распространено по сѣвернымъ областямъ языка, у хорватовъ, въ особенности кайкавцевъ, чѣмъ далѣе на югъ. У Вука оно не приводится, но у Поповича есть, равно какъ у Бѣлостѣнца и Ямбрешича, двухъ кайкавскихъ лексикографовъ. У словенцевъ (въ словарѣ Гутсманна и Янежича) пишутъ *orjak* вм. *orjaš*. Миклошичъ считаетъ это слово заимствованнымъ изъ мадьярскаго *óriás* (оріашъ; сл. окончанія въ *grabancijaš*, *birtaš* = шинкаръ, изъ *Wirthshaus*), а послѣднее сближаетъ съ италіанскимъ *orso*, исп. *ogro*, *huerco*, франц. *ogre*, тогда какъ Чихакъ (*Cihac*, *Dictionnaire d'étymologie daco-romane. Éléments slaves, magyars etc.*, а. v. *uriás*) едва ли правдоподобно производитъ его отъ древне-нѣмецкаго *unhiur*, *ungahiuri* = *Ungeheuer*. Ягичъ спрашиваетъ: не есть ли мадьярское *óriás* передѣлка сербскаго орјатин, въ свою очередь заимствованнаго изъ среднегреческаго *χωρίτης* = *rustico*, *gros-solano*, *incivile*? Правда, Вукъ объясняетъ орјатин = *Halunke*, но едвали точно. Замѣчу отъ себя, что если *враш* = оријаш, то первое слово можетъ быть объяснено искаженіемъ, принадлежащимъ бѣлорусскому переводчику или переписчику. Что въ италіанскомъ подлинникѣ могло стоять *orso* или *ogro* вмѣсто *gigante* — предполагать нѣтъ необходимости.

Въ эпизодѣ о Самсижѣ Тристанъ переодѣтъ купцомъ-латин-

никомъ или латининомъ, то-есть, не столько романцемъ, сколько католикомъ. Отказываясь отъ игры въ шахматы, за неумѣніемъ, онъ говоритъ Симсижу: «я поставлю попа в старшомъ мѣстѣ, а иншыя шахи гдѣ маемъ поставити»? *Sacerdos, presbyter, episcopus* были обозначеніемъ пѣшекъ въ средневѣковой шахматной игрѣ¹⁾; въ чешскомъ трактатѣ о ней ея изобрѣтателемъ является Ксерксъ Филометоръ, давшій пѣшкамъ и ихъ названія: «krále, královú, kmeti zemské, jímž ty popi říkáme²⁾, rytieře kralovy» и т. д.; «popu nazýváme v šachové hře to kamenie, jímž onen mudřec kmeti zemské mienil, múdré, staré, rozomné v práviech, ješto dávným obyčejem a příhodami zkusili rozličných věcí a čtli kronyka a psaná práva, a k tomu smysl majíce přirozený hodni sú a hotovi k statečné radě, jsúc chvalných obyčejóv a šlechtetného úmysla, jímž česť a pravda milá. — Первое мѣсто отъ короля и королевы занимаютъ попы. Nemienit kněži tu popi, ale starce múdré, urozené, bývalé v příhodách, rozomné v práviech. Takovit vše mají býti při králi, aby měl král při sebě vždy statečnú radu. Второе мѣсто предоставлену рыцарю и т. д.³⁾.

Тристанъ готовъ поставить попа на первое мѣсто, очевидно затѣмъ, чтобы авторъ могъ въ лицѣ Самсижа обличить его мнимое незнаніе: «правый естъ латыненин», говоритъ онъ ему, у них поп начеснейшии!» Едва ли эта отвѣдь принадлежитъ италян-

1) Сл. W. Wackernagel, Kleinere Schriften I: Das Schachspiel im Mittelalter, стр. 110. Къ литературѣ шахматной игры въ среднія вѣка сл. нѣмецкія передѣлки Якова de Cessole (*Solatium ludi scaccorum*, иначе: *Liber de moribus hominum*, нап. ок. 1290 года) Конрадомъ von Ammenhausen (1337), Яковомъ Menuel (изданы F. Vetter'омъ: *Das Schachzabelbuch Kunrats von Ammenhausen, Mönchs und Leutpriesters zu Stein am Rhein. Nebst den Schachzabelbüchern des Jacob von Cessole und des Jakob Menuel. Bibliothek älterer Schriftwerke der deutschen Schweiz, hrsg. von J. Baechtold u. F. Vetter. Ergänzungsband*), авторомъ *Mittelhochdeutsches Schachbuch* (ed. Sievers въ *Zeitschrift f. deutsches Alterthum*, XVII) и мастеромъ Ingold'омъ, *Das guldin Spil*. Сл. Zeller, *Die täglichen Lebensgewohnheiten im altfranzösischen Karlsepos*. Marburg 1885, стр. 59 слѣд.

2) По нѣмецки означенные пѣшки назывались «die Alten» (Wackernagel, l. c.); въ словарѣ Яна Роскоханго: *pop* = *arippus*.

3) Сл. *Knižky o hře šachové*, к тиску upravit F. Menčík (V Praze, 1880), стр. 5, 8, 28, 43.

скому оригиналу и не обличаетъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія сербскаго переводчика — не «латинника».

Остановимся наконецъ на эпизодѣ о Смердодугѣ «поганинѣ». Имя напоминаетъ мнѣ мѣстные дубровницкія легенды, смѣшанныя съ мотивами итальянскаго романа и занесенныя въ одну дубровницкую лѣтопись XV вѣка¹⁾. Подъ 783 годомъ тамъ разсказывается: «Furono fatte due statue a Raguxa per un signor Francese Rolando, qual fo victorioso qui appreno Raguxa djedro Locrema circa dieci miglia, over (ov'era?) preso uno Corsaro delli Saragini per nome *Saragino Spuzentè*. Qual statua fece Orlando de tutti duo: le que statue feze fare dove fo ponto, per lo qual si passava a Raguxa. Perchè li feze a quel loco? Perchè in colpo non si poteva abitar per caxon sua, e lui si fece al ponto perchè fo liberator dela nostra patria Raguxa. Et statua de *Swardo-duxzi* (puzzolente) Saragin fo fata ale porte de nostrò Arsenal per caxon, perchè li Raguxei an ajutato Orlando con la galia e con due fuste; qual Raguxei prima vittoria an fato con ajuto de Orlando». — *Swardo-duxzi* я объяснилъ, на основаніи параллельнаго: *Saragino spuzentè* и глоссы *puzzolente*, искаженіемъ изъ *Smardoduxzi*, какъ въ русскомъ эпосѣ татары, нехристи, являются не только погаными («поганинѣ»), но и смердящими: Самородовичами (= Смородовичами), Смарадоновичами. Предположенному *Smardoduxzi* отвѣчаетъ *Смердодугий* нашей, то-есть, сербской повѣсти; тотъ — корсаръ, этотъ лаской залучаетъ къ себѣ приѣзжихъ, чтобы предавать ихъ истязаніямъ; того наказываетъ Роландъ, этого Тристанъ; тамъ и здѣсь одинаково соединеніе мѣстныхъ памятей съ героями и именами литературнаго, итальянскаго преданія. Можетъ ли все это оправдать предположеніе, что оригинала бѣлорусской повѣсти надо искать въ Рагузѣ или ея области?

¹⁾ См. мою замѣтку: Хорватскія пѣсни о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о Гнѣвномъ Радо, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1879 г., Январь, стр. 9—10; Die Rolandsage in Ragusa въ Archiv f. slav. Philologie, V, стр. 468—469; Южно-русскія былины, вып. II, стр. 74, прим. 1.